

РусскийМир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

сожжены...
и забыты?

история
великолукской
хатыни

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.
РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.
РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.
РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

www.russkiymir.ru

ВСПОМНИТЬ КАЖДОГО

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ, В ЭТОМ НОМЕРЕ ВЫ ПРОЧТЕТЕ поистине уникальный материал, рассказывающий о судьбах людей, замученных и убитых немецкими оккупантами в великолукских деревнях Санники и Андрюково в марте и октябре 1942 года. Там погибли соответственно 385 и 360 жителей.

По масштабам трагедии это превосходит то, что произошло в белорусской Хатыни, о которой знают очень многие в нашей стране. Да и во всем мире. Об этой же истории почти ничего никому не было известно, хотя местные жители о ней помнят. Почему? Отчасти потому, что такие трагедии были «кошмарной обыденностью» той войны, смерть собрала на ней обильную жатву. Отчасти – потому что не нашлось тех, кто во время о ней рассказал бы, привлек внимание уже наших современников. Мы восполняем этот чудовищный пробел и верим в то, что рано или поздно должна стать известна судьба каждого нашего человека, погибшего на той войне, сражался ли он с нацистами на фронте или в партизанских отрядах, ковал ли победу в тылу на заводах

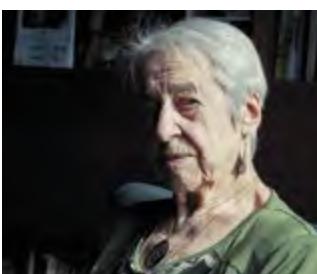
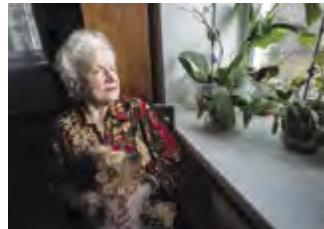
и фабриках или же пал жертвой оккупантов просто потому, что гитлеровцы вообще ставили задачу уничтожить весь наш народ как «второсортный». Наш долг перед павшими – вспомнить каждого. Не дать победить забвению – это и будет уже наша Победа. ●

РУССКИЙ МИР

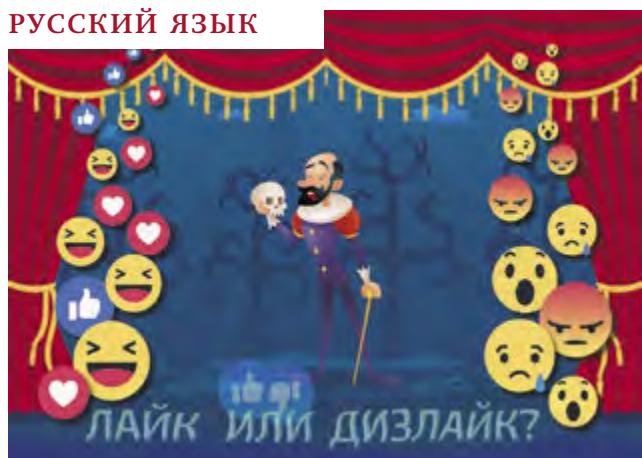
06 Право на Родину

ИНТЕРВЬЮ

РУССКИЙ ЯЗЫК

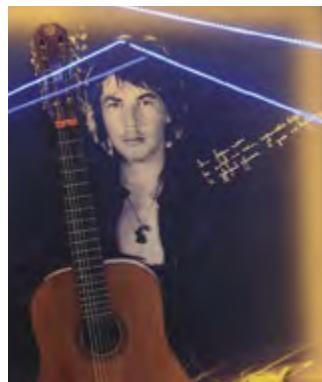
ИСТОРИЯ

НАСЛЕДИЕ

МУЗЕИ

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Арина АБРОСИМОВА
Мария БАШМАКОВА
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО
Екатерина ЖИРИЦКАЯ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Дмитрий КОПЕЛЕВ
Марина КРУГЛЯКОВА
Зинаида КУРБАТОВА
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Андрей СЕМАШКО
Денис ХРУСТАЛЁВ
Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Сайт журнала:
<https://rusmir.media>
Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

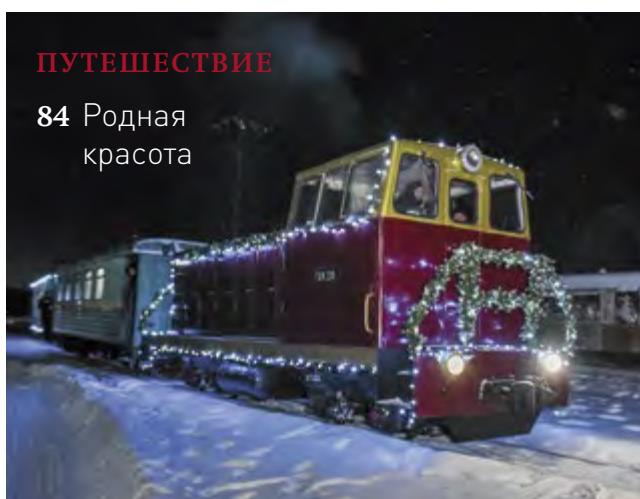
Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке:
коллаж Антона БИЗЯЕВА

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

78 Слышащие сердцем

ГОРОДА РОССИИ

90 Сормовская республика

ФОНД РУССКИЙ МИР

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

КОЗАК Д.Н.
Заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации, председатель попечительского совета Фонда

КРАВЦОВ С.С.
Министр просвещения Российской Федерации, заместитель председателя попечительского совета Фонда

ЛАВРОВ С.В.
Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛЮБИМОВА О.Б.
Министр культуры Российской Федерации

ФАЛЬКОВ В.Н.
Министр науки и высшего образования Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы по образованию и науке, председатель правления Фонда

АЛЯУТДИНОВ Р.Ж.
Директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД России

БОГДАНОВ С.И.
Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена»

КОРТАВА Т.В.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

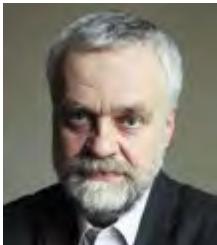

ОСАДЧИЙ М.А.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

ШЕВЦОВ П.А.
Заместитель руководителя Россотрудничества

СОСТАВ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

					
ТОЛСТОЙ В.И. Советник президента Российской Федерации, председатель наблюдательного совета Фонда	ВАРЛАМОВ А.Н. Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Литературный институт имени А.М. Горького»	ВАСИЛЬЕВА О.Ю. Председатель попечительского совета федерального государственного бюджетного учреждения «Российская академия образования»	ВЕРШИНИН С.В. Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации	ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.) Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата	КРОПАЧЕВ Н.М. Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»
					
МАСЛОВ И.В. Начальник Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами	НАРОЧНИЦКАЯ Н.А. Президент Фонда изучения исторической перспективы	НЕВЕРОВ И.С. Начальник Управления Президента Российской Федерации по внешней политике	НИКОНОВ В.А. Председатель комитета Государственной думы по образованию и науке	ПИОТРОВСКИЙ М.Б. Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»	ПРИМАКОВ Е.А. Руководитель Россотрудничества
					
САДОВНИЧИЙ В.А. Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»	СИМОНЬЯН М.С. Главный редактор федерального государственного унитарного предприятия «Международное информационное агентство «Россия сегодня»	ТОРКУНОВ А.В. Ректор федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»	ФИЛАТОВ А.Е. Начальник Управления Президента Российской Федерации по приграничному сотрудничеству		

ПРАВО НА РОДИНУ

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

В ИНСТИТУТЕ СТРАН СНГ В ОНЛАЙН-РЕЖИМЕ СОСТОЯЛСЯ ПЕРВЫЙ ЗА ДОЛГИЕ ГОДЫ КРУГЛЫЙ СТОЛ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ПРОБЛЕМАМ МИГРАЦИИ И РЕПАТРИАЦИИ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ. РОВНО 25 ЛЕТ ПРОШЛО С ПРОВЕДЕНИЯ ПЕРВОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ФОРУМА ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ, ИДЕЙНЫМ ВДОХНОВИТЕЛЕМ И ОРГАНИЗАТОРОМ КОТОРОГО БЫЛА РОССИЙСКАЯ ПРАВОЗАЩИТНИЦА И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ЛИДИЯ ГРАФОВА. В НЫНЕШНEM МЕРОПРИЯТИИ ПРИНЯЛИ УЧАСТИЕ СОТРУДНИКИ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ МИГРАЦИИ МВД РОССИИ, ПРЕДСТАВИТЕЛИ СОВЕТА ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ ПО РАЗВИТИЮ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, А ТАКЖЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ РУССКИХ ОБЩИН ИЗ СТРАН БЛИЖНЕГО И ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ.

СОВЕДУЩИЙ КРУГЛОГО стола, руководитель проекта «Право на Родину» Евгений Бобров напомнил, что еще в 2003 году он был одним из авторов концепции о репатриации в Россию представителей коренных народов. На основании этого проекта в 2007 году была принята госпрограмма переселения в Россию соотечественников из-за рубежа. Еще через десять лет в закон «О гражданстве Российской Федерации» было внесено дополнение об упрощении предоставления гражданства носителям русского языка, появилось упоминание о коренных народах, проживающих в России. Но до сих пор в этом вопросе нет полной ясности. По словам Боброва, под репатриантами следует понимать представителей коренного народа России либо их потомков до третьего колена, которые проживали на территории России. Нынешний закон о коренных малочисленных народах Севера определил 55 таких народов. Но общего перечня нет и по сей день. «Проживающие в дальнем или ближнем зарубежье соотечественники обращаются в консульства за репатриационной визой, получают подтверждение принадлежности к российскому народу и имеют право

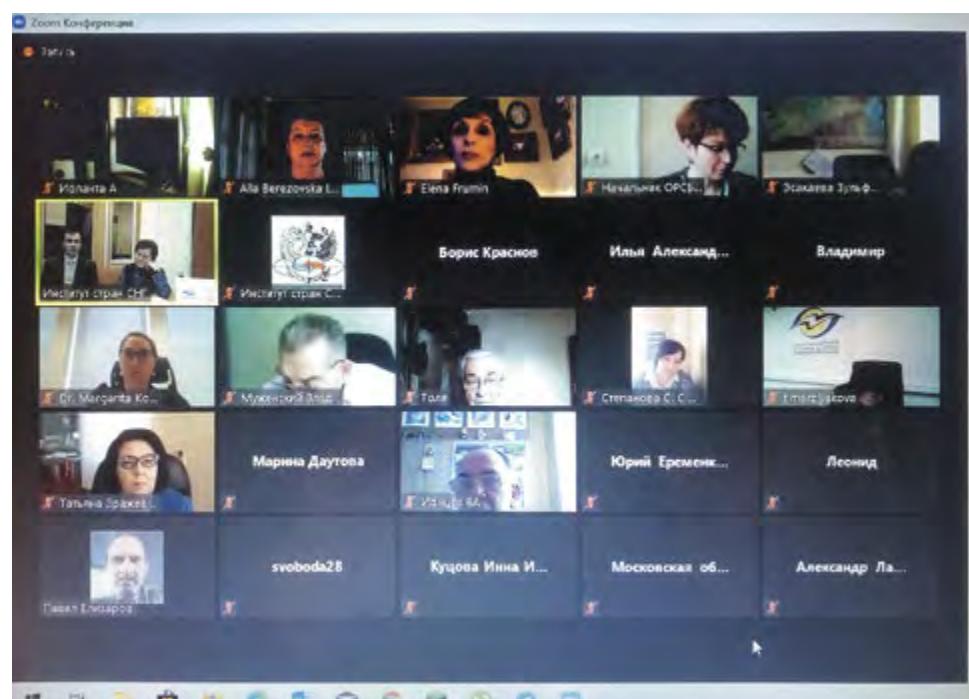
на получение гражданства РФ в упрощенном порядке – примерно в течение трех месяцев с того дня, как они сюда приехали. Вроде бы у нас есть и госпрограмма привлечения соотечественников из-за рубежа, которая говорит о том же самом, но все же она не соответствует целям репатриации, поскольку представляет собой организованный набор трудовых мигрантов, условия

в котором устанавливают органы власти. Если ты не удовлетворяешь критериям субъекта, куда собираешься переселиться, нет у тебя профессии, которая там в перечне вакансий указана, то даже при наличии родственников и жилья ты не станешь участником этой госпрограммы. Это неприемлемо», – считает Евгений Бобров.

Заместитель начальника отдела по организации работы с соотечественниками Управления по работе с беженцами, соотечественниками и вынужденными переселенцами ГУВМ МВД России Зульфия Эскаева рассказала о реализации госпрограммы по переселению соотечественников в регионы России. С 2007 года ее участниками стали 992 тысячи человек, к программе подключилось более 80 российских регионов. Наибольшее число соотечественников с заявлениями об участии в госпрограмме обращалось в Казахстане (более 50 процентов от общего количества заявлений), Таджикистане, Узбекистане, Молдавии, Киргизии и Армении.

Представители русских общественных организаций этих стран рассказали о проблемах, с которыми приходится сталкиваться переселенцам. В основном они связаны со сложностью оформления миграционных карт, дорогоизной заявления документов и медицин-

В круглом столе русским зарубежья пришлось участвовать на удалении – карантин!

Авторы
законопроекта
о репатриации
русских –
депутат Госдумы
Константин
Затулин
и представитель
Института
стран СНГ
Александра
Докучаева

не медленно решаются вопросы переселения в Россию и легализации соотечественников, вынужденных срочно покинуть Украину и Приднестровье. И чаще всего это связано с нежеланием чиновников идти навстречу людям, проявляя неформальный подход.

Участники круглого стола подготовили для передачи в Госдуму свои предложения к проекту закона о репатриации: законодательно закрепленное определение статуса репатриантов и разработку перечня преференций для них. Речь идет об упрощенном порядке приобретения российского гражданства без проживания на территории РФ, о предоставлении временного жилья в случае необходимости, о помощи в трудоустройстве и приобретении земельных участков и т.д.

И в завершение фрагмент из обращения к Госдуме России от одной из участниц круглого стола: «Мы – семья русских эмигрантов, с 1995 года живущих в Канаде. Обращаемся с горячей просьбой – вернуть нам гражданство России, от которого были вынуждены отказаться в 1991 году, уезжая из СССР... Очень просим вас помочь нам, русским, стать россиянами. Стать гражданами той страны, которая, как было далеко и долго мы ни жили в других странах, всегда была, есть и будет нашим домом. Очень хочется в родном доме перестать чувствовать себя иностранцами. Президент РФ Владимир Владимирович Путин часто говорит о том, что пора собирать рассеянных по миру русских... Сейчас, при существующем порядке вещей, множество преданных России людей лишены физической возможности вернуться на Родину и тихо доживают свой век, погружаясь в пучину отчаяния и оставляя своих детей и внуков в подарок чужбине. Мы просим о том, чтобы у нас была возможность подать просьбу о предоставлении гражданства по месту жительства в странах проживания. Без выезда для этого на территорию РФ. Все необходимые документы могли бы быть предоставлены в консульство Российской Федерации. Там же можно провести и собеседование. И после этого компетентные органы приняли бы единственно правильное решение».

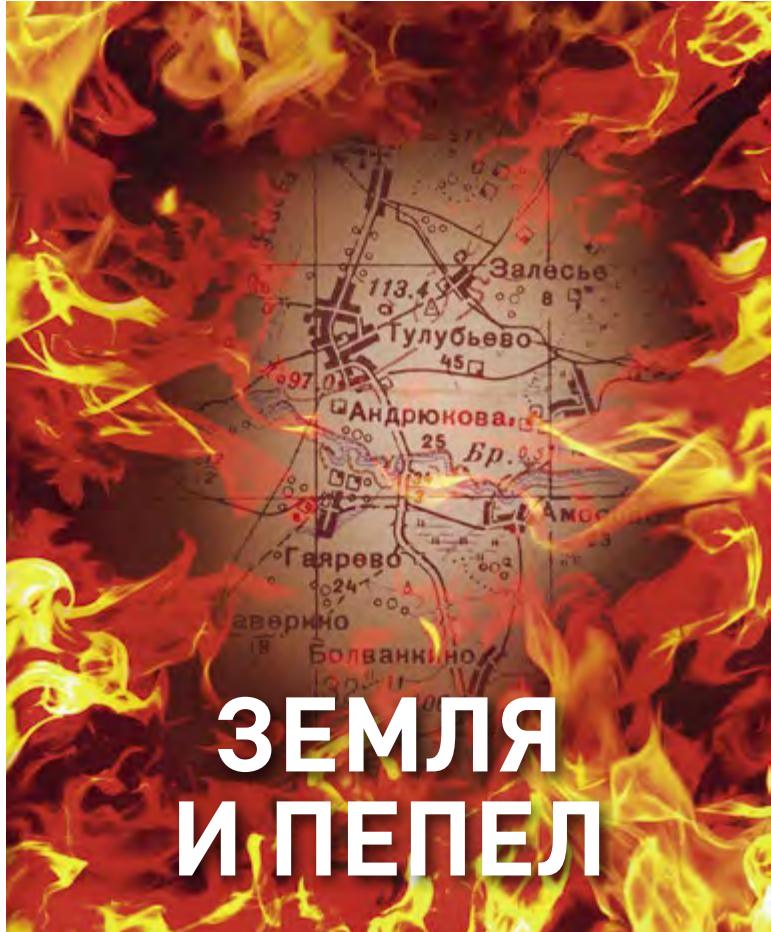
ского обследования. Еще одна большая проблема – миграционный учет участников. Далеко не во всех регионах переселенцам удается арендовать жилье с регистрацией, в результате люди подвергаются наказаниям со стороны правоохранительных органов.

Соведущая круглого стола, завотделом диаспоры и миграции Института стран СНГ Александра Докучаева напомнила, что понятие «соотечественник» было введено в российское законодательство в 1999 году, позже оно было скорректировано. «Если коротко изложить ту длинную формулу, которая содержится в законе, то соотечественниками определяют лица, которые связаны с Россией этническими корнями, то есть, как записано в законе, «принадлежат к народам, исторически проживавшим на территории России». Как уже говорилось, проблема в этом самом перечне народов, – отметила она. – Второй принцип, который должен быть заложен в готовящуюся сейчас программу репатриации русских, будет относиться к потомкам выходцев с территории РФ, которые считают себя соотечественниками по своему менталитету».

Да, пока в России нет закона о репатриации, тем не менее соотечественники могут получить российское гражданство в упрощенном порядке, как носители русского языка. С недавних пор закон предоставляет им такую возможность, не требуя от соотечественников отказа от гражданства страны проживания. Получение российского гражданства в рамках разрабатываемой программы репатриации русских –

это сегодня наиболее актуальная тема. Участники круглого стола ознакомились с опытом различных программ по репатриации, действующих в Польше, Германии, Израиле, Казахстане и Латвии. Особенно богат в этом плане опыт Германии, которая в 1990-е годы приняла около 1,5 миллиона этнических немцев из России и Казахстана. Как рассказал Юрий Еременко, член семьи переселенцев из России в Германию, для этого был разработан комплекс мер. Из несомненных плюсов он отметил быстрое предоставление гражданства репатриантам и вида на жительство членам их семей, а также легкость открытия бизнеса. Из минусов – понижение социального статуса переселенцев из-за языковых проблем и сложности с признанием дипломов об образовании. По мнению Юрия, сейчас ситуация меняется и речь может идти о нескольких тысячах переселенцев, которые думают о возвращении в Россию. Но они ждут встречных шагов, для начала – по предоставлению в заявительном порядке российского гражданства.

«Должен признать, что упрекнуть сегодняшнюю власть в том, что она не пытается совершенствовать миграционное законодательство, довольно сложно, – сказал депутат Госдумы Константин Затулин. – Закон «О гражданстве РФ» больше не выглядит священной коровой, к которой никто не прикасается». По его мнению, до истечения срока полномочий нынешней Госдумы еще есть шансы успеть довести до ума проект закона о репатриации в Россию. Он напомнил, что край-

ЗЕМЛЯ И ПЕПЕЛ

АВТОР

ЕКАТЕРИНА ЖИРИЦКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА КОРНЕЕВА

В БЕЛОРОУССКОЙ ХАТЫНИ КАРАТЕЛИ СОЖГЛИ 149 ЧЕЛОВЕК. В ВЕЛИКОЛУКСКИХ ДЕРЕВНЯХ САННИКИ И АНДРЮКОВО В МАРТЕ И ОКТЯБРЕ 1942 ГОДА ПОГИБЛИ 385 И 360 ЖИТЕЛЕЙ. О ХАТЫНИ ЗНАЕТ ВЕСЬ МИР. О САННИКАХ, МАЛИНОВКЕ И АНДРЮКОВЕ МАЛО КТО ПОМНИТ. НА МЕСТЕ ХАТЫНИ – СКОРБНЫЙ МЕМОРИАЛ. НА МЕСТЕ МЕРТВЫХ ДЕРЕВЕНЬ ПОД ВЕЛИКИМИ ЛУКАМИ СТОЯТ СКРОМНЫЕ ОБЕЛИСКИ. А НА НИХ, В ОДНУ СТРОКУ, ПРО «ПОГИБШИХ МИРНЫХ ЖИТЕЛЕЙ». НИ ИМЕН, НИ СУДЕБ, НИ ЛИЦ. БУДТО НИКОГДА И НЕ ЖИЛИ НА ЗЕМЛЕ ЭТИ ОБЫЧНЫЕ РУССКИЕ ЛЮДИ.

МЕРТВЫЕ МОГУТ ГОВОРИТЬ ТОЛЬКО НАШИМИ ГОЛОСАМИ. Без живых, которые хранят память, они немы. Кто узнает об их тихом мужестве? О цене, заплаченной за сохраненное достоинство? Об их жертве, трагедии, отчаянии и боли – если об этом не расскажут живые? Выбора не оставалось – мы ехали под Великие Луки. Чтобы прийти на заросшие жухлой осенней травой некошеные поля, которые стали местом последней муки для сотен наших соотечественников. Увидеть землю, которую они видели в свой смертный час.

БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ

Как все началось? В Государственном архиве РФ мне попалась папка с делами по расследованию преступлений нацистов на территории Советского Союза. Северо-запад России, 1944 год. Псковские и тверские земли недавно освобождены от оккупации. Красная армия уходит на запад, а на выжженные освобожденные пространства приходят работники специальной государственной комиссии. Их цель – подсчитать потери и жертвы. Собрать доказательства для суда над нацизмом, который – в то время уже никто не сомневался – обязательно будет. Председатели местных сельсоветов отчитываются, сколько людей погибло в деревнях. То, как написаны эти коротенькие докладные – не менее страшная примета времени, чем цифры, которые они содержат. Обрывки школьных тетрадей, географических атласов, бухгалтерских накладных, оберточной бумаги, немецких приказов, поверх которых шли отчеты, были свидетельствами чудовищной разрухи. Торопливые короткие записки: погибло 7, 15, 50 – признак чудовищной нехватки у выживших времени и сил.

И вдруг среди этих клочков и обрывков мне попадается нечто иное. Напечатанные на хорошей бумаге акты, свидетельские показания, вписанные в типографские бланки допросов. Судьба трех деревень, выделенная в отдельное дело, – все доказывало, что речь шла о преступлении, масштаб которого превосходил и без того зашкаливавшую жестокость оккупантов.

Военный следователь гвардии капитан юстиции Талашкин, прибывший под Великие Луки в марте 1944 года, времени зря не тратил. Допросы восьми свидетелей за четыре дня командировки, экстумация жертв, медицинская экспертиза, проведенная старшим лейтенантом медицинской службы Анной Кадышниковой, фотографии места трагедии, сделанные младшим сержантом Адольфом Вебергом. Все это позволило реконструировать траге-

дию. То, что в истории десятков тысяч сожженных русских деревень навсегда останется парой скучных строк, для Санников, Малиновки и Андрюкова развернется в полноценную историю...

Передо мной лежала хроника событий, изложенная свидетелями спустя два года после трагедии. Был страшный список убитых: 40 лет, 12 лет, 6 лет, 3 года... И заросшее поле вдруг перестало быть безымянным пустырем. На нем вырастали дома, звякали ведра о срубах колодцев, звенели топоры плотников, смеялись дети. Что сейчас там? Кто о них помнит? Что о них знают? Ответ был под Великими Луками.

ПРОВОДНИК

На сотруднике районной администрации Александре Григорьевиче Смирнове немаркая синяя куртка, на ногах резиновые сапоги. «Залезайте, — кивнул он на голубой «Беларусь», в прицепе которого желтели вороха соломы. — Иначе до Санников не доехать». Тракторист Анатолий Алексеевич отпустил сцепление и повез нас в 1942 год. Фотограф Саша бережно обнял камера, я крепче ухватилась за мокрый борт — по глубокой колее в раскисшей глине мотало не хуже, чем в морской качке. Ветки ольхи и орешника, которыми с развалом местного лес-

Так выглядит дорога к Санникам — месту, где погибло вдвое больше людей, чем в Хатыни. Там должно быть место общеноциональной памяти — из тех, что создают историю страны. А сегодня туда ведет только разбитая в грязи колея

хоза густо заросли некошеные обочины узкой дороги, били по рукам. А Александр Григорьевич рассказывает. Довоенных фотографий Санников и Малиновки не сохранилось. Ничем примечательны они не были — ни усадеб, ни церкви. Может, местный барин заезжал пострелять вальдшнепов на эти слободы, растянувшиеся вдоль единственной дороги, которая пролегла между двух гигантских, заросших лесом болот — по-местному, «мхами». Так и стояли, одна за другой, деревни: Решетникова Слобода (Решетково), Малиновка и Санники.

«Если и растили что на этих отвоеванных у леса полях, так это лён. Лён любит суглинки, так про него говорили». — Александр Григорьевич продолжает рассказ о сгинувших в небытие деревнях. Лён требует много ручной работы. Надо стебли срезать, в снопы поставить. Потом снопы в «бабки» — такие же снопы, только побольше — сложить. Там лён отстоится, а в сентябре расстелют его по скошенной траве в лёжку, чтобы волокно хорошо отделялось от линяной соломы. Потом на сушку снесут, потом в мялку, отделят от волокна ненужную мякоть-костру, начешут кудели и соткут полотна — на сарафаны, рубахи, порты... «В домотканом сарафане, говорите, была Анастасия?»

ИСТОРИЯ АНАСТАСИИ

«1944 марта 20 дня. Полетаева Анастасия Ермолаевна, 45 л., место рождения: д. Замошье Великолукского района Калининской области; домохозяйка, русская, беспартийная; не судима; колхозница.

По существу дела показываю: о зверствах немцев над мирными советскими гражданами мне известно следующее: я проживала в д. Замошье, немцы в то время стояли в Насве Новосокольнического района и в д. Часовня Великолукского района. В д. Малиновка Великолукского района был штаб партизанского отряда, где комиссаром был Андреев Василий Андреевич.

Сотрудник районной администрации и уроженец здешних краев Александр Григорьевич Смирнов с болью глядит на заросшие поля разоренного колхоза

17.03.1942 г. я с Андреевой Феней пошла в штаб к партизанам <...>. Минут через 15–20 после нашего прихода в штаб по дороге со стороны дер. Бачево появились немцы, карательный отряд, у которых на шапках был знак череп. При появлении немцев партизаны приняли бой. Я с Феней спряталась в хлеве под навоз. Бой продолжался, мы слышали крики и плач женщин. Потом партизаны отошли от деревни Малиновка, ее заняли немцы.

Начали собирать граждан – мужчин в одну группу, а женщин и детей – в другую группу. Я с Феней вышла из хлева, и мы ползком хотели уйти и спрятаться, но нам попались два немца. Один из них приказал нам идти в группу граждан, а другой приказал запрячь им лошадь. Мы начали запрягать лошадей, запрягли семь лошадей, по одной лошади в санки. Эти немцы забрали лошадей, погрузили на все сани разного имущества граждан и уехали по направлению к д. Бачево.

Мы не пошли в группу граждан, а снова спрятались. К нам прибежал один старик и девочка, которые выскочили из горевшего дома, фамилии их я не знаю. Собранных в группы людей – мужчин, женщин, детей немцы расстреляли, а деревню Санники сожгли в домах.

К вечеру 17.03.1942, когда немцы расправились с мирными жителями, они уехали в дер. Бачево. Я, Феня, старик и девочка пошли посмотреть, что наделали немцы. Когда подошли туда, где стояли группы граждан, мы увидели кошмарную картину – лежат кучи трупов, некоторые из граждан были живы, услышали наш разговор, начали поднимать головы. Из одной кучи трупов поднялась девочка лет двенадцати, невредима, она вытащила из-под трупов мальчика лет пяти с перебитой ножкой. Эта девочка бросилась со слезами к старику и говорит: «Дяденька, дяденька, немцы убили маму и остальных детей». Из этой кучи поднялись

Общее
довоенное фото
жителей деревни
Андрюково.
Из личных
архивов

три женщины и трое человек раненых, остальные четыреста человек были расстреляны и сожжены.

Я вместе с Феней уехала домой в д. Замошье, я сразу заболела и слегла в постель. Народ ездил в д. Малиновка и Санники после погрома, разыскивал своих родственников и хоронил. Я больше туда не появлялась, где похоронены трупы не знаю. Кто является организатором этого кошмарного злодеяния, я не знаю. Знаю одно, что налет на дер. Малиновка совершил карательный отряд. Стреляли граждан и поджигали дома солдаты этого карательного отряда. <...> Протокол с моих слов записан правильно, мне прочитан. Свидетельница неграмотная, расписаться не может...».

Старые яблони
Санников почти
на восемьдесят
лет пережили
своих хозяев

ИСТОРИЯ ОБЕР-ЕФРЕЙТОРА МЮЛЛЕРА

В конце войны фашисты массово сдавались в плен англичанам и американцам, чтобы не попасть к солдатам Красной армии. В лагерях, где содержались немецкие военнопленные, британская и американская разведка установили записывающее оборудование и в течение нескольких лет тайно прослушивали разговоры, которые вели между собой немецкие военнопленные. Эти откровения немецких солдат и офицеров десяти лет хранились в архивах. В 2001 году их обнаружил немецкий историк Зёнке Найтцель. Вместе с социальным психологом Харальдом Вельцером он написал документальное расследование «Солдаты Вермахта». Проанализировав более 150 тысяч страниц записей, авторы разрушили бытующий десятилетия миф о вермахте, суть которого сводилась к следующему: «мы – простые немецкие солдаты, мы следовали приказам, а за все зверства несут ответственность СС и фюрер». Герике: В России в прошлом году небольшое немецкое подразделение отправили в одну деревню с каким-то заданием. Деревня находилась на местности, занятой немцами. В дерев-

не на подразделение было совершено нападение, и все его солдаты были убиты. За этим последовала карательная экспедиция. В деревне было пятьдесят жителей. Из них сорок девять расстреляли, а одного отправили на все четыре стороны, чтобы он ходил по окрестностям и рассказывал, что происходит с населением, когда нападают на немецкого солдата».

«Франц Кнайп: ...Полковник Хоппе потребовал, чтобы они сказали, кто повесил немца. Только указать, тогда все будет хорошо. И ни одна свинья не сказала ни слова, будто они не знали... Скомандовали всем: «Налево, пошли!» Потом их отвели в лес, а потом ты только слышишь: «тра-тата»...».
«Эберхард Керле: На Кавказе в 1-й горной дивизии, когда одно-

Памятник рядом с бывшим полевым госпиталем в бывшей деревне Малиновке, где похоронены умершие от ран советские солдаты. Сейчас их имена восстанавливаются по рассекреченным военным архивам. Местные жители говорят, что здесь могли быть похоронены и погибшие жители Малиновки

го из нас убили, никакому лейтенанту не надо было отдавать приказы. Достали пистолеты – и всех подряд: женщин, детей... всех, кого видели...».

«Обер-ефрейтор Мюллер: В одной деревне в России были партизаны. Понятно, что деревню надо было сровнять с землей, невзирая на потери. Был у нас там один – Брошке, берлинец. Каждого, кого он видел в деревне, заводил за дом и стрелял ему в затылок. При этом парню тогда было лет двадцать или девятнадцать с половиной. Было сказано расстрелять в деревне каждого десятого. «Что значит здесь «каждый десятый»? Ведь всем ясно, – говорили парни, – всю деревню надо уничтожить». Тогда мы налили бензин в пивные бутылки и ставили их на стол в домах, а выходя, так небрежно бросали ручную гранату, и все сгорало дотла – крыши то соломенные. Женщины, дети – стреляли всех без разбора. Партизанами из них были единицы...».

Все, что осталось на земле от деревни Санники и ее жителей

ИСТОРИЯ ПАРТИЗАНА ИВАНОВА

Немецкие гарнизоны располагались обычно в крупных поселках вдоль железных дорог и шоссе. В отдаленные, тем более лесные деревни они заглядывали по необходимости, оставляя за власть местных старост. В лесах была территория партизан. Как расскажет мне потом бывший житель деревни Гришино Виктор Петрович Волченков, сохранивший воспоминания своего отца, партизанская база была в 5 километрах от Малиновки, на хуторе Белая Липа. Так местные называли большой холм, выступавший над окрестными болотами. На нем было удобнокопать землянки, поэтому все крутые обрывы Белой Липы были изрыты партизанами под убежища. В заброшенные же лесные деревни они приводили на поправку раненых и больных или приходили отогреваться и набираться сил холодными зимами. Вот что рассказывал следователю в 1944 году Иван Васильев-

Скромная бетонная пирамидка, поставленная в 1960-е, – памятник погибшим жителям Санников, Малиновки, Решеткова и еще десятка окрестных деревень. Предположительно установлен на месте дома, где были сожжены люди

Жители деревни Андрюково Кузьма Иванович и Анна Кондратьевна Ивановы. Их погибшие родственники: Кондратий Федорович, Анна Ивановна, Соломонида Федоровна Федоровы и их внук Ваня Слизков из Ленинграда, 10 лет. Из личного архива Ольги Петровны Тумаковой

вич Иванов, председатель Насвинского сельсовета: «Я был в партизанском отряде, действовавшем в Великолукском районе. Штаб наш был в деревне Малиновка, а отряд стоял в деревне Санники и часть – в Малиновке. Примерно часов в десять 18.03.1942 г. из леса в направлении Бачево и Барсуки появились немцы – катерельный отряд. Наш отряд принял бой, который длился три часа, после чего наш отряд

стал отходить. Немцы заняли деревни Санники и Малиновка и начали совершать зверство над мирными жителями. Наблюдать за процессом расстрела и сожжения граждан немцами мне не удалось, так как мы отходили и вели бой. В это время другая часть немцев совершила расправу над населением деревень.

Но когда немцы ушли обратно в направлении Насвы, мы вернулись в деревни Санники и Малиновка, где увидели кошмарное преступление немцев над мирными советскими гражданами. По подсчетам там уничтожили – расстреляли и сожгли – 385 человек жителей, среди них дети грудного возраста и выше, старики, старухи и молодые женщины. Из под одной убитой женщины, фамилии не знаю, мы вытащили живого ребенка в возрасте двух-трех лет, человек пять взрослых было ранено, которые лежали под трупами. Трупы валялись по деревне и за деревней, лежали кучами, женщины отдельно от мужчин.

Кроме того, в одном сгоревшем доме и сарае было обнаружено много сгоревших мирных граждан. Там невозможно было ничего посчитать, так как все было смешано с пеплом и углем. Трупы всех, у кого не было родственников, похоронили там же, в деревне Санники. В похоронах я не участвовал, но место похорон знаю и на месте могу показать».

Но нам пришлось выслушать еще одну версию происшедшего в Санниках и Малиновке с партизанским отрядом. Рассказал нам ее бывший житель Гришина Виктор Петрович Волченков.

ПОСЛЕДНИЙ СВИДЕТЕЛЬ САННИКОВ

Виктор Петрович Волченков хотел присоединиться к нам, когда мы поехали в Санники и Малиновку, но заболел. Наш крайне важный разговор состоялся позже – Виктор Петрович был единственным из найденных нами свидетелей, кто знал подробности произошедшего в Санниках по рассказам непосредственных участников событий – партизан.

«Расскажу то, что рассказывал мне отец, Петр Федорович Волченков. Он 1926 года рождения, когда сожгли Санники, ему было 16 лет. А в 1980-е годы, когда я работал в школе,

деревня Сидоровщина – последний обитаемый пункт на пути к стертым с лица земли Санникам, Малиновке и Решеткову. До Санников отсюда 7 километров по лесной дороге. Уже в 1960-е годы многим пережившим войну этот путь был тяжел. Поэтому у памятника погибшим солдатам поставили и доску в память о жителях сожженных деревень

Деревня
Андрюково.
2021 год

мы с ребятами встречались с партизаном, которому в 1942-м было 17. Звали его Александр Мартынов. Вот по этим воспоминаниям я уже восстанавливаю события.

В тот день, когда сгорели Санники и Малиновка, семья моего отца жила в Решетниковой Слободе. Это деревня в 4 километрах от Малиновки, от нее сейчас осталось только урочище. Именно на Решетково через лес по ведущему сквозь замерзшие болота зимнику предатель, как говорят, латыш по национальности, привел из деревни Овсище карательный отряд. Каратели были в маскахахатах, на лыжах, хорошо вооружены. Их было около 100 человек. Часть из них были финны, большинство – немцы.

В Решеткове тогда находилось около 300 человек. Так получилось, потому что вокруг Великих Лук были сожжены все деревни, и их жители потянулись в дальние слободы. Зайдя в Решетково, каратели оставили для охраны около 20 солдат из финского отряда – они должны были никого не выпускать из деревни. Сам карательный отряд пошел в Малиновку. Когда немцы вошли в Малиновку, они стали гонять людей в два больших амбара. Не все подчинялись, началась стрельба. Кого-то каратели застрелили на месте, кто-то добежал до Решеткова. Когда немцы начали стрелять, в Решеткове началась паника. Финский отряд не смог удержать людей, они стали разбегаться. Практически все жители Решеткова, в том числе и мой отец со своей матерью, убежали в лес километров на десять.

Стрельбу в Малиновке услышали в деревне Санники. По стрельбе партизаны поняли, что в Малиновку зашел карательный отряд и что они пойдут в Санники. В Санниках тогда жило больше 300 жителей, а партизан там было всего 9 человек. Больные, раненые, те, кто не мог вступить в бой. Сам партизанский отряд,

который действовал в районе Санникова, был небольшим, около 40 человек, в основном местные. В тот день он почти полностью ушел на задание – партизанам надо было взорвать дорогу в районе крупного железнодорожного узла Насва. Предатель знал, что отряда в деревне нет, что никто не сможет дать бой, поэтому он и привел карательный отряд сюда именно в этот момент.

Услышав бой, партизаны стали предлагать жителям спрятаться в лесу. Но те говорили: «Мы мирное население, нас не тронут. Вы партизаны, вы лучше и уходите в лес». В отряде был мужчина, которого партизаны называли Дедом.

Между деревнями Малиновка и Санники расстояние небольшое, всего полтора километра. И когда карательный отряд двинулся из Малиновки, партизаны в Санниках увидели его. Чтобы дать возможность остаткам отряда уйти в лес, Дед с пулеметом залез на крышу крайнего дома и стал отстреливаться. Карательный отряд развернулся цепью и стал обхватывать деревню. Каратали не знали, сколько там партизан. Когда они охватили деревню, ранили пулеметчика, а потом живымбросили его в колодец.

Одновременно с боем происходила и расправа с мирными жителями. Когда людей погнали в сарай, не все слушались, многие пытались убежать, и каратали стреляли людей прямо по самой деревне».

Тогда же, в 1980-е, Виктор Петрович встречался со свидетельницей расправы по имени Елена, фамилии которой он не запомнил. Тогда ей было 9 лет, и она тоже делилась с ним воспоминаниями. Мать сказала ей: «Нас все равно убьют. Когда нас погонят по улице, я накрою тебя своим телом, лежи до последнего, пока все немцы не уйдут». Так и случилось. Они стали убегать, девочка бежала впереди, мать застрелили, но она закрыла дочь своим

В 2013 году рядом с трассой Невель – Шимск, у поворота к ближайшей от Андрюкова жилой деревне Иваново, открыли памятный знак

Варвара Орехова убита в Андрюкове 25 октября 1942 года. Ее дочь Тоня спаслась, но ее всю жизнь терзали воспоминания. Из личного архива Антонины Ниловны Бородули

телом, и та осталась жива. Еще один мальчик остался жив, рассказывает Виктор Петрович: «Говорили, что, когда каратали уже подожгли амбар с людьми, когда уже горела крыша, мужики встали друг другу на плечи, выломали в крыше дырку и на руках его выбросили в эту дырку. Он сбежал в лес и спасся. Из всей деревни спаслись четыре ребенка. Взрослые почти все были расстреляны».

ДЕРЕВНИ

Темная стена леса просвечивает сквозь желтеющую поросль молодых берез, которые обживают запустелое колхозное поле. В неровностях почвы уже не угадать остовы бывших домов. На старой яблоне – почти высохшей, кривой, заросшей серым лишайником – алеет под дождем одинокое яблоко. Вот и все, что сегодня осталось от деревни Санники. Белый, еще послевоенной пирамидкой обелиск рядом с недавно поставленным поминальным крестом – все, что осталось от ее жителей.

Санники с Малиновкой были затеряны в глубине лесов, поэтому своим, деревенским – отцам, мужьям, сыновьям, – ушедшим в партизаны, было удобно выбираться сюда из лесного голода и холода, залечивать раны, отсыпаться, отогреваться. Андрюково же, со всеми своими соседями по деревенскому «кусту» – Агафоновым, Амосовым и Залесьем, приглядело себе извилистый берег Большого Удрага.

Чуть дальше за Андрюковом начинались все те же бесконечные заросшие болота-«мхи», а от берега Удрага шли дальше к Насве поля и луга. Река каждую весну исправно заливала низкий берег, и земля здесь была богатой. Неприхотливая к холодам рожь

хорошо росла на андрюковских землях. На Великолукщине все вызревало позже щедрого Черноземья. Озимые, что сеют осенью, убирали не летом, а к сентябрю. Яровые же жали иногда по первым заморозкам, когда в лужах уже стоял ломкий лед. В нечеловеческой мясорубке войны цепко держались андрюковцы за ветками выверенную крестьянскую мудрость: стреляют ли, нет ли, хлеб надо посеять и убрать, а то дети зимой с голода умрут.

ИСТОРИЯ ЕВДОКИИ

«Светлова Евдокия Федотовна, 59 лет, место жительства: деревня Белый Камень Великолукского района Калининской области, домохозяйка, русская, беспартийная, неграмотная. В октябре месяце 1942 г. я жила в д. Андрюково Великолукского района, причем в этой деревне также жили граждане деревень Тулубьево, Залесье, Образцово, Бачево. Жители деревни Андрюково убирали уро-

жай. Неоднократно немцы гоняли взрослое население села Андрюково в деревню Залесье на допрос, спрашивали о партизанах, ругали, что якобы мы кормим партизан, и предупредили, чтобы мы освободили деревню Андрюково. Но население не подчинилось распоряжению немцев. 25 октября 1942 немцы при помощи своих танков совершили налет на деревню Андрюково, открыли огонь из танков и минометов, потом заняли деревню Андрюково и начали сжигать деревню, расстреливать и сжигать жителей. Я успела убежать и спрятаться в пруде, в воде. Недалеко от меня сидела в пруде с двумя детьми гражданка Савченко Мария Степановна и ее невестка Морозова Анна. С ними были трое детей гражданки Румянцевой, которая была расстреляна в тот же день. Кроме того также была в воде семья Артемьева Михаила, его жена и три ребенка. Просидели мы в воде часа три-четыре, а когда немцы ушли, закончив свое престу-

пление, я вылезла из воды и увидела, что мои дети погибли. Люди в сожженных деревнях гибли целыми семьями. Почти в каждой из них были маленькие дети. Как правило – не один ребенок

пление, мы вышли из пруда и пошли посмотреть, что надели немцы.

Я лично своими глазами увидела расстрелянных граждан, среди них были Румянцева Дарья, Наталья Аникеева, Леонтий Лебедев с женой, Вера Орехова, Ефросинья Бравова. Когда пошли дальше в доме, в хлеву и сарае гражданки Савченко Евдокии Михайловны мы увидели кучи сгоревших трупов, среди которых были мужчины, женщины и дети. В числе обгоревших трупов я узнала свою невестку, Светлову Татьяну Ивановну, с внуком Николаем 9 лет. Оба стояли на коленях. Николай прижался к матери, в таком положении и обгорели. Также я узнала свою сваху, т.е. мать своей невестки, и ее dochь Анну 19 лет. Вторая моя невестка, Елена Матвеевна (?), тоже была сожжена с пятью детьми в возрасте от 8 месяцев до 13 лет. Опознать сгоревшие трупы было невозможно, т.к. там были одни кости, смешанные с пеплом.

Некоторые трупы не совсем были обгоревшие, и по одежде их можно было опознать.

Нужно сказать, что расстрелянные граждане, которые валялись по деревне, выстрелы имели в затылок, а Вера Орехова имела много пулевых пробоин по всему телу...

Когда немцы начали расстреливать и жечь людей, по деревне поднялся такой кошмарный крик людей, плач, что жутко было. Я в это время сидела в пруде, нас застипало дымом, в этом же пруде была трава, пруд от деревни недалеко, все было слышно хорошо.

– Знаете ли вы, где похоронены трупы граждан деревни Андрюково?

– Если подпочвенной водой не смыло трупы, то их можно найти. Могилы я знаю, где расположены, а сожженные трупы и сейчас сохранены в тех сгоревших постройках, где они были сожжены. Только там лежат одни кости. Это место я могу показать».

ИСТОРИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ВОЕНВРАЧА

«Протокол осмотра. 1944 года 24 марта в присутствии понятых Ивановой Марии Алексеевны и Ивановой Прасковьи Поликарповны военный следователь Талашкин провел осмотр мест преступлений. Осмотром было установлено: место, где были расположены вышеуказанные деревни, представляет собой пустырь, заросший бурьяном и фундаменты сожженных домов и надворных построек, кругом валяется погоревшая домашняя утварь. В деревнях Андрюково и Санники, в отдельных сгоревших постройках обнаружены следы обгоревшей одежды и обуви, видны скелеты сгоревших граждан, обнаружены крупные и мелкие обгоревшие кости человеческого происхождения... В указанных деревнях не сохранилось ни одной постройки». Документы следствия методично фиксируют разверзающуюся на наших глазах бездну. Бумага, сухо названная «Протокол вскрытия

Посреди деревни Андрюково был заросший деревьями пруд, который спас жизни нескольким ее жителям

места погребения трупов», свидетельствует: «Понятые Ивановы показали место погребения мирных граждан, расстрелянных и сожженных немецко-фашистскими оккупантами в Санниках и в Андрюково. После чего было произведено вскрытие могилы, в которой похоронена семья Стрелкова, в количестве пяти человек: Стрелков Иван, 28 лет; Стрелкова Александра 26 (?) лет; их дети – Стрелкова Надежда 3-х лет; Стрелкова Галина 1 год 7 месяцев и Кононова Анастасия, 55 лет.

Старший лейтенант Кадышникова освидетельствовала трупы, а военный фотограф Веберг сфотографировал их, после чего трупы были зарыты».

Затем был проведен «осмотр места погребения сожженных трупов, скелеты которых находились в остатках сгоревших построек, мелких и крупных, принадлежащих взрослым и детям, костей. Сожженные трупы сфотографированы и в д. Андрюково. В виду ясности дела, в Санниках и Малиновке могилы с расстрелянными трупами не вскрывались».

В деле лежат плохого качества фотографии, документальные свидетельства того, как через два года после преступления выглядела истерзанная земля и истерзанные люди. Вот две плачущие, плохо одетые женщины в овчинных полушубках и платках посреди занесенного снегом поля: «Сни-

мок гражданок Ивановой П.П. и Ивановой М.А., указавших место погребения расстрелянных мирных советских граждан деревни Андрюково... Среди трупов – родственники Ивановых. Могила напомнила гражданкам Ивановым день кошмарного преступления немцев. 27.03.1944» – гласит надпись на обороте. На следующих фото – неглубокая могила, снегом засыпаны четверо убитых: среди них два ребенка. Поросшее бурьяном заснеженное поле, среди снегов возвышаются холмики с засохшей травой – то, что было когда-то домами; покореженный остов железной кровати, гора костей. Это – Андрюково. И, почти неотличимое от него: «Снимок скелетов граждан в деревне Санники Великолукского района...» – уточняет подпись к фотографии.

Деревня Хмелище Пореченской волости Великолукской области, в часе езды от Андрюкова, также была уничтожена карателями. Теперь на месте сожженных домов стоят валуны и таблички с именами погибших там людей

Погибшие в Хмелище теперьувековечены поименно. Старики, женщины, дети, жившие в Санниках и Андрюкове, тоже имеют право на то, чтобы мы знали их имена

Военный хирург, как положено, составляет акт: «Для медицинского освидетельствования из могилы было извлечено пять трупов. Из них один мужской труп и четыре женских. На трупах отмечены следующие повреждения: труп мужского пола в возрасте 25–30 лет, одет в гражданскую одежду, имеет сквозное пулевое ранение лица с повреждением нижней челюсти слева и отсутствием правого уха (нрзб.). Труп женщины в возрасте 55–60 лет, одета в гражданское платье, пулевое ранение головы с повреждением теменной кости. Труп женщины 20–25 лет, одета в гражданскую одежду, сквозное пулевое ранение грудной клетки с повреждением позвоночника. Труп

девочки в возрасте 2–3 лет, одета в гражданскую одежду, пулевое ранение грудной клетки и головы в затылочной области. Труп девочки в возрасте до года: вследствие сильного разложения определить характер ранения не удалось... По степени разложения трупов и одежды можно предположить, что давность наступления смерти исчисляется двумя годами».

В останках сожженных зданий в Андрюкове осмотрены: «скелеты человеческого происхождения, находящиеся на поверхности земли», сообщает акт, а также некоторые кости, которые «вмерзли в землю и трудно из нее извлекались». «Среди осмотренных костей – восемь крупных и мелкие, что свидетельствует о принадлежности этих костей взрослым и детям. Кости носят следы подтверждения их горения. По степени разрушения скелетов определить характер повреждения, пол и возраст не представилось возможным. В деревне Санники также осмотрены обгоревшие кости человеческого происхождения, среди которых были кости детей и взрослых. Кости носят на себе следы горения...».

Окончание следует.

P.S. Редакция публикует списки погибших мирных жителей деревень на сайте журнала.

«С ВОЙНОЙ СМИРИТЬСЯ НЕЛЬЗЯ»

БЕСЕДОВАЛА

МАРИНА КРУГЛЯКОВА [ФОТО АВТОРА]

«ЕСЛИ БЫ УДАЛОСЬ КОГДА-НИБУДЬ ПОКАЗАТЬ В КИНО ОДИН ДЕНЬ ВОЙНЫ КАК ОНА ЕСТЬ, МОЖЕТ БЫТЬ, ЛЮДИ ПОНЯЛИ БЫ, ЧТО ЭТО ТАКОЕ. И ВОЙНА БЫ БОЛЬШЕ НИКОГДА НЕ ПОВТОРИЛАСЬ», – ГОВОРИТ ВЕРА ГРИГОРЬЕВНА КУЗЬМИНА, КОТОРАЯ ПРОШЛА С МЕДСАНБАТОМ ОТ ХАРЬКОВА ДО ГЕРМАНИИ И СПАСАЛА РАНЕНЫХ В МАНЬЧЖУРИИ, 25 ЛЕТ ПРОСЛУЖИЛА В СОВЕТСКОЙ АРМИИ И УВОЛИЛАСЬ В ЗАПАС В ЗВАНИИ ПОДПОЛКОВНИКА МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ. ВЕРА ГРИГОРЬЕВНА НАГРАЖДЕНА ТРЕМЯ ОРДЕНАМИ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ, ДВУМЯ МЕДАЛЯМИ «ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ», МЕДАЛЯМИ «ЗА ОБОРОНУ СТАЛИНГРАДА», «ЗА ОБОРОНУ КЁНИГСБЕРГА», «ЗА ПОБЕДУ НАД ЯПОНИЕЙ» И ДРУГИМИ ЗНАКАМИ ОТЛИЧИЯ.

—

B

ЕРА ГРИГОРЬЕВНА, ГДЕ ВАС застала война?

— Я родилась в 1922 году в деревне Николина Балка Ставропольского края, и почти сразу семья переехала в Чернигов. Папа был врачом, мама — фельдшером. После школы я поступила в Черниговское зубоврачебное училище. Кстати, у нас уже динastия: моя дочь тоже стала медиком.

В июне 1941 года мы сдавали госэкзамены. 22 июня был солнечный день. Я шла в училище. В 12 часов по радио объявили о нападении Германии на Советский Союз. Все забегали, кто-то плакал, кричали: «Война!» Я побежала в военкомат. Там уже было полно народа. Все хотели на фронт. Мы были уверены, что война кончится через несколько дней. Поэтому спешили успеть по-воевать. На призывающем пункте женщина, глядя на меня, расплакалась: «Куда же таких-то берут». Я выглядела совсем как девчонка, маленького роста, худенькая. Никто не давал мне 18 лет. Конечно, на фронт меня не взяли, отправили домой со словами: «Подрасти сначала». Но я хотела оказать какую-то помощь фронту, поэтому пошла сдавать кровь для раненых.

— Как же вы попали на фронт?

— После учебы меня распределили в районный центр Сотница недалеко от Чернигова. Приехала туда, нашла председателя колхоза, он отпирает мне медпункт и говорит: «Возьми мою корову, будешь ее доить и пить молоко». А я коров видела только в кино, не знала, как доить и чем кормить. Гул канонады с каждым днем становился все ближе, оглушал рев немецких самолетов. Мне стало страшно. Пошла к соседям, говорю: «Заберите мою корову. Можно у вас пожить?» Они боялись бомбежки, поэтому переселились из дома в подвал. Я провела с ними несколько дней. Потом узнала, что собирают медиков для отправки на фронт, и вызвалась ехать. Меня, медсестру и аптекаршу отправили на подводе в Харьков. По дороге конюх, что нас вез, сбежал. Мы присоединились к проезжающим мимо военным и с ними добрались до Харькова.

Предвоенный выпуск
Черниговского зубоврачебного училища

— Как долго вы добирались до Харькова?

— Пять дней. Ехали только ночью, днем немцы бомбили. Самолеты кружили прямо над головой, разбрасывали листовки, что сын Сталина попал в плен. Листовок было много, они сыпались без конца. В Харькове мы нашли сборно-распределительный пункт для медиков. Нас месяц обучали, рассказывали, как оказывать первую помощь раненым, куда их эвакуировать. Потом меня направили в отдельную роту медицинского усиления, то есть медсанбат, это первая линия перед фронтом. На передовой санинструктор только перевязывает раненых. Полуторки, которые доставляли солдатам патроны и снаряды, на обратном пути забирали раненых и привозили к нам.

— Где тогда располагалась ваша часть?

— Под Харьковом. Шли сильные бои, мы то отступали, то наступали. Медсанбат двигался вслед за войсками, сначала на лошадях, потом нам выделили санитарную машину. Идем вперед, Харьков наш, раненых обрабатываем, а нас опять вдруг гонят назад — город взяли немцы. И так несколько раз. Отступление — это очень страшно. Военные проходят мимо нас, кричат: «Бегите скорее! Сзади немцы!» А куда нам бежать? У нас раненые в палатах лежат. Начальник медсанбата поставил машину поперек дороги, чтобы солдаты помогли нам их погрузить и вывезти.

— После какого сражения было больше всего раненых?

— Под Сталинградом. Хотя их почти всегда было много. Только и слышали: «Сестричка, помоги!» Вот и бегаешь от одного к другому. Прямо на месте хирурги проводили ампутации; кололи новокаин, помогал он или нет, все равно приходилось ампутировать, а порой это делали даже без обезболивающего. Тяжело раненных оперировали и отправляли в тыл.

Не помню, чтобы во время войны кто-то жаловался на ангину или другие простудные заболевания. Сказывалось нервное напряжение: если солдат идет на смерть, ему не до насморка.

— Оборона Сталинграда длилась несколько месяцев...

— Да, мы приехали под Сталинград осенью, когда еще было тепло. В палатах жара и духота, заедают комары. Вокруг на полях неснятые арбузы, мы их собирали. Наверное, воспоминания об этом — самые приятные за всю войну.

Еще помню, зимой немцы в Сталинграде разрушили мясообрабатывающую фабрику, подожгли склад, где хранились выделанные шкуры. Дым поднялся на несколько километров в высоту и стоял три дня. Шкуры, которые успели вытащить из огня, отдали нам, чтобы защищать раненых от холода.

— Вы в самом Сталинграде были?

— Нет, мы стояли на правом берегу, а бои шли на левом. Оттуда на лодках и понтонах к нам через

Волгу перевозили раненых. Немцы непрерывно бомбили переправу, низко пролетали и расстреливали раненых. Многие погибали, нередко под воду уходил целый понтон или лодка.

Под Сталинградом я впервые увидела «катюши». Готовился прорыв, и нам сказали, что через каждый километр будет стоять по «катюше». Рано утром, когда началось наступление, от них стоял такой грохот, что уши закрывай не закрывай не спасешься.

Сталинград стал переломным моментом, после него началось наступление по всему фронту. Мы почувствовали Победу!

— Когда вы рассказываете о войне, каким фактам обычно удивляются больше всего?

— Тому, что во время войны нам платили зарплату. Девять ее мне было некуда. Родным переводом послать не могла — Украина была оккупирована. Однажды набила карманы гимнастерки купюрами и поехала в Харьков, когда он был наш. Стала спрашивать, где магазин. Мне показали большой универмаг. Я купила там лаковые туфли, отрез швейцата на юбку и крем для лица. Мы очень бедно жили, и мне захотелось иметь эти красивые вещи. Сложила все в вещмешок и положила его в машину. И больше не видела мешка. Украли.

Потом вместо денег нам стали выдавать аттестаты, это справка, где написана сумма, которую мы получаем, что-то типа сберкнижки. Галя, моя подруга, попросила у меня денежный аттестат и переслала его своим родителям, которые остались в Москве. Они полгода получали за меня деньги. Когда спрашивали: «Кто будет сдавать деньги на самолеты? На танки?», я кричала: «Я!» Мне хотелось побыстрее избавиться от них. Я даже расписки не брала, не понимала, что это надо потом будет подтвердить. Всем, кто просил, я давала деньги, и к тому моменту, когда освободили Украину и я поехала в отпуск, у меня уже ничего не осталось.

— Легко было получить отпуск?

— После освобождения Чернигова я попросила разрешения съездить в город, чтобы найти семью. У меня с начала войны не было известий от родителей. Они тоже ничего не знали обо мне. Потом я узнала, что от бомбежек мама с сестрой уехали из Чернигова в деревню. Мама не выдержала, послала мою младшую сестру, Надежду, зимой в Сотницу, искать меня. К тому времени немцы уже прошли через поселок и расстреляли почти всех жителей. Остался один дед. «Докторшу ищешь? — спросил он. — Ее немцы первой расстреляли». С этой вестью сестра и вернулась домой. Мне дали отпуск на неделю, медики собрали для меня полный вещмешок сухарей и консервов, и я поехала. Тогда не было нормальных вагонов, только теплушкы. И еще не залезешь! Надо было просить, чтобы подсадили, ступенек не было. С трудом добралась до города. Захожу в дом. Я была в военной форме, полушибке, шапке,

Во время войны
Вера Кузмина
вступила
в партию

и мама не узнала меня, спросила: «Солдатик, тебе кого?» «Мама, это я, Вера», — говорю ей. Папы уже не было, он погиб на фронте в 1941 году. К нам сбежались соседи, друзья и знакомые, чтобы посмотреть на меня: я же приехала с передовой. Обратно тоже еле добиралась.

— Куда вашу часть направили после освобождения Сталинграда?

— К северу. Я не помню уже точно, где мы шли, знаю только крупные города — Ржев, Старая Русса, Смоленск... Двигались в сторону Кёнигсберга. Я вела дневник, записывала каждый населенный пункт, чтобы не забыть, где мы проходили. Одна медсестра донесла на меня. Сотрудники НКВД отобрали блокнот и чуть в шпионки меня не записали, говорили, что я разглашаю секретные сведения.

— К войне можно привыкнуть?

— Нет. Выматывает неопределенность. Не знаешь, что тебя ждет. Всем было страшно, хотя никто об этом не говорил и каждый боялся по-своему. Но была надежда. Мы думали только о Победе. Все верили в Сталина и Победу. Даже когда отступали, никто не сомневался, что это временно, ведь иначе не может быть, все равно подбросят свежие силы, и мы пойдем вперед. После наступления от военного подразделения оставалась третья,

В таких палатках
размещался
медсанбат

Самый внимательный слушатель – внука Наташа

и его обычно отводили в тыл, доукомплектовывали и снова отправляли на фронт.

– С каким запахом у вас ассоциируется война?

– С запахом гари от пожаров, от стрельбы из пушек и пулеметов. Еще с запахом гноя и тяжелого духа от немытых тел.

– Но вы как-то мылись?

– За нами ездил банно-прачечный отряд. Раз в десять дней они разбивали палатку и устанавливали там душ. Сначала мылись солдаты, которых привозили с передовой, затем, после дезинфекции, медсестры и врачи. В остальное время, когда по дороге попадались какие-либо водоемы, мы бежали к ним и стирали свои вещи. Мы, когда с дежурства приходили, снимали всю одежду и трясли, чтобы вши на пол попадали. А как мучились раненые: когда перелом ноги или руки, вши лазят под бинтами с гипсом, у человека все чешется.

– Перевязочных средств хватало?

– Хватало. Повсюду стояли тазы, где вымачивались окровавленные бинты. Мы их стирали, сушили и снова пускали в дело. Посыпали гипсом и, у кого перелом, накладывали на поврежденное место.

– А где вы жили?

– И жили, и работали в палатках. Устанавливали их, носили дрова и отапливали – зимой палатки обогревали буржуйкой – солдаты, состоящие при медсанбате. Освещение – коптилки. У нас была динамо-машина, но электрический свет использовали лишь при операциях.

Спали мы на носилках, ставили их на землю, стелили на них сено или солому. И летом, и зимой. У меня шинель широкая была, ляжешь на нее, укутаешься полами, шапку наденешь... Я, вообще, мерзла. Особенно зябла зимой, старалась лечь поближе к буржуйке, днем подходила к ней, становилась спиной и грелась.

Мне выдали солдатские сапоги 45 размера, я в них влезла прямо в туфлях. Мужские брюки, гимнастерка – все большое. Тем, кто покрупнее, было легче, а с меня все сваливалось. Из-за маленького роста меня все звали Манюней. Из кальсон мы шили лифчики, их не выдавали. Женского нижнего белья тоже не было, только мужское. Форма очень неудобная, ткань грубая, плотная, пропитается потом, настирает, надо все время стирать, где-то сушить. Но хуже всего было то, что, где бы мы ни останавливались, фашисты, несмотря на красный крест, нас бомбили.

— А если бомбежка начиналась во время хирургической операции?

— Операцию не прекращали. Рев самолетов оглушал, земля дрожала от взрывов, а медики работали. Как-то даже, когда мы стояли за операционным столом, мы провалились вместе с полом в подвал. Я очень боялась бомбейки. Боялась получить ранение в голову или живот: к нам поступали такие раненые, и обычно они умирали. Потом я уже на слух определяла, какие летят самолеты. Первым, как правило, появлялся самолет-разведчик, за ним шли бомбардировщики. Начальник кричал: «Прячьтесь в окопы!», мы разбегались кто куда. Когда бомба летит, ее очень хорошо видно. Она в нескольких километрах, а кажется, что прямо над тобой. Лежишь и думаешь, замирая от страха: «Сейчас на меня упадет». Однажды в меня попал осколок, пробил планшет, но я осталась цела.

— Чем вы занимались, когда не было боев?

— Убирали территорию вокруг палаток. Учились собирать и разбирать пулемет, стрелять из него. На досуге пели песни... Вообще, все трудились столько, сколько нужно. Часто было так: я отработала сутки, привезли сно-

ва раненых, и мне говорят: «Иди на вторые сутки». Иногда я разбивала ампулу кофеина и пила, чтобы прогнать сон. Но так работали и медсестры, и врачи.

— А в фашистов стрелять приходилось?

— Нет. Мы стояли в 5 километрах от линии фронта, так что я близко врагов не видела, только пленных. Однажды к нам привезли 30 человек. Вокруг палатки, куда их положили, пришлось устанавливать охрану. Такая была к немцам ненависть, что наши бойцы были готовы разорвать их на части.

Я не хотела к ним даже прикасаться. Хорошо, что меня не послали помогать им, у меня на тот момент была другая работа. Кто-то оперировал пленных, перевязывал, но я бы не хотела этого делать. Потом их отправили в тыл.

— Вам приходилось выносить раненых с поля боя?

— Один раз. Где-то на пути к Сталинграду. На машине туда нельзя было проехать, ее бы обстреляли, поэтому мне дали подводу. Приехала на передовую. Солдаты лежат в окопах. Вышел санинструктор, показал — вон там тяжелораненный, забирай. Помню, еле тащила его, он нога-

На ежедневной прогулке

Работать врачом Вера Григорьевна продолжала до 90 лет

ми отталкивался, помогал мне. Обратно едем, раненый лежит сзади, слышу все время какую-то свист. Говорю: «Что-то свистит». А он в ответ: «Так это же мины мимо нас пролетают».

– Чего вам больше всего не хватало на фронте?
– Картошки. За нами ездила полевая кухня. Все время давали горох. Утром горох, в обед тоже горох, только перетертый, типа каши, или гороховый суп, на ужин – опять горох. Голодными не были. Хлеб и чай были всегда, к чаю давали по кусочку сахара. Я не курила и не пила, поэтому вместо сигарет и спиртного, которые полагались солдатам, мне выдавали печенье.

После освобождения Сталинграда нам дали в подарок по шоколадке и прислали яблоки, но они были перерезные. Когда захватили передовую,

За каждой из наград – живая память

солдаты в немецких окопах нашли тушенку и много других продуктов. Нас тоже ими уготали, но я не стала пробовать.

– А у местных жителей продукты нельзя было достать?

– Обычно мы проходили мимо деревень, когда там уже никого не было. Мы не останавливались в городах, ставили палатки только в лесу.

Из всех городов меня больше всего поразил Кёнигсберг – нынешний Калининград. Немцы там долго сопротивлялись. Это был город-крепость. С обороной такой плотности наши еще не сталкивались. Все подходы были заминированы, много старых, но прочных и хорошо укрепленных фортоў. Когда город сдали, жители ринулись в порт, но наши закрыли им выход в море.

Там тогда устроили выставку трофейной техники, и мы втроем – врач и две медсестры – отправились ее посмотреть. Кёнигсберг был очень красивым городом. На одном из зданий мы увидели табличку «Медицинский склад». Зашли, а там столько инструментов! Вдруг кто-то крикнул: «Уходите оттуда, сейчас взорвется!» Я успела только схватить пинцет, он потом очень пригодился в работе.

Местные жители боялись нас, сидели по домам, но некоторые высовывались из окон и кричали: «Хайль Гитлер!» Многие кидали свои вещи из окон с криками: «Забирайте все, только нас не трогайте!»

Я никогда ничего не брала и не понимала тех, кто хватал разные тряпки и другие вещи. Зачем? Сегодня ты жив, а выживешь ли завтра – неизвестно.

– Как вы узнали о Победе?

– В Кёнигсберге нас посадили в теплушку и повезли на восток, куда – не говорили. Мы проехали через всю страну, и только на полпути узнали, что едем на фронт в Маньчжурию, где потом пробыли три месяца. Раненых там тоже было много. По пути в Маньчжурию наш поезд остановился на станции Постышево. И вдруг все вокруг закричали: «Победа! Победа!» Все обнимаются, целуются, плачут. Мы тоже выскочили из вагонов. Это было счастье!

– Что нужно, чтобы выжить на войне?

– Удача, наверное. Конечно, важна сила воли и то, как быстро и хорошо человек может сориентироваться, куда бежать и что делать. Это счастье для человека, когда он выживает, но все-таки это в основном благодаря везению.

Мне всегда было жалко раненых, хотелось скорее им помочь, облегчить их страдания. Особенно было тяжело, когда они умирали у меня на глазах. Привезут бойца, а я вижу, что он не живец, стою и словно пытаюсь удержать, прошу: «Не умирай, ты еще молодой, не умирай...» Я не могла смириться со смертью этих мальчиков, для меня всегда это было трагедией. Стараюсь даже об этом не вспоминать... Война есть война, и нельзя с ней смириться.

РОЖДАЛСЯ НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК

БЕСЕДОВАЛА

АРИНА АБРОСИМОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

В 21-Й РАЗ В ЭТОМ ГОДУ ПРОШЛА ОБЩЕРОССИЙСКАЯ НЕДЕЛЯ ДЕТСКОЙ КНИГИ, ОБЪЕДИНИВШАЯ 85 СУБЪЕКТОВ СТРАНЫ. ИНИЦИАТОР И ОРГАНИЗАТОР ЭТОЙ АКЦИИ – РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА. ТАМ МЫ И ВСТРЕТИЛИСЬ С ДАВНИМ ДРУГОМ И ПОЧЕТНЫМ ГОСТЕМ РГДБ ТАТЬЯНОЙ ЩЕГЛЯЕВОЙ, ДОЧЕРЬЮ ПОЭТА АГНИИ БАРТО. НЕ ИМЕЯ ПРЯМОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ К ЛИТЕРАТУРНОМУ ТВОРЧЕСТВУ, ОНА МНОГИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ЯВЛЯЕТСЯ ВЕРНОЙ ХРАНИТЕЛЬНИЦЕЙ НАСЛЕДИЯ СВОЕЙ МАТЕРИ.

— ТАТЬЯНА АНДРЕЕВНА, БЫТЬ РЕБЕНКОМ всем известного, знаменитого человека, которого узнают на улице, который несет огромную общественную нагрузку, ездит в командировки – это трудно было для вас?

– Не помню особых трудностей. Когда я была ребенком, мама не была таким известным человеком... А узнавать на улице ее стали после того, как во многих семьях появился телевизор. У меня папина фамилия, я – Щегляева, поэтому и в школе, и в институте, и на работе мало кто знал, что Агния Барто – моя мама. Дома мама очень много работала, и мешать ей было нельзя. Но я никогда не чувствовала недостатка ее внимания ко мне. Нет, она уделяла мне достаточно много времени, как и все мамы, она доверяла моему мнению по поводу ее стихов и даже прозы. Интересовалась моими друзьями. Учила меня играть в теннис.

– Буквально все дети в нашей стране, начиная с 1925 года и до сих пор, так или иначе соприкасаются с творчеством Агнии Барто. Она уже давно классик детской литературы. Как вы думаете, не утяжеляет ли понятие «классик» восприятие творчества Барто?

– Я думаю, что, когда берут в руки книгу, никто не думает, что это классик, а читают «Уронили мишку на пол», «Наша Таня громко плачет», «Мы с Тамарой ходим парой» и другие стихи. В стихах Агнии Львовны всегда есть мысль, четкие ритм и рифмы. Они понятны малышам и легко запоминаются...

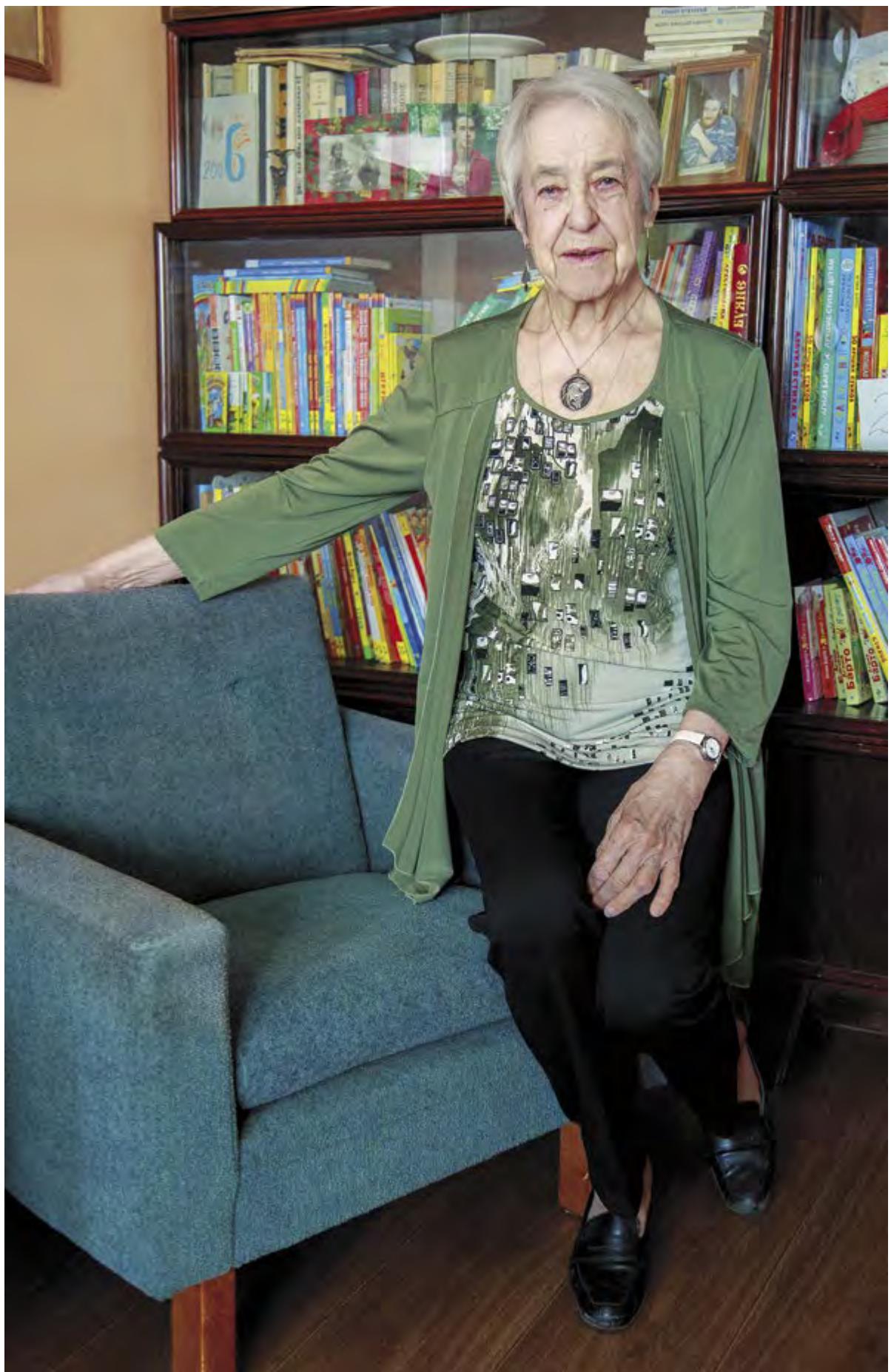
– Да, стихи-то легкие, приятные для чтения, но главное – они несут свет, добро, любовь к человеку, уважение – даже к самым маленьким!

– Уважать человека надо с самого начала. Потом он вырастает, и что заложено – то заложено. Влияние родителей – это естественно. Но немалое влияние оказывают школа и отдельные люди. Я по себе знаю: родители, няня, бабушка, но многое у меня – просто от кого-то в школе, какой-то учительницы, и до сих пор что-то сравниваешь, чем-то дорожишь... Современные дети – это другое поколение. Есть те, кому повезло с родителями, которые могут поддержать интерес детей, показать и почитать что-то из классики. И это очень хорошо.

– Вы занимаетесь творческим наследием Агнии Барто – это обременительно или, наоборот, радость для сердца?

– Конечно, я рада, что стихи Агнии Барто и сейчас востребованы. Я правопреемник ее творчества. Поэтому издательства согласовывают со мной составы сборников, показывают рисунки. Я всегда сверяю тексты. Это – работа, стараюсь делать ее добросовестно. Раньше вся система была другая. Когда началась перестройка, три года не издавались книги вообще. А потом стали издавать, и всё больше и больше. Но сейчас издают меньше, чем несколько лет назад... Я же слежу, когдахожу в книжный магазин, какие есть книжки. У людей стало меньше денег, а книги стали очень дорогими. Если раньше издавалась, может быть, одна книжка Агнии Барто в год, но тиражом 2 миллиона, то сейчас издают небольшими тиражами, но издательств больше, бывают переиздания, когда тираж уже выкуплен.

– Маленькие книжки для детей выходят, наверное, чаще. А полное собрание сочинений Барто давно издавалось?

– Полное собрание – четырехтомник... Это был 1981 год. Мама болела. У нее был инфаркт. Она попросила привезти ей в больницу верстку четвертого тома. Но править верстку не успела. Том вышел после ее смерти. Сейчас выходит много сборников с прекрасными иллюстрациями Чижикова, Молоканова, Сутеева. И новые художники принимают участие: мне показывают иллюстрации, что-то мне нравится, что-то нет. Всегда делясь впечатлениями. Вот есть, например, художники, которые просто несколькими штрихами передают образ – и совершенно точно при этом! А бывает так, что художник нарисует все подробно, но стихотворение – само по себе, а иллюстрация – сама по себе. Очень важно видение образа, и вот у некоторых художников оно бывает замечательное. У Горяева оно было, Май Митурич потрясающе рисовал иллюстрации к стихам Агнии Львовны. Юрий Молоканов – до сих пор переиздается, и это классическое издание. Ну и Чижиков – он великолепен!

– И это были не сугубо творческие отношения, их можно назвать соратниками, близкими по духу людьми?

– Конечно! А по-другому ничего бы у них не получилось. Когда люди вместе работают, понятно, что они как-то потом общаются. У Митурича в его книге воспоминаний замечательно и очень много написано про маму. Там точно передан ее характер, это не специальное описание характера, а просто рассказ, как они вместе ездили на симпозиум по детской книге в Париж. И работала мама не только с художниками, но и с композиторами.

– И получались песни на стихи Агнии Барто?

– С 1926 года и в 1930-е писал песни композитор Михаил Раухвергер, в 1929 году – Анатолий Александров, Тихон Хренников работал с Агнией Львовной в 1942 году, много работал Николай Крюков. В последние годы песни на мамины стихи писал композитор Георгий Струве – совершенно замечательный человек, удивительный! Он организовал студию «Пионерия», считал, что развить слух можно у каждого – у него была своя система. И концерты «Пионерии» были великолепны. Я жила вместе с мамой – и художники, и композиторы бывали у нас дома. И совершенно неважно, кто есть в квартире, но при обсуждении новой песни обязательно нужно, чтобы ее услышали и высказали свое мнение все присутствующие. Для Струве это было очень важно, как и для мамы. Но что касается музыки, всегда ведь трудно сформулировать, что понравилось, а что – нет. И пока он не добивался четких замечаний – не успокаивался... И если я присутствовала, то, конечно, надо было и мне комментарии давать. Он спрашивал: «Как?» Мне обычно нравилось, а если нет, я говорила ему, что именно в песне «не так». И моя мама так же – написала стихотворение и читает тем, кто дома в данный момент находится. Очень важно им было не просто услышать слова «нравится – не нравится», а – «что», «о чем».

Старший сын Агнии Барто от первого брака, Эдгар, и маленькая Татьяна с няней Домной Ивановной Анисиминой. Конец 1930-х годов. Эдгар Барто трагически погиб при несчастном случае 4 мая 1945 года

– Это очень интересный опыт – такая лаборатория...

– Да, это очень ценно, редко бывает, я бы сказала. А как иначе понять, удачно это или неудачно, мысль твоя донесена или не донесена? Ну как иначе? Недаром у мамы бывало множество вариантов, иногда десятки...

– Со стороны кажется, что детские стихи – это просто, а на самом деле это большой и сложный процесс.

– Детские стихи – это особенный жанр. Надо знать детские интересы, видение мира ребенком, его психологию. Сколько Агния Львовна бывала в детских садах, в школах, в яслях даже! Приходила в класс, сидилась на заднюю парту. Телевизора тогда не было – в лицо ее не узнавали. Или – просто на улице: дети идут, как они разговаривают, что им интересно – она внимательно детей слушала и всегда их расспрашивала. Она видела, чем они заняты, как общаются между собой, о чем спорят... В каждом ее стихотворении есть мысль. И над рифмами она очень много работала. Иногда и 40 вариантов бывало! И если ей самой или тому, кому она читала, не нравилось какое-то место, она работала до тех пор, пока ее не устраивало все, что написано. Значит, 39 вариантов отпадали.

– Вы сказали, что ваша мама занималась психологией детей. Ее стихи формировали детский мир, детское сознание. Это же очень важно! Милые зарисовки про мишку, про Тамару, про Таню, но они входят в память на долгие годы...

– Ну, возможно. А потом, важно помнить, что это – не придуманное. Понимаете? Вот была в Союзе

писателей встреча писателей с космонавтами. И когда маму знакомили с Юрием Гагарином, он вынул свой блокнот и написал: «Уронили мишку на пол...», подпсался, вырвал листок и подарил маме. И потом, в интервью для какой-то газеты – к сожалению, не помню в какой, это же было много лет назад – журналистка спросила, почему именно эти стихи он написал, и Юрий Алексеевич ответил: «Это были первые стихи о добре в моей жизни»...

– *И для большинства детей в нашей стране было именно так...*

– Да, стихи Агнии Барто всегда не просто о чем-то, но о каком-то явлении. Когда она написала стихотворение «Он был совсем один» и прочла Чуковскому, Корней Иванович сразу спросил: «У вас что-то случилось?» Случилось: муж Агнии Львовны Андрей Владимирович Щегляев тогда тяжело заболел. Онкология. Умер в 1970 году... Надо сказать, Чуковский с самого начала был очень внимателен к ее творчеству и подсказывал: попробуйте белый стих, попробуйте это, еще что-то... Он с большим интересом следил за ее творчеством.

– *В жизни Агнии Львовны был еще один наставник – нарком просвещения Луначарский. Она хотела стать балериной, вдруг вмешался он и резко изменил ее судьбу. Не жалела ли она?*

– Да, Луначарский сыграл большую роль в ее судьбе. Она учились в хореографическом училище. На выпускные зачеты приехал Анатолий Васильевич Луначарский, нарком просвещения в то время. Под музыку Шопена она прочла свое стихотворение «Похоронный марш». Через несколько дней Луначарский пригласил ее в Наркомпрос, сказал, что она обязательно будет писать веселые стихи, и сам написал ей на листке список книг, которые ей надо прочесть. После окончания училища ее взяли в труппу. Но эта труппа эмигрировала. А отец Агнии Львовны, Лев Nikolaевич Волов, которого она очень любила, не хотел, чтобы она эмигрировала. И она осталась в России.

Стихи она начала писать еще девочкой – и в школе, и еще раньше. Часто это было подражание

Ахматовой. У меня тетрадки ее ранних стихов хранятся. Отец очень внимательно относился к ее творчеству. У нее с отцом были по этому поводу разногласия: она меняла стихотворный ритм, а он считал, что писать надо более гладко. Однажды кто-то забыл книжечку стихов Маяковского у них в доме. И когда она ее прочла, то поняла, что смены ритма допустимы! И написала: «Рождайся, // Новый человек, // Чтоб гниль земли // Вымерла. // Я бью тебе челом, // Век, // За то, что дал // Владимира!» Это детское ее стихотворение! И это не подражание Маяковскому. Это – как подтверждение ее мнения, утверждение своего права. Маяковский вот так ей помог: она поняла, что так писать стихи – допустимо, что это не только «детское». Конечно, это чутье – поэтическое...

– *Вы сказали, что есть у вас тетрадки, где Агния Львовна писала в стиле Ахматовой. Они издавались?*

– Нет. Зачем? Это личные тетрадки. Ну подражала Ахматовой – «Сероглазый король». Там какие-то стихи написаны и для подруг – я не всех знаю, но есть какие-то посвящения. Я очень многое из семейного архива отдала в РГАЛИ. А эти тетрадки пока держу.

– *Другая часть ее творчества – кинематограф и даже мультипликация. И все ее фильмы – чистые, добрые...*

– Светлые. Да, это правда. Про мультфильмы не знаю, а киносценарии она писала, иногда вместе с Риной Зеленою. А когда фильм запускался в производство, она на съемочной площадке бывала постоянно. Это всегда была совместная работа не только с режиссерами, но и с актерами, со всей съемочной группой. Так появились у нас в стране фильмы «Подкидыши», «Слон и веревочка», «Алеша Птицын вырабатывает характер», «Ищу человека»...

– *Недавно я снова с удовольствием посмотрела фильм «Подкидыши! Авторы сценария – Агния Барто и Рина Зеленая.*

– Да, Рина Зеленая там очень хороша в роли домработницы. А Плятт какой чудный, дивный, конечно. И Раневская. Мама меня брала на студию много раз. Ну, вот работали, вот снимали дубли... Не могу сказать, что на меня это произвело какое-то особенное впечатление. Но фильм действительно очень хороший.

– *К сожалению, практически ушли с телекранов те старые добрые картины. Мир стал жестче, в детских фильмах стало много агрессии, одни «стрелялки»...*

– Да, очень много агрессии, любая реклама – мордобой, кровь, тумаки или выстрелы. Я смотрю по телевизору только теннис – люблю, и раньше болела за игроков, теперь – больше за игру. Иногда смотрю по «Культуре» какие-то фильмы, передачи бывают очень интересные. А то, что стреляют – ну да. Так это же не в детях дело. И во взрослых филь-

Небольшая
часть изданных
в разные годы
книг Агнии Барто

мак все время стреляют, и смотрят их часто при детях. Почему-то считается, что это интересно. Так устроено сейчас... Может быть, ничего плохого в этом нет. Сейчас вообще другой мир – цифровой, и другая психология – мозги по-другому работают. Ну и что? А когда изобрели колесо, тоже в мозгах были большие изменения. Только телевизора тогда не было...

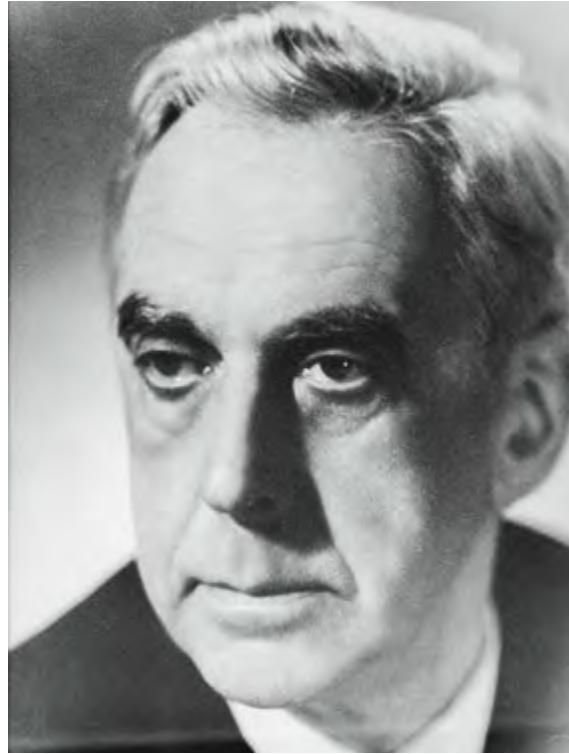
– Татьяна Андреевна, вы были ребенком во время войны – как ваша семья ее пережила?

– Во время войны нас эвакуировали в Свердловск. Наша семья – это бабушка, папа, мой старший брат, няня и я. А мама иногда приезжала туда в командировку, публиковалась в газете «Уральский рабочий». Мой папа был энергетиком, разработчиком турбин, работал на электростанции за Уралом – надо было тут обеспечивать электричеством. В то время в турбины вводились усовершенствования, работали ученые, в том числе представители ленинградского завода. В начале 1943 года мы вернулись в Москву, в стране многое было разрушено, нужна была энергетика, чтобы восстанавливать. Папу вызывали в Москву и разрешили взять с собой семью. Он должен был создать энергомашиностроительный факультет в Московском энергетическом институте, где впоследствии преподавал, а также продолжал участвовать в новых разработках...

– Я где-то читала, что в эвакуации Агния Барто работала токарем, это так?

– Мама в эвакуации была очень мало. Понимаете, когда отцы и старшие братья ушли на фронт,

Агния Львовна
Барто. 1937 год

Супруг Агнии
Барто Андрей
Щегляев,
выдающийся
советский
инженер,
ученый-
теплоэнергетик,
деятель высшей
школы, доктор
технических
наук, профессор,
член-корреспон-
дент АН СССР.
1950-е годы

на заводах стали работать женщины и подростки. Из деревень люди пошли в города, где есть заводы – учиться ремеслу. Шли несовершеннолетние ребята с деревянными сундучками. Приходили, учились, кто был маленького роста – ящик подставлял, чтобы работать на станке... Это на мою маму произвело очень большое впечатление, и она захотела об этом написать. А писала она только о том, что знает не понаслышке. В Свердловске тогда жил и работал в Союзе писателей наш знаменитый сказочник Павел Бажов. И мама к нему пошла посоветоваться – не о рифмах, а о том, как бы ей у самих ребят узнать, что и как их привело к такому выбору. И он сказал: «А ты пройди с ними курс обучения, сдай на разряд и вот так все и узнаешь!» И она поступила учиться на курсы вместе с ребятами и сдала экзамен на токаря, правда, самого низкого разряда. А потом написала книгу о войне «Вот идет ученик», в которой рассказывается о работе детей в тылу, но не только об этом. Так что все было в ее книгах со знанием дела. Поэтому и запоминается, поэтому и верят.

– А потом Агния Львовна получает Госпремию и отдает ее на создание танка...

– Но она была не первой, кто так поступил, тогда многие отдавали свои деньги – на танки, на самолеты... Ну а что во время войны еще делать? Ты же получил премию, ты хочешь участвовать в Победе? Это естественный поступок для того времени.

– А за что она получила премию?

– Не знаю точно. Наверное, за цикл стихов о войне. Мама долго добивалась, чтобы ее пустили на фронт. Ее же не хотели пускать туда: детскому

Татьяна
Андреевна
Щегляева:
«Я – папина
дочка, пошла
по его стопам
в профес-
сиональном
призвании –
я инженер»

писателю нечего там делать. Так она, действительно, не стрелять туда собиралась! Агния Львовна всегда говорила, что пишет только о том, что сама знает, и ей надо это знать. И добилась – она дважды была на фронте. У меня сохранилось ее командировочное удостоверение.

О войне она писала в «Записках детского поэта» и позже в книге «Найти человека». Это не развлекательное чтение, конечно. Но что я буду рассказывать, это надо читать… Читайте ее прозу – там все написано. И она добилась этих фронтовых командировок без всякой творческой бригады – сама. И передвигалась с военными частями, и в блиндажах была во время боев. Она в стихах писала фронтовые «Листки» – о героях, которые отличились в бою. Там были мальчики восемнадцатилетние, которые вот совсем недавно сами читали ее стихи для детей… И, конечно, все это было очень серьезно – она была на настоящем фронте, не в тылу! Но фронтовым корреспондентом она себя не считала. Ей для другого это было нужно – писать для детей надо ответственно. Вот она и ездила – чтобы знать.

– Не могу не спросить о легендарной передаче на радиостанции «Маяк» – «Бюллетень розыска родных». Ведь именно Агния Барто начала этот беспрецедентный поиск пропавших, потерявшихся во время войны людей! Сколько семей восстановилось благодаря этой ее работе, сколько людей нашли друг друга?

– Агнии Барто удалось воссоединить более тысячи семей! Занималась моя мама поисками детей, потерявшихся во время войны. Милиция и Красный Крест немало делали для воссоединения семей, разлученных войной, но каждый раз требо-

вались официальные данные – имя, фамилия, откуда человек родом… А ведь терялись и совсем маленькие дети, не знавшие этого. Как найти их? Агния Львовна пришла мысль искать родных по детским воспоминаниям. Радиостанция «Маяк» предоставила ей 40 минут в месяц для передачи «Найти человека». В редакцию приходило по 100–150 писем в день, люди старались вспомнить все, что могло помочь поиску: историю о потере туфельки, упоминание о брате, разводившем во дворе голубей, и так далее. Мама внимательно читала все письма, выделяла в них те воспоминания, по которым, как ей казалось, родные могли бы узнать друг друга, после чего садилась к микрофону.

– Наверное, все истории она пропускала через себя?

– Впоследствии она написала книгу «Найти человека» с подробными историями поисков. А потом по ее сценарию сняли фильм «Ищу человека», он есть в Интернете. И знаете, если бы она в своей жизни сделала только это – воссоединение потерявшихся в войну людей, – то уже можно было бы смело говорить, что человек прожил свою жизнь не зря. Для Агнии Барто это была сложнейшая в психологическом отношении многолетняя работа. И очень серьезный результат: более тысячи семей соединилось. Но, понимаете, ведь людей, нашедших друг друга с помощью ее передачи на радио – еще больше! Это же великое счастье – вновь обрести семью, найти своих родных людей, о которых совсем никаких вестей не было долгие годы… И надежд не было. А вот детские воспоминания – помогли! И моя мама была причастна к этому человеческому счастью. Это приносило ей огромную радость каждый раз. ☺

БИТВА СЛОВ

АВТОР

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

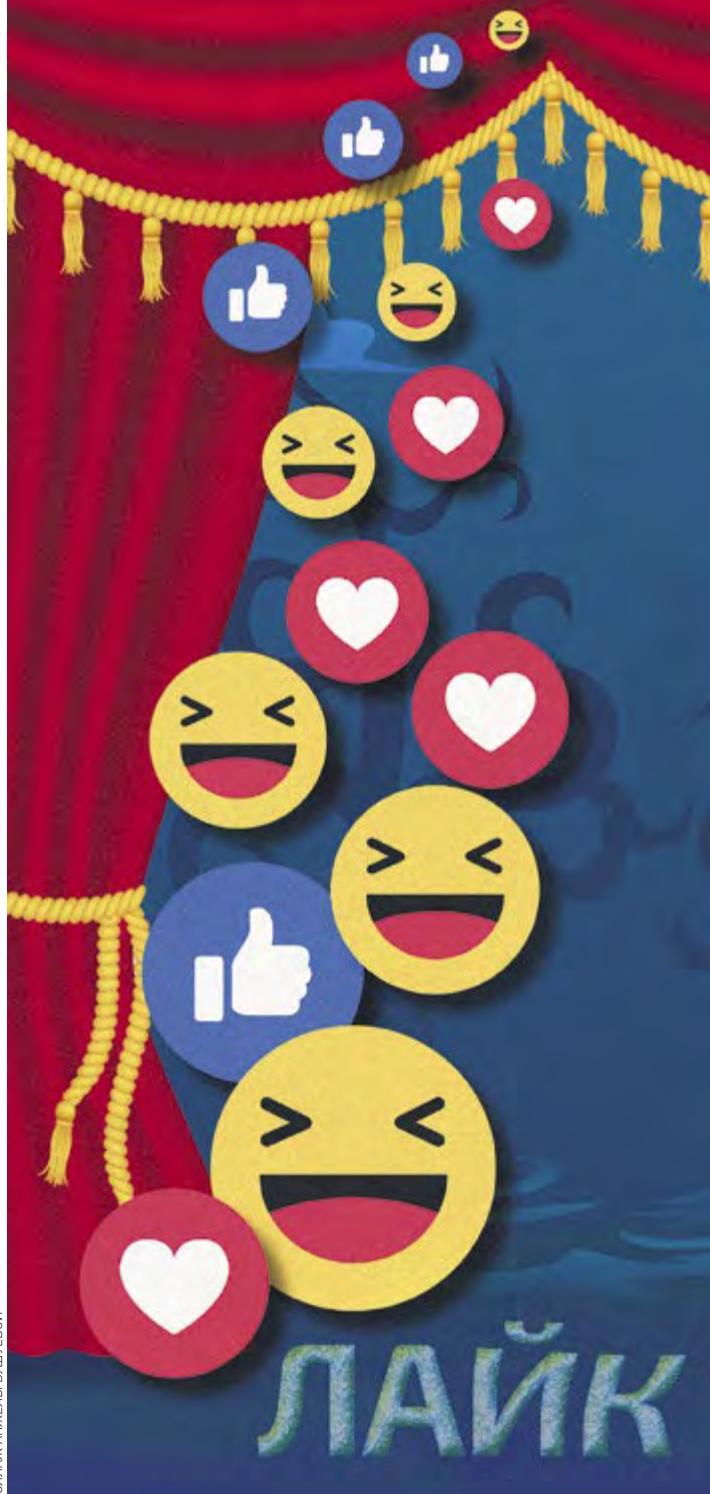
В ТОМ, ЧТО СЛОВОМ 2020 ГОДА СТАНЕТ «КОРОНАВИРУС», МОЖНО БЫЛО НЕ СОМНЕВАТЬСЯ. ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМЕНИ В.В. ВИНОГРАДОВА (ИРЯ РАН) И ВЦИОМ ПОДТВЕРДИЛИ ОЖИДАНИЯ ФИЛОЛОГОВ. ЗАТО НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ОРФОГРАФИЧЕСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ РЕСУРС «АКАДЕМОС» ИРЯ ПРЕПОДНЕС СЕНСАЦИЮ: В ОБНОВЛЕННУЮ БАЗУ ЭЛЕКТРОННОГО РУССКОГО ОРФОГРАФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ОН ВНЕС 675 НОВЫХ СЛОВ, ЗАКРЕПИВ ИХ НОРМАТИВНОЕ НАПИСАНИЕ.

И РЯ РАН РЕГУЛЯРНО переиздает Русский орфографический словарь под редакцией Владимира Лопатина, Ольги Ивановой и Людмилы Чельцовой. Он обновляется раз в пять-семь лет. Последнее переиздание было в 2018-м. И вот – новое дополнение, зафиксировавшее правильное написание 675 слов. Так, «кешбэк» теперь пишется только через «е» и «э», «демоверсия», «promoакция», «videоресурс» и «соцсети» – слитно. Для сложных слов, таких как «аудиовидеозапись», Русский орфографический словарь оставляет возможность писать «аудио- и видеозапись». Кстати, статус «демоверсии» вызывал споры: зачем нужно отдельное слово, если есть словосочетания «демонстрационная версия», «пробная версия»? В итоге научной полемики победила «демоверсия» – бесплатная версия нового продукта, как правило, компьютерной программы. И если она устраивает потребителя, то он может купить полную версию, но уже с расширенными настройками. То есть «демоверсия» все же

сохраняет за собой статус некой рекламы. По наблюдениям лингвистов, такого рода неологизмы не очень живучи в русском языке. По мере развития высоких технологий их часто вытесняют последующие неологизмы-конкуренты.

А вот со словами «постить», «запостить», «репост», вошедшими в Русский орфографический словарь, похоже, проблем нет. Они, по данным социологов ВЦИОМ, часто употребляемы как в устной, так и в письменной речи и не вызывают трудностей с написанием. Слово «пост» берет начало от английского post в значении «столб». На столбах, как правило, развешивают разного рода объявления, поэтому термины «постить» и «запостить» относительно легко перешли в русскую речь – как размещение текста или фотографий в Интернете. А слово «репост» (англ. repost – «пересылка») означает возможность поделиться чужой публикацией на своей странице в соцсети, сохраняя ссылку на первоисточник. В отличие от «поста» слово «селфи», также вошедшее в словарь, не склоняется. Лингвисты та-

копирайт Анжелики Бушевой

кой расклад воспринимают как «нежелание» неологизма русифицироваться, а значит, в отдаленной перспективе судьба у «селфи» не очень ясная. Так же как и у слова «фейк». Его, согласно правилам русского языка, пишут через букву «е», а не через «э», как было вначале. Разночтения в написании отражают нерешенную проблему: зачем нужно еще одно слово «фейк», если и без него есть большой выбор – «утка», «подделка», «обман», «вымысел»? Пока лингвисты сошлись во мнении, что слово «фейк» (англ. fake – «поддельный, фальшивый») на данном этапе развития русского

языка живуче потому, что отражает важную интонацию: фальшивая новость, которую не все способны отличить от правды. Помимо упомянутых в словарь вошел целый веер иностранных заимствований: «троллить», «вебинар», «веган», «каршеринг», «коворкинг», «груминг», «дрон», «лоукостер», «подкаст» и т.д. Среди них можно выделить такие, как «лайк» (англ. like – «нравиться») и «дизлайк» (англ. dislike – «не нравиться»). Они имеют прямые аналоги в русском языке, но однако же без труда проникли в повседневную речь. По мнению ученых, решающим фактором в этом стали емкость

и краткость произношения этих английских слов, а также их легкая визуализация. Ведь под каждым постом в соцсетях обнаруживается соответствующий значок. Кстати, визуализация слов – это своеобразная примета времени.

СТРЕМИТЕЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

– Динамика столетия, в том числе языковая, такова, что новые слова, преимущественно связанные с научно-техническими технологиями, рождаются и исчезают постоянно. Это следствие беспрерывной научно-технической революции, – говорит

главный научный сотрудник, профессор Института русского языка РАН Леонид Крысин. – Яркий пример: за год пандемии неологизмов родилось столько, сколько, наверное, не появилось бы при привычном ритме и образе жизни. Такое явление, как Covid-19, потребовало новых смыслов, а значит, и слов для их выражения. Но не факт, что все они устоят в языке. Те же 675 слов, которые вошли в академический орфографический словарь, по мнению его составителей, прошли испытание временем. Термины относительно стабильно и продолжительно используются в СМИ,

в документообороте, в публичной коммуникации, а главное – в повседневном общении. А у лексикографов есть принцип устойчивости – своеобразный порог входления слов в язык. Вот этот порог слова, включенные в словарь, преодолели. Что, кстати, не означает, что они в нем закрепятся. Иногда на верификацию слова уходит до двух-трех десятилетий, а потом оно тихо выходит из употребления. Как было с «ЭВМ», «пейджером», «челноком». Таковы особенности опережающих скоростей развития общества и русского языка. Он принимает вызов, но все же постепенно «переварива-

ет» новые слова и термины настолько, насколько ему удобно. Ту же тенденцию – сначала масштабированное закрепление в речи, а потом постепенное вытеснение новыми терминами – демонстрирует и ставший ежегодным социологический опрос «Слово года». По данным ВЦИОМ, 61 процент россиян в 2020-м назвали «коронавирус» словом года. Второе место заняло слово «самоизоляция», третье – словосочетание «дистанционное обучение». Правда, спустя полгода два последних слова уже сдали позиции: «самоизоляцию» заменил «карантин», а «дистанционное обучение» – «дистант».

Нечто подобное происходит и с некоторыми другими словами, включенными в Русский орфографический словарь. Причем часть из них имеет доморошенное происхождение. К примеру, аббревиатура ЗОЖ (здравый образ жизни) дала слово «зожник» – поклонник здорового образа жизни. Когда-то просторечные «юга», «здоровский», «в напрягте» и не поддающееся переводу на другие языки выражение «да ну тебя» тоже получили академический статус, попав в словарь. То, как их «переварит» русский язык, станет показателем жизнестойкости других просторечных слов, рождаю-

КОЛЛАЖ АНЖЕЛИКИ БУШЕВОЙ

шихся не без помощи иностранных заимствований. Так, в Русском орфографическом словаре закрепилось слово «гикнуться» в значении «погибнуть». «Гик», имеющее репутацию русского жаргонизма, тем не менее заимствованное слово. Нидерландское *giek* – рангоутное дерево, одним концом подвижно скрепленное с нижней частью мачты парусного судна; английское *geek* – эксцентричный человек, фанат своего дела; также английское *Geek Code* – «код» для самонидентификации пользователей в виртуальности. Все эти слова подразумевают риск, переход и зыбкость ситуации. В русском

языке эти значения трансформировались в «риск гибели».

Попадание этого слова в академический словарь – примета меняющегося времени. Но, как уже говорилось, скорости перемен таковы, что не все новые слова удержатся в разговорной речи. Часть из них составит достояние Национального и Лингвистического корпуса русского языка.

НИЧТО НЕ ПРОПАДАЕТ

– То, что в Русский орфографический словарь вошли в 2020 году в основном иностранные слова, подтверждает очевидную мысль: мы живем в век интерференции, или взаимопроникновения языков, – считает руководитель направления «Фундаментальная и прикладная лингвистика» НИУ ВШЭ Екатерина Рахилина. – Их взаимовлияние поднимает проблему статуса и норм – литературных и лексических – нового русского языка как в стране, так и за ее пределами. Широкий статус разнообразия русской речи оформил Национальный корпус русского языка, а Лингвистический корпус русского языка делает акцент именно на интерференциях. Язык меняется непрерывно, каждое следующее поколение говорит немного на другом языке. Именно поэтому мы не понимаем того, что было написано на древнерусском языке, на среднерусском и даже на русском языке XVII века. В целом мы понимаем, но есть нюансы. Национальный и Лингвистический корпус русского языка их поясняют, если то или иное слово уходит из широкого обихода.

Эффекты интерференции известны лингвистам давно. Классика жанра – английский и английский американский. Или русский и суржик. Относительно новых явления – русский и европейский (чаще – немецкий и французский) русский, русский и азербайджанский русский и так далее. Теперь наступило время эти разрозненные социолингвистические явления изучать системно. Есть инструмент мониторинга новых языковых процессов – Лингвистический корпус русского языка. Начинался он с Национального корпуса, а Национальный, в свою очередь, с изучения корневых лингвистических ресурсов. Так, основной корпус содержит тексты начиная с XVIII века. Ему предшествует исторический подкорпус с текстами XI–XVII веков – это грамоты и церковнославянские тексты, но с комментариями ученых, чтобы они были понятны современным пользователям ресурса.

В Национальный корпус русского языка входит также системная подборка компьютерных терминов и иностранных заимствований. И не исключено, что их составной частью станут какие-то из 675 новых русских слов, включенных в академический словарь РАН. Кандидаты уже просматриваются. Тот же «краудфандинг» – коллективное сотрудничество финансовых доноров, которые объединяют деньги или другие ресурсы, как правило, через Интернет. Неспроста это слово даже среди продвинутых пользователей Сети вызывает отторжение. «А по-русски можно?» – просят они. Однако лингвисты настаивают, что замена «краудфандинга» русским аналогом «складчина» не отражает тонкостей этого финансового явления.

Другое дело, когда речь идет о широко распространенном понятии «подкаст». Точного аналога слова в русском языке тоже нет. К тому же никто не стремится выговаривать «аудиопрограмма для прослушивания в Интернете». А «подкаст» – англизм, который отображает суть понятия и легко произносится.

– Не выживет «подкаст», – считает Леонид Крысин. – Скорости развития высоких технологий таковы, что как смартфон заменил пейджер, так и на смену подкастам придет что-то, что мы назовем другим словом. А «подкаст» уйдет в копилку Национального и Лингвистического корпуса русского языка. Кто прав – покажет время. ●

ГЕРОЙ И ЛЕГЕНДА

АВТОР

ДЕНИС ХРУСТАЛЁВ

БИЗНЕС-ЦЕНТР, КЛУБ ЕДИНОБОРСТВ, ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС, ОХРАННОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ, СТАНЦИЯ МЕТРО, ФИРМЕННЫЙ ПОЕЗД, ОПЕРА – КТО ИХ ОБЪЕДИНЯЕТ? ОКАЗЫВАЕТСЯ, ДРЕВНЕРУССКИЙ КНЯЗЬ, ЖИВШИЙ ВОСЕМЬСОТ ЛЕТ НАЗАД. ЕМУ ВОЗВОДЯТ ПАМЯТНИКИ, ОН ПРИЧИСЛЕН К ЛИКУ СВЯТЫХ, ХРАМЫ В ЕГО ЧЕСТЬ СТОЯТ ВО МНОГИХ ГОРОДАХ РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ.

Монумент
«Ледовое
побоище»
на горе
Соколихе
под Пskовом

В ПАРИЖЕ, ТАЛЛИНЕ, Лодзи и Хаузелле (Нью-Джерси, США) храм Святого Александра Невского является кафедральным, а в Софии – кафедральным патриаршим Болгарской православной церкви. Александровское подворье в Иерусалиме, основанное в 1890 году, ближайшая к Гробу Господню православная обитель. Александр Невский – символ страны, культуры, религии. Нет никакой возможности опорочить такую славу или даже запятнать ее. Века и миллионы людей тому свидетели.

Но нас интересует реальный исторический деятель – великий князь Киевский и Владимирский Александр Ярославич, сын великого князя Ярослава Всеволодовича, внук великого князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, правнук великого князя Юрия Владимировича Долгорукого, праправнук великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха.

Его активность охватывает почти 23 года – период короткий, но насыщенный событиями, важными и порой принципиальными для позднейшей истории: монгольское нашествие, утверждение ига, выбор православия и т.д. К концу жизни князь был самым именитым правителем русских земель, он отмечен во всех современных ему летописных источниках. Более того, вскоре после смерти ему было посвящено отдельное житийное сочинение – «Повесть о житии и о храбрости князя Александра Невского», встроившее его образ в религиозную канву и оформившее символический ореол, сопутствующий ему до сих пор.

В итоге перед нами отмеченный соответствующими акцентами сакральный герой, чьи главные достижения – противостояние западной военной и религиозной экспансии. Этому оппозиционируют его покорность монголам, причастность к утверждению зависимости от них, регулярные выплаты дани, а также ссоры с братьями и детьми. В конце – внезапная болезнь на пути из Орды

ВЛАДИМИР ВЯТКИН /РИА НОВОСТИ

и смерть 14 ноября 1263 года в возрасте всего 42 лет. А потом восемьсот лет почитания и превращение в национальную икону.

ОТНОШЕНИЯ С МОНГОЛАМИ

Впервые будущий князь упоминается в летописи под 1228 годом: тогда Ярослав Всеволодович оставил двух сыновей, Федора и Александра, в качестве своих представителей в Новгороде. До того летопись говорит о каких-то детях Ярослава, когда он с семьей покидает Новгород в конце 1223 года. Отдельно Александр отмечается под 1236 годом, когда его отец, заняв киевский стол, «посадил» своего сына в Новгороде. Затем в 1240 году была Невская битва, в 1242-м – Ледовое побоище (см.:

«Русский мир.ru» №5 и 7 за 2020 год, статьи «Великая битва великого князя» и «Невский проект XIII века». – Прим. ред.».

О деятельности Александра Ярославича в связи с монгольским нашествием нам ничего не известно, впрочем, то же относится и к его отцу, который после гибели в 1238 году брата Юрия в битве на реке Сити стал владимирским князем. Ярослав Всеволодович впервые почти за сто лет совместил самые знаковые титулы на Руси – великий князь Киевский и Владимирский. Он умер 30 сентября 1246 года. И вот с этого времени можно действительно говорить о самостоятельности Александра Ярославича, хотя пока и вне общерусского мас-

Храм Святого Александра Невского в Софии – кафедральный патриарший собор Болгарской православной церкви

штаба. Ярославу наследовал брат Святослав: так было принято – от брата к брату. Но времена изменились, традиции оказалось недостаточно – важным фактором стали монгольские ханы. Святослав к Батыю в Орду почему-то не поехал, хотя ранее уже бывал там. Зато поехали его племянники.

Этот период – вторая половина 1240-х годов – фрагментарно описан в летописях и оставляет много места для домыслов. Ясно, что в Орду отправился сначала Андрей Ярославич, а потом его брат Александр. Путь свой они начали примерно во второй половине 1247 года. Прибыли к Батыю, а тот послал их далее – в Каракорум, к великому хану Гююку, которого, вероятно, они еще застали в живых. Там они получили свои ярлыки: Александр – «Киев и всю Русскую землю», а Андрей – Владимир. И вернулись домой в начале 1249 года. За это время ситуация на Руси, судя по всему, опять изменилась. Святослав был свергнут их братом Михаилом, который, в свою очередь, погиб во время похода на литву той же зимой, 1248/49 года. Спустя века искать виноватых в этой запутанной истории, изучая скучные записи современников, не представляется возможным. Может, в отношениях между родственниками и остался какой-то темный осадок, но в дальнейшем мы не можем обнаружить и тени его – ни между братьями Ярославичами, ни между дядей и племянниками. Надо полагать, консенсус, если он и был нарушен, был быстро восстановлен. То ли Святослав сам не претендовал на великокняжеский титул, то ли покорился монгольской воле. Вообще-то он воевал с монголами на Сити. Возможно, это могло блокировать его кандидатуру. Позднее он посещал Орду, но скорее, чтоб закрепить за сыном свой удел в Юрьеве-Польском, а не подать апелляцию.

За скобками остается роль Батыя в таком выборе. Он знал Святослава и хорошо понимал русские традиции наследования, но, как указывает летопись, сознательно сделал ставку на Александра. Это тем более странно, что Алекса-

Александровское подворье в Иерусалиме расположено поблизости от храма Гроба Господня

сандр прежде в Орду не ездил. Предположить, что они заранее о чем-то договорились и составили заговор против Святослава – затруднительно. С другой стороны, Батый, как известно, враждовал с Гююком. В том же, 1248 году Гююк умер: как говорили современники, его отравили лазутчики Батыя. Великим ханом стал Менгу – ставленник Батыя. Отправляя в ставку врага русских вассалов, хан мог и не рассчитывать на их возвращение, а мог использовать их как элемент какой-то хитрой придворной интриги. Прямыми свидетельствами мы не располагаем. Но братья вернулись, а их ярлыки были признаны как Батыем, так и родственниками.

В итоге с 1249 года на Руси появился новый великий князь Киевский – старейший стол занял Александра Ярославича.

Источники не сообщают о посещении им своей столицы – Киева. Может быть, он побывал там в том же, 1249-м. Но в 1250 году он точно в Новгороде, где упоминается вплоть до 1252-го. Новгород оставался его штаб-квартирой в эти годы. А в 1252-м он снова поехал в Орду. И в этот год случился важный инцидент, который порой ставят в вину святому правительству. Тогда к Батыю отказался ехать Андрей, великий князь Владимирский. Монголы прислали против него войско во главе с Неврюем, который 24 июля 1252 года разгромил под Переяславлем вышед-

Считается, что князь умер 14 ноября 1263 года в Федоровском монастыре Городца, приняв в монашеском постриге имя Алексий. В наше время в обители установлен памятник святому благоверному князю

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Памятник Александру Невскому в Санкт-Петербурге на площади перед Александро-Невской лаврой

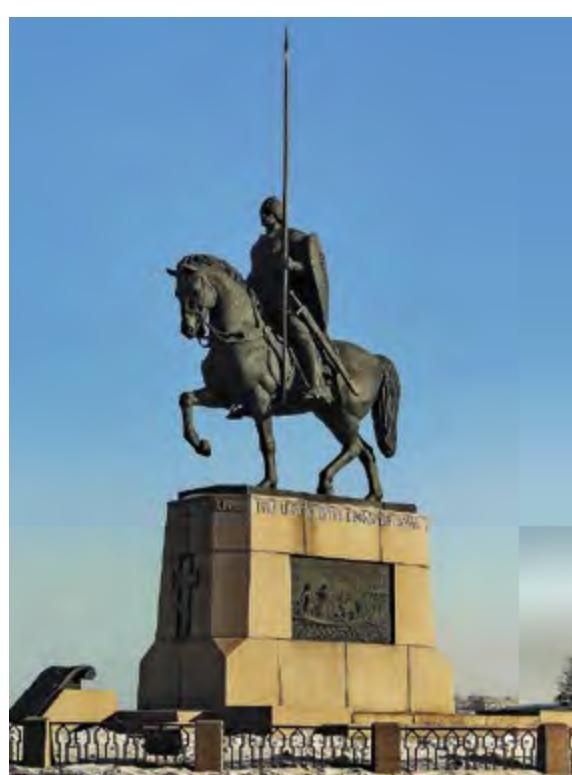
шие против него русские дружины и разорил северо-восточные земли Руси – впервые за пятнадцать лет после погрома 1237–1238 годов. Андрей бежал на север – сначала в Новгород, потом в Псков, затем в Таллин, а оттуда в Швецию – к ярлу Биргеру. Александр же тогда получил в Орде ярлык на Владимир и вернулся наводить порядок. Некоторые предполагают, что это он пожаловался Батыю на брата и заставил того свестить, то есть навел монголо-татар на Русь. Ведь он якобы должен был быть заинтересован

занять владимирский стол. Другие считают, что конфликт случился только между монголами и Андреем, без учета поездки Александра, который просто оказался в тот момент в ставке Батыя и принял на себя полномочия владимирского князя. Ведь Александр имел статус старшего – владел Киевом. Он, собственно, и должен был разбирать подобные недоразумения, что и сделал. Недоказанность в источниках не позволяет сделать однозначный вывод о роли Александра в ситуации. Утверждать лишь можно, что после возвращения Андрея из изгнания – а он появляется в летописях вновь с 1257 года – они с братом не демонстрировали взаимной неприязни. Более того, позже вместе ездили в Орду.

Дело в том, что в 1255 году умер Батый. Ему наследовал малолетний Улагчи, который мог просто простить Андрея – потому он и вернулся. Такие наблюдения заставляют склоняться к мысли, что Александр этот конфликт скорее улаживал, чем провоцировал. Впрочем, после смерти Александра его следующий по старшинству брат, Андрей, не смог получить ярлык на великое княжение – стол перешел младшему, Ярославу. В Орде запомнили Андрееву непокорность и, судя по всему, способности Александра. Впоследствии именно его потомки наиболее успешно находили общий язык с ордынцами. Хотя у посмертной славы своя логика.

Серебряная рака Александра Невского в 1922 году была перевезена в Эрмитаж

Собор Александра Невского в Париже – кафедральный собор Архиепископии западноевропейских приходов русской традиции Московского патриархата

VLADIMIR FEDORENKO/RIA NOVOSTI

ПЕРВАЯ ПЕРЕПИСЬ

Другой акцией, которую любят ставить в вину Александрю Ярославичу, является податная перепись, проведенная им в 1257–1259 годах в землях Северо-Восточной Руси, включая Новгород, совместно с монгольскими администраторами. Эта китайская технология была едва только усвоена имперскими чиновниками – прежде ничего подобного не происходило. Для Руси это была полная дикость, входящая в противоречие с христианской этикой – считать людей должны были накануне конца света, присваивать каждому номер, лишая душу уникальности. Некоторые отнеслись к переписи безразлично, для других она была неприемлема. Несколько раз даже вспыхивали восстания, которые Александр с монголами подавил. Следует подчеркнуть, что возмущение вызвали не результаты переписи или, например, рост налогов (об этом у нас сведений нет), но именно сам факт счисления – нарушение традиции и покушение на религиозные догматы. Вспомним подобную ситуацию в 1999 году, когда в

России начали вводить ИИН (идентификационный номер налогоплательщика) для физических лиц. Потребовалось вмешательство патриарха, чтобы усмирить религиозных ортодоксов и знатоков хилиазма, призывающих отказываться от присвоения номера – ведь

Памятник Александру Невскому во Владимире

кто-то мог оказаться носителем «числа зверя» (666). В XIII веке за такое могли и убить, что не раз случалось. Но Александр был непреклонен: подати подсчитали... и монголы на многие десятилетия оставили русские земли в покое. Собственно, вплоть до 1293 года – Дюденевой рати – никаких заметных нападений ордынцев, да и вообще кого бы то ни было, на Северо-Востоке Руси не наблюдалось. После нашествия Неврюя – более сорока лет мира. Да, в обмен на дань. И предполагается, что это – выбор Александра, хотя, конечно, ничего эпохального он не совершил. Развитие событий тогда было уже предрешено: противостоять Евразийской империи русские княжества не могли. Александр Ярославич, надо полагать, это понимал и не противился, принимая новые реалии и намечая новые, пусть и навязанные, возможности.

Большую часть жизни князь провел в Новгороде, вбрав местный внешнеполитический кругозор и зарекомендовав себя борцом за новгородское благополучие, противодействуя немецким конкурентам в Прибалтике. Воевал Александр исключительно на Западе. Прежде всего вспоминаются Невская битва и Ледовое побоище, но также стоит подчеркнуть его особую активность в борьбе с литвой. Важными были и другие кампании – грандиозный поход в Финляндию в 1256 году и захват Юрьева (Дерпта) в 1262-м. Последнее предприятие возглавил его сын Дмитрий, хотя очевидно, что стратегическое руководство осуществлял Александр. Стоит напомнить, что в случае с событиями 1242 года ситуация аналогична: руководил кампанией великий князь Ярослав Всеволодович, его сыновья Александр и Андрей только реализовывали его замысел. Они победили в Ледовом побоище, но войну выиграл именно Ярослав.

ЗАПАД ИЛИ ВОСТОК?

Создается впечатление, что, воюя на Западе и замиряясь на Востоке, Александр Невский совершил некий поворот в русской истории, определив ее будущее на столетия вперед. К этому стоит добавить и легендарные визиты католических миссионеров, которых Александр выгнал. Перед нами ортодоксальный православный воитель, вынужденный пойти на сделку с монголами ради сохранения веры и жизней соотечественников. Совесть не позволяет ему принять помощь западного патриархата, поправ веру предков. Путь европейской интеграции и католическое будущее Руси были им отвергнуты. Казалось бы, упущены материальные перспективы в обмен на религиозный канон. Но в том-то и дело, что никаких реальных выгод предложения папы римского тогда не обеспечивали. Латинские миссионеры наводняли многие страны, рассыпая выгодные предложения повсюду. История показывает, что за этими словами ничего не стояло – ни военной силы, ни политической, ни защиты от монголов, ни доходных контрактов, ни коммерческих, ни финансовых привилегий, ни даже заметных духовных дивидендов. Нет никаких сомнений, что причиной отказа Александра от предложений католиков была не только тяга к Восточному изводу христианских обрядов, но и простая pragmatika. «Реальный политик» понимал бесполезность союза с западными правителями. Более того, казалось, была возможность их «прижать», используя союз с самой могущественной державой континента. Страх перед монголами обезопасил Северо-Восточную Русь от посягательств с Запада. И вот это действительно было выгодно.

Русская церковь при монголах не только смогла сохранить свою структуру, права, богатства, но и обрела невероятные перспективы, сопостави-

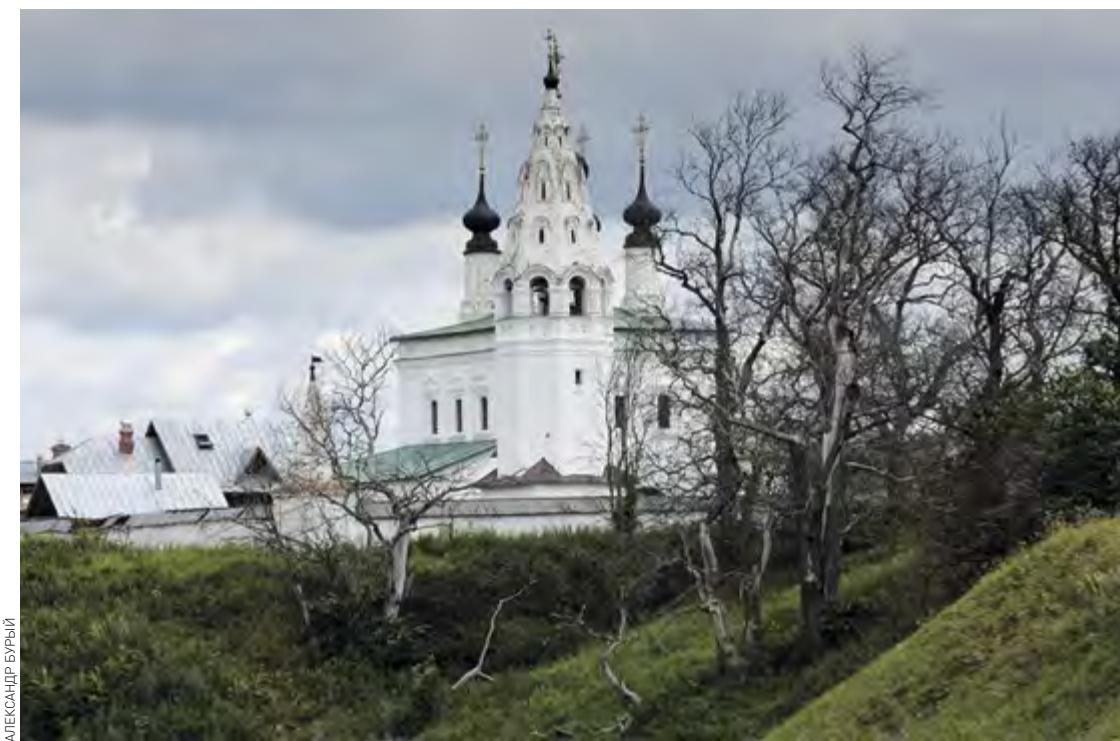
Памятник
Александру
Невскому
в Великом
Новгороде

РУДОЛЬФ КУЧЕРОВ /РИА НОВОСТИ

мые с теми, с которыми столкнулись западные единоверцы после открытия Америки: бескрайние просторы, населенные язычниками, жаждущими благого слова. Именно при Александре Ярославиче в столице Золотой Орды появился православный епископ, многие жители степей, судя по всему, пришли к истинной вере. Впоследствии мы увидим развитие нашей страны именно в этом направлении. Активным союзником князя в церковной политике выступал

митрополит Кирилл, который покинул Киев еще в 1251 году и с тех пор оставался на Северо-Востоке, обеспечивая продвижение миссии. В 1256-м он сопровождал Александра во время похода в Финляндию, дойдя до Копорья – самой северной точки, которой когда-либо прежде достигали киевские митрополиты. Кирилл же, надо полагать, стал и агиографом святого князя, утвердив канонический взгляд на его деятельность, который со временем превратился в общепринятый.

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

МИССИЯ ПРАВИТЕЛЯ

Характерно, что к лицу святых Александр Невский был причислен только при Иване Грозном, в 1547 году. Позже особое внимание его культу уделял Петр Великий, потребовав перенести мощи князя из Владимира в новую столицу, Санкт-Петербург. Он же задумал орден Александра Невского, учрежденный в год смерти императора, в 1725 году. Этот орден был возрожден в СССР в 1942-м. И это единственная подобная награда, сохранившаяся после Российской империи – и в СССР, и в Российской Федерации.

Ясно, что герою такого масштаба тесно в рамках скучных письменных свидетельств своего времени. Почитатели жаждут подробностей, к которым нередко причисляют случайные гипотезы, связь которых с реальностью основана исключительно на народной вере. И это относится даже к празднуемому ныне юбилею.

Никаких сведений о дате рождения Александра Ярославича не сохранилось. Лаврентьевская летопись упоминает появление на свет его брата Федора под 6727, судя по всему, мартовским годом, то есть в период с марта 1219 по февраль 1220-го. Так как в 1228 году княжичей в Новгороде оставляли вместе и Федор назван первым, можно предположить, что его младший брат,

Орден Святого Александра Невского был учрежден Екатериной I в 1725 году

Александр, – следующий по возрасту Ярославич – уже мог передвигаться самостоятельно и не нуждался в кормилице. Никаких других ориентиров у нас нет, а потому дата рождения Александра вполне может быть от 1219 до 1223 года. После статьи известного историка В.А. Кучкина в журнале «Вопросы истории» (1986) общепринятой считается дата 13 мая

ВЛАДИМИР ФЕДОРЕНКО / РИА НОВОСТИ

Орден
Александра
Невского
учрежден указом
Президиума
Верховного
Совета СССР
в 1942 году

1221 года. Исследователь полагал, что Федор родился в феврале 1220-го, поскольку именно в феврале чаще всего поминаются святые Федоры (хотя есть и другие варианты). Следующий брат родился «не намного» позднее, то есть в 1221 году, «поскольку в 1236 году Александр уже княжил в Новгороде». Напомним, сам Ярослав был отправлен на княжение в далекий Переяславль-Южный в 13 лет. Допустимо ли, что Александру, отправленному в Новгород, было также 13 лет? В принципе, в этом нет никаких противоречий. И в 1240 году ему также могло быть едва 17.

Смущает лишь одно. У Ярослава было 8, а может, и 9 сыновей, родившихся в период с 1219 по 1244 год от одной женщины. С другой стороны, вполне могли быть и близнецы, и тройняшки, но, скорее всего, появлялись на свет они с заметной периодичностью, а потому вероятность второго сына уже в 1220 или 1221 году очень высока. И версия В.А. Кучкина не так уж далека от истины.

Другое дело день рождения. Он выбран, исходя из памяти святого мученика Александра Римского, который известен как воин, что особенно подходит для княжеского сына. Однако память Александра Римского 13 мая (он же иногда 25 февраля) встречается в русских месяцесловах

в разы реже, чем мученика Александра 9 июня (в современном календаре – 10 июня) или другого мученика Александра – 14 марта. А сам выбор экзотического имени, скорее всего, был мало связан с датой рождения.

Прежде известны только три русских князя с именем Александр. Ярослав Всеволодович определенно имел какой-то специфический повод для такого наречения наследника. Можно предположить, что он хотел установить связь с именем великого воителя Александра Македонского, который находился вне христианского именосложения. Во второй половине XII века именно на Северо-Востоке Руси заметно внимание к образу Александра Македонского, изображения которого несут резные рельефы белокаменных храмов во Владимире и Юрьеве-Польском, утварь, художественные предметы. Полагают, что он символизировал апофеоз княжеской – царской – власти, которой доступны дерзания вне человеческого естества. Поэтому был особенно популярен изобразительный сюжет «Вознесение Александра на небо»: владельцу помогали в этом два грифона, которых он впряжен в повозку и заманивал вверх шестом с сочавшимся мясом. В вышине «царь» осознал, что может лететь далее, но решил-таки снизойти обратно, поскольку паства его подданных оказалась обездолена. Он – символ тяжелой миссии правителя.

Также тогда на Руси имелись изводы сказаний о действиях Александра («Александрия»), превозносившие воинские таланты и рыцарские достоинства. Ярослав мог быть увлечен этим образом, а потому искусственно подобрать дату крещения сына – без прямой связи с днем появления на свет.

Примечательно также, что мы ничего не знаем о светском имени Ярославича. Все его предки носили два, а то и три имени – для разных социальных и этнических сообществ. Отец был Ярославом, но в крещении

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Памятник
Александру
Невскому
в Волгограде

Федором. А вот у Александра имя только одно. Иное неизвестно. Впрочем, мы не знаем иных имен и у остальных его братьев, кроме Ярослава (Афанасия). В смысле имянаречения эпоха тогда явно надломилась. Дети Александра Невского также получили только христианские имена.

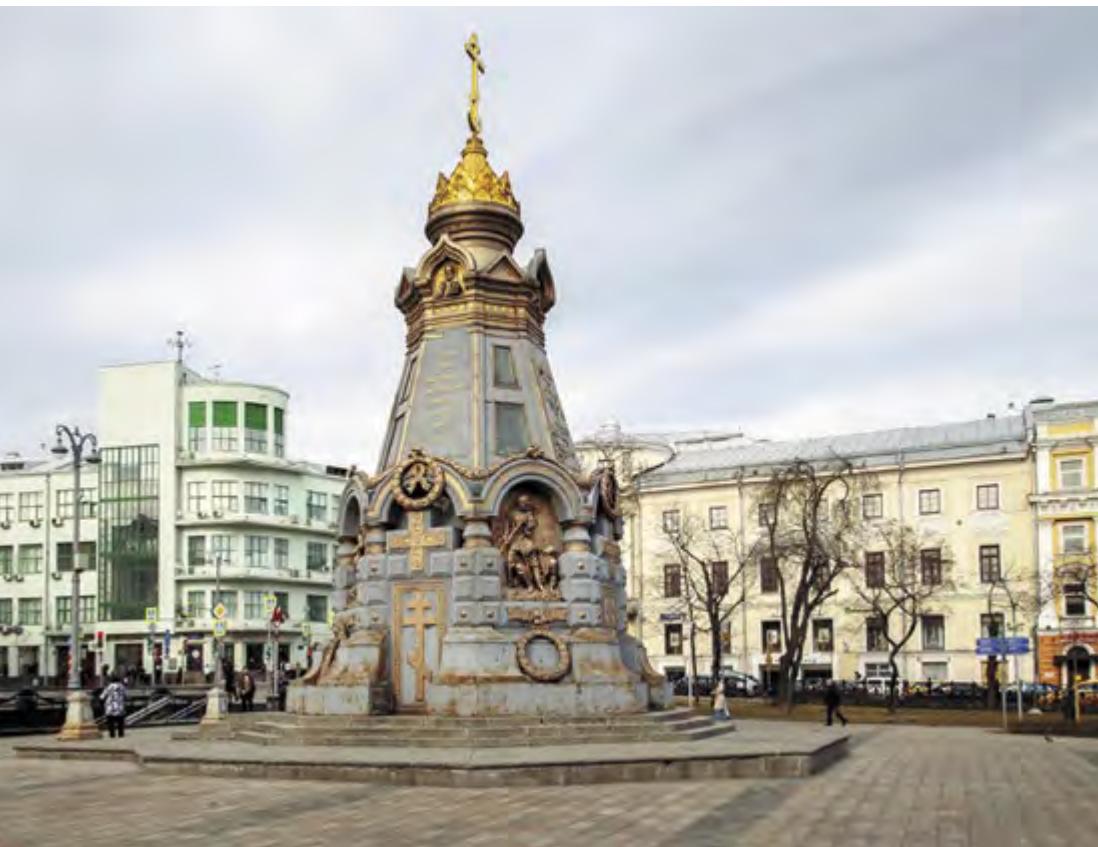
АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

МИФОТВОРЧЕСТВО

В завершение отметим некоторые измышления, связанные с биографией князя. Измышления тем более примечательные, что они лишены связи не только с источниками, но и вообще с научными изысканиями, а при этом сохраняют как популярность, так и устойчивость.

Так, недавно в различных популярных энциклопедиях, а за ними в общероссийских викторинах, обнаружилось утверждение, что «в 1225 году Ярослав «учинил» сыну Александру княжеский постриг – обряд посвящения в воины, который совершил в Спасо-Преображенском соборе Переславля-Залесского епископ Сузdalский Святитель Симон». Это изобретение известного исследователя Ю.К. Бегунова, который поместил подобное сообщение в своей статье в сборнике «Князь Александр Невский и его эпоха» (1995), а потом указал в биографии князя, опубликованной в серии ЖЗЛ (2003). Ничего подобного источникам не известно – это не более чем реконструкция увлекшегося материалом автора.

К подобным расхожим образам относится и версия о «братании» князя Александра с сыном Батыя Сартаком, который

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

был христианином. Об этом впервые написал Л.Н. Гумилев в книге «Поиски вымыщенного царства» (1970). Есть основания полагать, что он заимствовал свою идею из опубликованного в 1949 году романа А.К. Югова «Ратоборцы», где автор осмыслияет глубину русско-монгольских связей желанием Батыя женить Александра Невского на своей дочери и сделать «нареченным сыном», чуть

ли не наследником. Образ оказался настолько близок Гумилеву, что он позднее даже датировал акт «браталии» 1251 годом, хотя никаких оснований для этого не обнаруживается: в тот год Александр даже в Орде не был. У нас нет свидетельств не только о «браталии» Александра с Сартаком, но даже об их знакомстве или встрече.

На фоне увлечения «детской болезнью» мифотворчества не сто-

Часовня иконы Божией Матери «Знамение» и Александра Невского в Москве

Представители США на заводе, освобожденном советскими войсками от японцев. Мукден, Маньчжурия. 1946 год

ит забывать, что ситуация с образом Александра Ярославича до сих пор далека от устоявшейся. Зачастую помимо легенд представления о нашем герое ограничиваются только знакомством с фильмом Сергея Эйзенштейна «Александр Невский». И, к сожалению, это относится не только к неискушенным наблюдателям, но и к именитым авторам. Встречаются рассказы о «печати», которую поставил своим копьем князь на лице шведского ярла Биргера во время Невской битвы; любят изображать проваливающихся под лед немецких рыцарей во время Ледового побоища; порицают Александра за предательство брата Андрея и наведение Неврюевой рати; хвалят за отвержение католичества; предполагают его отравление в Орде, наряду с посмертными чудесами. Все это, конечно, допустимо, особенно после восьмисот лет почитания.

Но стоит напомнить, что Александр правил Северо-Восточной Русью чуть более десяти лет, а при жизни отца придерживался «отчей воли». В 1242 году он не «освободил» Псков, а завоевал его – к тому времени возводят создание Псковской судной грамоты. Прежде всего он противостоял литве, разорительные набеги которой тогда были особенно опасны и болезненны; успехи в борьбе с литвой – одна из главных его заслуг в глазах современников, как отмечается в его Житии. Он особенно заботился о распространении своей власти в Прибалтике – в Эстонии и Финляндии. И точно был умелым дипломатом более, чем воином, участвуя во внутренней политике Золотой Орды и вообще Монгольской империи, располагая высоким статусом регионального правителя и ханского приближенного. Многоплановая личность политика и полководца, выдающегося, если не беспрецедентного для своего времени – необходимого для поминания потомками, достойного для создания легенд. ●

«УЗНИК ЕВРОПЫ»

что творится в его душе», – записал камердинер Наполеона Луи-Жозеф Маршан.

Но даже здесь, на краю земли, бывший император внушал страх многочисленным врагам, в нетерпении ожидавшим, когда узник окончит свои дни. Противоречивые известия, приходившие с острова, приковывали к себе всеобщее внимание. Особенно в России, где отношение к поверженному герою было неоднозначным. Поэтому с особым интересом здесь ждали возвращения из кругосветных экспедиций русских кораблей, которые по пути домой иногда заходили в негостеприимную гавань Святой Елены...

ТЮРЬМА В ОКЕАНЕ

По преданию, в бытность Бонапарта на острове Святой Елены к нему явился некий молодой британский капитан и заявил: «Я хочу очистить мою страну от такого злодеяния, каким была бы ваша смерть. Мой фрегат в вашем распоряжении, сир!» Император ответил: «Моя роль в мире сыграна; я никуда не поеду».

К чему было великому корсиканцу повторять уже пройденный путь? Пламя имперского огня, еще недавно испепелявшее все на своем пути, теперь едва теплилось в нем самом. На покрытом застывшей вулканической лавой острове готовилась новая драма – драма Прометея, «узника Европы», прикованного к одинокой скале в океане.

Сегодня Святая Елена, как и двести лет назад, во времена пребывания на ней Наполеона, принадлежит Великобритании. Этот

Б.-Р. Хейдон.
Наполеон
на острове
Святой Елены

АВТОР

ДМИТРИЙ КОПЕЛЕВ

ЭПОХА НОВОГО ВРЕМЕНИ ВЕДЕТ ПЕЧАЛЬНЫЙ СЧЕТ МОНАРХАМ, СУДЬБЫ КОТОРЫХ СЛОЖИЛИСЬ КАК У ГЕРОЕВ ДРАМ ШЕКСПИРА: ВСПОМНИМ ГЕНРИХА IV НА УЛИЦЕ ФЕРРОНРИ, КАРЛА I НА ЭШАФОТЕ ПЕРЕД УАЙТХОЛЛОМ, ЛЮДОВИКА XVI НА ПЛОЩАДИ РЕВОЛЮЦИИ, НИКОЛАЯ II В ИПАТЬЕВСКОМ ДОМЕ. И, НАКОНЕЦ, НАПОЛЕОНА, «УЗНИКА ЕВРОПЫ», ОБРЕЧЕННОГО НА ЗАБВЕНИЕ И МЕДЛЕННОЕ УМИРАНИЕ НА ДАЛЕКОМ ОСТРОВЕ В АТЛАНТИКЕ.

ОСТРОВ СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ, крутая, почти отвесная скала, обрывающаяся в море, более «походил на исполинский, плавающий на поверхности океана гроб, нежели на землю живых». Печальный

вид его вызвал у императора отвращение с того момента, как он впервые узрел его: «Посмотрев на остров несколько минут, император, не сказав ни слова, вернулся обратно в свою каюту, никому не позволив догадаться о том,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Остров Святой Елены на карте Африки, составленной Джоном Таллисом в 1851 году

ПРЕДСТАВЛЕННОМ ЗОЛОТАРЕВЫМ

садку с сей стороны совершенно невозможно. Подветренный берег и не столь ужасную картину представляющий, имеет одно только место, к которому во всякое время приставать можно, а именно в NW-й части пред городом Св. Якова (Джеймстаун), отстроенным в узкой дефилке (узкий проход в труднодоступном месте. – Прим. авт.) между двумя высокими горами» – так описывал остров мичман Федор Литке, попавший сюда на военном шлюпе «Камчатка» в 1819 году.

А первыми русскими, побывавшими на острове, стали молодые навигаторы Никифор Полубояринов и Тимофей Козляников, служившие на британском флоте. В 1764 году на корабле «Спикер» они совершили переход в Ост-Индию. В сентябре 1797-го на Святую Елену попал еще один волонтер британского флота – Юрий Лисянский, в ту пору служивший на фрегате «Сентр». «Кусок камня около 20 миль, выброшенный посреди океана», – лаконично подвел он итог знакомству. Спустя много лет, правя дневник первого кругосветного плавания на «Неве», Лисянский в качестве лирического отступления добавил: «Мог ли я вообразить, что в сем месте через 16 лет будет жить и кончит жизнь свою один из величайших властелинов в свете Наполеон, повелитель большей части Европы, умирая в сей долине, доказал свету, что путь щастия ни землю, ни небеса, а оно посулено богами, но не дано».

В центре этой долины располагался Лонгвуд-Хаус – поместье Ост-Индской компании, ставшее резиденцией свергнутого импе-

небольшой вулканический остров площадью 122 квадратных километра расположен к югу от экватора. По одной из версий, первооткрывателем этой мрачной земли стал в мае 1502 года португальский мореплаватель Жуан да Нова, который во главе эскадры возвращался из Индии в Португалию. Он якобы и дал острову название – в честь матери римского императора Константина Великого, святой равноапостольной царицы Елены. Впрочем, согласно иным версиям, право открытия острова принадлежит другим португальцам: Эштебану де Гаме (1503) или дону Гарсии де Норонье (1512). Для Португальской империи, прокладывавшей морские дороги в Ост-Индию, этот клочок земли оказался важным: здесь можно было сделать передышку на долгом пути в Индийский оке-

ан. Лиссабону удалось почти на век засекретить место расположения Святой Елены, но в 1633 году Нидерланды присоединили остров к своим владениям. А в 1658 году, при Оливере Кромвеле, островом завладела Британская Ост-Индская компания. И когда представился случай, правительство Великобритании решило, что лучшей тюрьмы, чем этот затерянный в океане остров, не найти.

«Это одно из самых отдаленных мест на Земле. Отрубистые, с высоты около 1000 фут, вертикальные в море спускающиеся островершинные, совершенно голые каменные скалы, образующие надветренную его сторону, о которую море, беспрерывно дующими юго-западными ветрами гонимое, с великою яростью разбивается, делают всяку вы-

Наполеон
на борту
britанского
корабля
«Беллерофон»

Высадка
Наполеона
в Джеймстауне
на острове
Святой Елены

ПРЕДСТАВЛЕННО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ратора. Место для тюрьмы было выбрано британскими властями идеально – сбежать отсюда было невозможно. Со всех сторон Лонгвуд-Хаус окружали возвышенности, на которых стояли опорные наблюдательные пункты, и караульные отслеживали корабли, приближавшиеся к острову. Любой судно было бы тотчас замечено, и с помощью сигнальной системы флагов информация о нем немедленно поступала к губернатору острова в резиденцию Плантийшн-Хаус. На самом острове с 21 часа и до восхода солнца действовал комендантский час, конные патрули, обезжающие Святую Елену, арестовывали всех, кто не имел пропуска или не знал назначенного накануне пароля. Все суда и лодки были поставлены под контроль военно-морских властей.

Попасть в Лонгвуд-Хаус со стороны Джеймстауна можно было, поднявшись по единственной, вырубленной в утесах дороге. Петляя среди уходящих ввысь скал, она выбиралась к узкому бесплодному ущелью, прозванному местными жителями «Чаша для пунша дьявола», и выводила к Горе коз. У ее подножия, среди убогих каучуковых деревьев, был разбит военный лагерь. Далее узкая дорога шла мимо Гераниевой долины с маленьким родником и печальными серебряными ивами, сквозь листву которых проглядывал океанский простор. «Если после моей смерти тело мое останется в руках англичан, похороните его здесь», – говорил император, любивший посидеть тут в тени деревьев. А дальше, на выходе из долины, возле «Ворот Хатта», стоял очередной сторожевой пост.

Здесь был последний «рубеж» охраны 12-милльного круга, внутри которого узнику разрешалось ходить пешком и ездить верхом. Вот как командир «Камчатки» Василий Головин описывал этот «защитный редут»: «На сем пространстве каждую ночь ставятся три поста офицерских, три поста унтер-офицерских и 15 часовых кроме конных патрулей. На высокостях, окружающих доли-

ну Лонгвуд, всегда находятся несколько постов и 30 часовых. Каравульные офицеры посредством зрительных труб видят в лицо каждого, кто входит и выходит из дома Наполеона. В сумерки часовые начинают понемногу приближаться к дому, как к центру круга с обвода его; каждый из них должен видеть ближних к нему двоих по обеим сторонам. Движение сие они так производят, что при наступлении темноты все 30 часовых окружают дом, будучи в пяти шагах от окон. При рассвете они начинают отступать и с дневным све-

том находятся опять на возвышенностях».

Губернатор Святой Елены сэр Хадсон Лоу до смерти боялся того, что над островом взовьется белый флаг, сигнализирующий о побеге Наполеона. Он был ровесником императора – рыжий и сухопарый служака, солдафон без связей и состояния, невежественный, но поднаторевший в интригах и совершенно потерявший голову от возложенной на него ответственности и большого жалованья. Остров Святой Елены открыл доселе не известный никому талант Лоу – он оказался прирожденным тюремщиком! Его вздорный нрав и злопамятность, помноженные на гордыню, превратили Лоу в объект ненависти жителей Лонгвуда. У него «лицо попавшей в капкан гиены», раздраженно говорил Наполеон, смакуя историю про чашку кофе, которую по его приказу выплеснули в окно, так как во время беседы с императором Лоу посмотрел на нее и «отравил одним своим взглядом». Один из слуг Наполеона, корсиканец Джованни Сантини, доведенный до бешенства поведением Лоу, поклялся свести счеты с этим «зловредным животным» и решил пристрелить губернатора в лесу из ружья. Узнав о планах слуги, Наполеон устроил ему выволочку: «Ты хочешь убить губернатора? Как ты не понимаешь, что в этом обвинят меня, скажут, что это я тебе приказал!

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Вид на Лонгвуд с дороги на Дедвуд.
Дом, в котором император Наполеон скончался после почти шестилетнего заточения

Наполеон на острове Святой Елены

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Я запрещаю тебе даже думать о таком деле...»

Впрочем, и без губернатора в Лонгвуд-Хаус находилось достаточно поводов для уныния. Во-первых, грязная вода, которая доставлялась в старых бочках или текла по открытому водоводу. «Здесь легче достать бутылку хорошего вина, чем бутылку хорошей воды!» – ворчал Наполеон. Во-вторых, угнетали постоянные перепады температуры и бешеный юго-западный ветер, проливные дожди, влажные испарения и густой туман. Ясные дни можно было сосчитать по пальцам.

Но самое страшное – будничная тоска, праздность, покой, пусть и обрамленный в привычные военные рамки. Подъем в шесть утра, завтрак в обставляемой по-спартански спальне с железной походной кроватью, рядом с которой стоял круглый столик красного дерева и письменный стол, покрытый зеленым сукном. Камин, возле него диван за китайской ширмой, напротив – большой несессер. На стенах – миниатюры с изображением Марии-Луизы и короля Римского, канделябры, курильница, часы Фридриха Великого. О былом величии напоминали разве что фарфоровые сервизы и столовое серебро. «Кровать стала местом радости для меня; я не обменял бы ее на все троны вселенной. Какая перемена! Как я пал!» – признавался Наполеон. Скучно было до такой степени, словно на Лонгвуд набросили саван и обитали здесь лишь бес-

Эммануэль-Огюстен де Лас-Каз (1766–1842), камергер Наполеона

плотные блуждающие тени. Но и в этой смертной тоске не было никакого покоя.

Наполеону оставалось только одно спасительное убежище – работа. Узнав об изгнании на Святую Елену, император спросил камергера графа Лас-Каза: «Что мы можем сделать в этом забытом богом месте?» И услышал в ответ собственные мысли: «Сир, мы будем жить прошлым, нам есть о чем сказать. Разве мы не наслаждаемся, читая жизнеописания Цезаря, Александра?» «Ну, что ж, – ответил Наполеон, – напишем воспоминания». Поначалу он пытался писать сам, но рука не поспевала за мыслями. Он пробовал стенографировать, делал сокращения, однако на-

И.К. Арнольди (?).
Наполеон
на острове
Святой Елены.
Начало XIX века

писанные каракули невозмож но было разобрать. Пришлось прибегнуть к помощи секретарей. Каждый день он приглашал к себе одного из приближенных: уравновешенного и усердного Лас-Каза, подлинного дипломата, именуемого жителями Лонгвуда «иезуитом»; неприметного военного инженера, генерала и обер-гофмаршала Анри-Гатьена Бертрана; бывшего камергера императрицы Жозефины, красавца графа Шарля-Тристана де Монтолона; верного и импульсивного генерала Гаспара Гурго, в 1812 году первым обнаружившего огромные запасы пороха в Московском Кремле. Перед Бонапартом на столе были разбросаны военные карты. Заложив руки за спину, император ходил по тесному кабинету, быстро диктовал, останавливался, анализировал, затем наговаривал новые фразы.

Порой мысли императора возвращались в Россию – к «сказочному Антею, победить которого можно было, только оторвав от земли. Но где найти Геракла для этого подвига?». «Эту державу, расположенную под Северным полюсом, поддерживает вечный ледяной бастион, который, в случае необходимости, сделает ее неприступной, – диктовал Наполеон. – Россию можно атаковать только в течение трех-четырех месяцев в году, в то время как в ее распоряжении круглый год, целых две-

Сэр Хадсон Лоу,
без предупреж-
дения вошедший
в кабинет
Наполеона I
на острове
Святой Елены.
Французская
гравюра

надцать месяцев, чтобы напасть на нас. Ее враги сталкиваются с суровым и холодным климатом, обещающим одни лишения, и с бесплодной почвой, в то время как ее войска, хлынувшие на нас, пользуются плодородием и изобилием наших южных районов». Где же, кроме географии, таились загадки этой удивительной страны, думал Наполеон. Ответ, по его мнению, был очевиден – в населении, «храбром, закаленном, преданном своему монарху и послушном, включая те многочисленные дикие орды, для которых лишения и кочевой образ жизни являются естественным состоянием».

Свободное от работы время Наполеон посвящал чтению, пешим и верховым прогулкам, воздевлявал с китайскими рабочими маленький садик, учил английский язык и изредка беседовал с охранявшими его британскими солдатами. И, конечно, боролся с хворями, которых становилось все больше: мигреню, дизентерией, ревматизмом, астенией, бессонницей, ожирением, чесоткой. Избыточная влажность пласти Лонгвуд спровоцировала у него астму. К июлю 1820 года император уже не мог избавиться от постоянной тошноты и болей в области желудка и вынужден был прибегнуть к жесткой диете. Он знал, что его смертный час пробил. К марта 1821 года его состояние стремительно ухудшилось. 15 апреля он продиктовал завещание. 5 мая в 17 часов 49 минут Наполеон Бонапарт скончался.

ПИСЬМО, НЕ ДОШЕДШЕЕ ДО АДРЕСАТА

Весть о кончине Наполеона дошла до России лишь в августе. В одном из писем Ивану Крузенштерну капитан-лейтенант, преподаватель Морского корпуса Марк Горковенко сообщал, что эта новость – главная из всех, которые обсуждаются в Петербурге. Обсуждали, впрочем, ее больше в переписке и в частных беседах; в печати же известия о событиях на Святой Елене попадались нечасто. Но и в них уже

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Портрет
Наполеона
с натуры,
выполненный
в Лонгвуд-Хаус
в июне 1820 года

наметились полярные позиции. «Вестник Европы», например, отклинулся на смерть Наполеона заметкой «Выписки о Буонапарте» – пересказом статьи из французского проправительственного издания *Journal des Debats*: «Буонапарта нет на свете. Многие писатели принимались уже судить сего человека; имя Буонапарто повторяется и почтенным злопамятством пострадавших от него людей невинных, и постыдными хвалами рабов его и соучастни-

ков». Редакция, оговорив, что не будет «произносить собственного приговора», поместила выписки из бумаг известной либеральной писательницы баронессы Жермены де Сталь-Гольштейн, хозяйки литературного парижского салона, оппозиционного Наполеону. Размышая о тирании Наполеона, мадам де Сталь, усматривавшая в нем «смесь странных ухваток мещанина во дворянстве со всею наглостью тирана», привела в качестве примера трагические судьбы герцога Энгиенского, расстрелянного в 1804 году во рву Венсенского замка, и «несчастного негра», героя Гаитянской революции Франсуа-Доминика Туссен-Лувертюра, скончавшегося в 1803-м от плеврита в «ледяном аду» темницы замка Жу.

А журнал «Сын Отечества», проинформировав читателей об обстоятельствах смерти узника Святой Елены, перечислил военные заслуги Наполеона и отметил его роль в истории, подчеркнув, что «все жители острова кинулись смотреть тленные останки человека, которому земной шар казался тесным».

В следующем номере журнал поместил подробности смерти и погребения Наполеона Бонапарта, почерпнутые из опубликованного в Лондоне отчета Хадсона Лоу: «Тело его положили на походную постель, покрытую синим, серебром шитым, плащом, в котором он был в сражении при Маренго. Комната обита была черным сукном, и у изголовья поставлен был алтарь. Духовник его, генерал Берtrand, граф Монтолон не отходили от тела... <...> Оно не бальзамировано, только вынуто сердце и положено в серебряный сосуд со спиртом. Наполеон погребен 27 апреля в прекрасной долине, под тенью двух ив».

В этих первых журналистских стычках уже проявились два исторических взгляда на личность великого корсиканца. В центре полемики оказались извечные вопросы – героизм и тирания. Тема для России не новая и отличавшаяся особой остrosotoy; в случае же с Наполеоном она приобретала специ-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В.Л. Боровиковский. Портрет
Анны-Луизы
Жермены де
Сталь. 1812 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Анри-Гатиен Берtrand (1773–1844),
генерал и гофмаршал

фический моральный подтекст, питаемый, в немалой степени, рассказами русских моряков, побывавших на Святой Елене. Федор Литке, например, поведал об одном чрезвычайно примечательном обстоятельстве, о котором узнал во время плавания. По словам Литке, император «часто изъявлял желание, чтобы его перевезли в Россию». Но вряд ли молодой мичман был осведомлен об истории с таинственным письмом.

На Святой Елене в качестве представителей держав-победительниц проживали три комиссара. Париж представлял престарелый маркиз де Моншеню, еще во времена Консульства вернувшийся во Францию, но не переставший проклинать императора. Интересы венского двора находились в ведении барона Игнатия фон Штюремера. Посланником Петербурга был опытный дипломат граф Александр Антонович Бальмен де Рамзей. Потомок древнего и знатного шотландского рода, разделявшего якобитские симпатии, граф Бальмен считался человеком достаточно деликатным и ловким, чтобы выполнить щекотливую миссию комиссара на Святой Елене.

Наполеон отказывался встречаться с комиссарами. Поэтому миссия графа Бальмена была не слишком обременительной: он писал донесения о занятиях Наполеона и собирал анекдоты,

сплетни и информацию о приходивших на остров кораблях. В бумагах он подчеркивал «громадное влияние, которым продолжает пользоваться этот человек (окруженный скалами, пропастями и стражей) на умы его окружающих. Всеми и всем здесь чувствуется его превосходство».

В апреле 1818 года Наполеон через генерала Бертрена пытался договориться с Бальменом о передаче императору Александру I тайного письма, в котором содержалось «нечто удивительно важное». «Я обещаю вам, – ответил Бальмен, – точнейшим образом передать моему двору все, что вы мне сообщаете устно; но я не приму от вас никакого письма. Я не имею на это права. Если бы я это сделал, меня бы дезавуировали». «Ба! – воскликнул Берtrand, – вас бы дезавуировали формально на Святой Елене, но вознаградили бы в России, я в этом уверен. В общем, подумайте об этом».

Похоронный
кортеж
Наполеона
Бонапарта
на острове
Святой Елены
9 мая 1821 года

Могила
Наполеона.
Гравюра.
1830 год

Дело закончилось ничем. Осмотрительный Бальмен решил не рисковать и письмо передавать отказался. И, только вернувшись в Петербург, сообщил об этом Александру I: «Если бы мне снова представился случай, ваше величество, если бы мне в другой раз было поручено передать письмо Наполеона вашему величеству, смог ли я бы сделать это, не навлекая на себя порицания и неудовольствия августейшего моего государя?» Александр I ничего не ответил, только выразительно взглянул на графа. Бальмен посчитал, что государь был бы не прочь вернуться к этому разговору. Граф решил возвратиться на Святую Елену. Но добиться назначения ему удалось лишь к июню 1821 года – за несколько недель до получения рокового известия о смерти Наполеона. Было уже поздно.

НЕВЕЛИКОДУШНЫЕ ВРАГИ

К этому моменту отношение в России к Наполеону несколько переменилось. В общей атмосфере тон, разумеется, задавали антифранцузские настроения – в Наполеоне видели нового антихриста, «неистового врага мира и благословенной тишины». Но все-таки появлялись новые оценки, в которых гордость людей, одержавших победу и взявших Париж, вполне уживалась с размышлениями о Наполеоне как о выдающемся госу-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

дарственном деятеле. В письме от 28 апреля 1820 года граф Николай Петрович Румянцев, канцлер и министр иностранных дел в эпоху Наполеоновских войн, преподал настоящий урок манер первому русскому кругосветному мореплавателю, Крузенштерну. Прочитав введение Крузенштерна к описанию плавания Коцебу на «Рюрике», граф заметил: «Все замечательно, но только покорно прошу убедительнейшим образом в одной статье перемену сделать, то есть никакого упоминания не делать об Наполеоне, кольми паче называть его тираном, не в наши дни, а позднее потомство сему человеку положит решительный суд. Да и несправедливо сказать про того, кто учредил институт Les Prix Decennaux, кто сосредоточил в одном месте столько разсеянных богатств для облегчения наук, что в нем был наукам не благоприятствующий дух». Упомянутая графом «Премия Десятилетия», основанная в 1804 году, а также многие другие полезные преобразования, осуществленные в правление Наполеона, заставляли Румянцева быть осторожным в оценках.

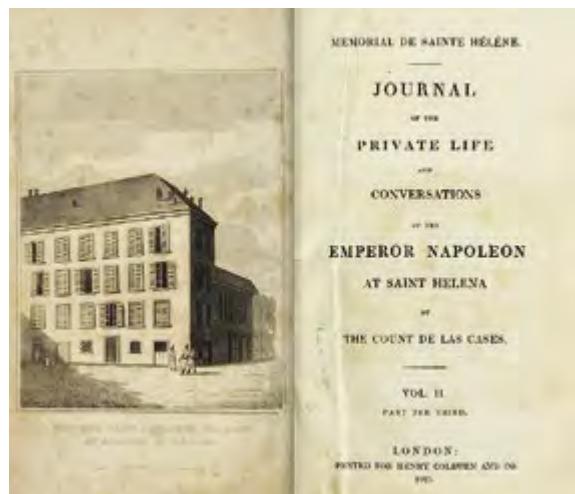
К тому же романтический ореол «узника Европы» теперь вызывал жалость и сострадание. Благодаря рассказам моряков этот образ постоянно дополнялся новыми красками. Упоминая, например, об отношениях Наполеона и губернатора Святой Елены, Литке с негодованием писал о недопустимости поведения Лоу: «Он стал обходить с ним с великою суровостию, увеличил строгости и ограничения. Наполеон жаловался, но его не слушали. Однажды, когда он по обыкновению стал жаловаться губернатору на худые с ним поступки, тот наговорил ему множество грубостей, и между прочими сказал: «Vou setes un homme d'hier» («Вы – человек из прошлого»), что он не за тем пришел, чтобы слушать его упреки, надел шляпу и повернулся к нему спиной. Не достойный поступок! Оскорблять человека после падения его, когда он не имеет никаких средств

Вице-адмирал
В.М. Головнин.
Портрет работы
неизвестного
художника

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Фронтиспис
и титульный лист
воспоминаний
де Лас-Каза
о Наполеоне

Как, наверное, завидовал графу Бальмену Василий Головнин, на пути к Святой Елене мечтавший увидеть Наполеона: «Я ласкал себя надеждою, что увижу Наполеона, но по прибытии к острову Св. Елены скоро узнал невозможность иметь эту честь».

Почему, задавались вопросами русские моряки, британцы так мелочны, почему они ведут себя как торгаши? Ведь у русских, отстоявших свою честь и на равных бывших с Великой армией под Аустерлицем, Прейсиш-Эйлау и Бородином, было не меньше «прав» на корсиканца! Ведь в конце концов горел не Лондон, а Москва, и, отступая в Париж, Бонапарт форсировал не Темзу, а Березину. А теперь русским кораблям и к острову Святой Елены не приблизиться!

Не удивляет поэтому фрондерство русских моряков, которые бросали вызов гордым британцам прямо у Святой Елены. Первый «удар» нанес Отто фон Коцебу на «Рюрик». Вечером 24 апреля 1818 года он прибыл на остров, перед этим посетив Кейптаун. Отто Евстафьевич, убежденный, что русское судно может плавать везде, где захочет, надеялся, что будет представлен Наполеону. Не тут-то было! На «Рюрик» заявился британский офицер с пистолетом, спрятанным в рукаве. Он посоветовал Коцебу держаться ночью поблизости острова и пообещал, что сообщит о приходе русского корабля. Наутро, едва «Рюрик» направился ко входу в гавань, как тут же был обстрелян из пушек. Раздосадованный Коцебу велел спустить флаг и, «поблагодарив пушечным выстрелом за благосклонный прием», отплыл восьмаями.

Визит в марте 1819-го военного шлюпа «Камчатка» под командованием Головнина прошел спокойнее: «В ночи приезжал какой-то чудак, вероятно, какой-нибудь объездной, который не только повторил нам все сии наставления, которые мы по неволе должны были терпеливо выслушивать, но еще стал нам делать некоторые неуместные вопросы, за кои был он, однако же отправ-

Отто Евстафьевич Коцебу (1787–1846).
Русский мореплаватель и ученый

лен с резким ответом... На разсвете, стоявшая на вахте, весьма удивились, увидя, что мы находимся гораздо далее от берега, нежели были сначала. В ночь нас отдергивало. Но когда именно и как это случилось, мы не могли постигнуть. Ветру почти не было никакого, течение было весьма слабое. Всего же непонятнее и хуже было то, что никто до сих пор сего не приметил. Но как бы то ни было, вся команда была тотчас вызвана наверх. Мы поставили паруса и стали подвертывать якорь. [Барон] Врангель был послан на адмиральской корабль для объявления о случившемся с нами, и что мы идем опять на старое место. Между тем с брандвахтенного брига был тотчас прислан мичман спросить нас: имеем ли мы позволение идти в море? На адмиралтейском корабле безпрерывно поднимались и спускались сигналы: столько напрасной тревоги наделала наша оплошность». Доведя британцев до белого каления, русские офицеры все же получили разрешение сойти на берег. Но о жизни Наполеона на острове им удалось собрать только обрывочные сведения. «В последний раз видели его на балконе в белом фланелевом халате, в красных туфлях и с красною шалью на голове; в одной руке у него был кий, а в другой зрительная трубка», — делился Головнин. А Литке подлил масла в огонь: «Племянник лорда Ливерпуля застал его также в deshabille и с престрашною бородою: он уже целую неделю

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

не брился. Многия его поступки заставляют думать, что он хочет представиться сумасшедшим. Иногда сидит он целый день над книгою, переворачивая листы и ничего не читая. Иногда среди ночи взбудоражит он весь дом, веля себе изготовить купальню, а сам ляжет опять спать».

Читаясь дневники Головнина и Литке, и в памяти всплывает главный герой гоголевских «Мертвых душ» — Павел Иванович Чичиков и рассказ о пресловутом капитане Копейкине. «Не есть ли Чичиков переодетый Наполеон <...> — думали озадаченные чиновники, — может быть, и выпустили его с острова Елены, и вот

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Контр-адмирал
Ф.П. Литке.
Портрет работы
неизвестного
художника.
XIX век

он теперь и пробирается в Россию, будто бы Чичиков, а в самом деле вовсе не Чичиков». Не Наполеон ли это, пробравшийся в Россию? Правда, чиновники этому слуху не поверили, «а, впрочем, призадумались и, рассматривая это дело каждый про себя, нашли, что лицо Чичикова, если он повернется и станет боком, очень сдает на портрет Наполеона». Полицеймейстер «не мог тоже не сознаться», что ростом Наполеон «никак не будет выше Чичикова и что складом своей фигуры Наполеон тоже, нельзя сказать, чтобы слишком толст, однако ж и не так, чтобы тонок».

Курьезное сравнение Павла Ивановича с Наполеоном оказывается нежданно-негаданно вполне к месту: между обыкновенными Чичиковыми и необыкновенными Наполеонами больше сходства, чем принято думать. И судьба императора, сажавшего перед Лонгвуд-Хаус чахлы дубки, яркий тому пример.

Между тем родившийся на острове Святой Елены миф Нового Прометея разрастался и в итоге обратился в настоящий культ — со священниками, предсказателями, верующими и псалмами. Разочарованные дремотным состоянием новой Европы, многие увидели в нем то, чего вдруг оказались лишены — биения сердца, упоения натиска и дыхания бури. Никто лучше Альфреда де Миоссе не передал эту вселенскую тоску по закатившейся эпохе, боль по узнику Святой Елены: «И тогда на развалинах мира усилась встревоженная юность. Все эти дети были каплями горячей крови, затопившей землю. Они родились в чреве войны и для войны. Пятьдесят лет мечтали они о снегах Москвы и о солнце пирамид. Они никогда не выходили за пределы своих городов, но им сказали, что через каждую заставу этих городов можно попасть в одну из европейских столиц, и мысленно они владели всем миром. И вот они смотрели на землю, на небо, на улицы и дороги: везде было пусто — только звон церковных колоколов раздавался где-то вдали». ●

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

САМЫЙ ЗАЛИХВАТСКИЙ, САМЫЙ ВЕСЕЛЫЙ РУССКИЙ ПОЭТ – ТОТ, ЧЬИ ГЛАЗА ВИДЕЛИ МНОГО КРОВИ И СМЕРТИ. СЛУГА ЦАРЮ, ПАРТИЗАН, ПОЭТ, ГУСАР – НЕ ПРОСТО РОМАНТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ, НО ПРЕЖДЕ ВСЕГО ЖИВОЙ ЧЕЛОВЕК...

СЕМЯ БЫЛА РОДОВИ-
тая и состоятельная. Род Давыдовых вос-
ходил к мирзе Минча-
ку, поступившему на русскую
службу в XV веке. Старший из
его четырех сыновей носил имя
Давыд, от него и пошли Давы-

довы. Двоюродными братьями Дениса Давыдова были прославленные генералы Николай Раевский и Алексей Ермолов. 27 июля 1784 года в Москве в семье бригадира Василия Денисовича Давыдова родился первый, Денис. Однако детство

мальчика прошло не в Москве, а в военном лагере полка, которым командовал его отец. Сам Давыдов вспоминал: «С семилетнего возраста моего я жил под солдатскою палаткой, при отце моем, командовавшем тогда Полтавским легкоконным полком. Забавы детства моего состояли в метании ружьем и в маршировке, а верх блаженства – в езде на казачьей лошади...»

Василий Денисович служил под началом Суворова, который как-то навестил семью Давыдовых. К нему привели детей. «Поздоровавшись с нами, он спро-

сил у отца моего наши имена; подозвав нас к себе еще ближе, благословил нас весьма важно, протянув каждому из нас свою руку, которую мы поцеловали, и спросил меня: «Любишь ли ты солдат, друг мой?» – вспоминал Давыдов. – Смелый и пылкий ребёнок, я со всем порывом детского восторга мгновенно отвечал ему: «Я люблю графа Суворова; в нем все – и солдаты, и победа, и слава». – «О, Бог помилуй, какой удалой! – сказал он. – Это будет военный человек; я не умру, а он уже три сражения выиграет!» В своем шуточном «Очерке жизни Дениса Васильевича Давыдова» он так рассказывал о своем детстве после суворовского благословения: «Маленький повеса бросил псалтырь, замахал саблею, выколол глаз дядьке, проткнул шлык няне и отрубил хвост борзой собаке, думая тем исполнить пророчество великого человека. Розга обратила его к миру и к учению».

По свидетельству Давыдова, его до 13 лет учили «лепетать по французски, танцевать, рисовать и музыке», а он предпочитал псовую охоту. Зимой семья жила в Москве, летом – то в орловском имении, то в селе Бородине под Москвой, которое принадлежало деду Давыдова по матери, харьковскому генерал-губернатору Евдокиму Щербинину.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В Москве юноша познакомился с воспитанниками Московского благородного пансиона при университете. Они привнесли ему почитать альманах «Аониды», который издавал Карамзин; в нем были их стихи. «Имена знакомых своих, напечатанные под некоторыми страницами и песенками, помещенными в «Аонидах», воспламенили его честолюбие», – насмешливо признавался Давыдов. В эти годы и он начал писать стихи – поначалу, как и все в ту пору, про ветреных пастушек и превратности любви. В 1798 году семью постиг жестокий удар: в полку Давыдова-старшего была обнаружена недостача в 100 тысяч рублей. Некоторые исследователи полагают, что, возможно, дело в том, что отец будущего поэта любил жить на широкую ногу и много проигрывал в карты. Его отправили в отставку, а поместья конфисковали в пользу

Представление юного Дениса Давыдова
А.В. Суворову.
Рисунок
А.Е. Коцебу.
Вторая половина XIX века

Форма рядовых Кавалергардского полка. Начало XIX века

зу казны. Семья обеднела. На оставшиеся средства глава семьи купил Бородино: его продавали с торгов за долги овдовевшей уже бабушки.

В 1801 году 17-летний Денис поступил на службу в Кавалергардский полк, куда его сначала не хотели брать из-за малого роста. «Наконец привязали недоросля нашего к огромному палашу, опустили его в глубокие ботфорты и покрыли святилище поэтического его гения мукою и треугольною шляпою», – ехидничал он по этому поводу. И рассказывал, что, когда пришел похвастаться к двоюродному брату, Александру Каховскому, тот разбранил его за незнание военной науки. Каховский составил для него целую программу ликбеза, и Давыдов стал упорно заниматься. Позже он стал брать уроки военной науки у майора Генерального штаба Торри. Бедность, маршировки, караулы, изучение военного дела не заставили юношу бросить стихотворчество: он призывал муз «во время дежурств своих в казармы, в госпиталь и даже в эскадронную конюшню. Он часто на нарах солдатских, на столике больного, на полу порожнего стойла, где избирал свое логовище, писывал сатиры и эпиграммы, коими начал ограниченное словесное поприще свое». Написанное в эти годы не сохранилось.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«СОЖЖЕНИЯ ДОСТОЙНОЕ СТИХОСПЛЕТЕНИЕ»

Первые известные нам сочинения Давыдова это басни, написанные в 1803–1804 годах. Полные политических намеков, они ходили в списках и наделали много шума: один из списков, сделанный ученым и писателем Андреем Болотовым, сопровождался примечанием: «Сие хотя ловко сочиненное, но дерзкое и ядом и злостью дышащее и сожжения достойное стихосплетение пошло в народе в начале 1805 года. О сочинителе всеобщая молва носилась, что был он некто г. Давыдов, человек острый, молодой, но привыкнувший к таковым злословиям».

Басни Давыдова стали причиной перевода его из гвардии в Белорусский гусарский полк, стоявший в Звенигородке неподалеку от Черкасс. Поскольку кавалергарды имели преимущество в чинах, он стал гусарским ротмистром.

Он радостно окунулся в гусарский быт. И в стихах нашел собственную дорогу: басни писали все, а поэт-гусар он был единственный. Уже в 1804 году написан знаменитый «Гусарский пир»:

Ради Бога, трубку дай!
Ставь бутылки перед нами,
Всех наездников сзытай
С закрученными усами!
Чтобы хором здесь гремел
Эскадрон гусар летучих,
Чтоб до неба возлетел
Я на их руках могучих...

Впервые в русской поэзии появляется гусарское братство, где силачи-усачи пьют пунш, курят трубки и поют хором. А затем гусарский пир сменяется кровавым пиром браны, и гусары сражаются так же отчаянно, как отчаянно пьют и поют.

Давыдов первый в русской литературе начал создавать гусарский миф, породивший богатую литературную, а после и кинематографическую традицию. Он и сам стал фигурой почти мифологической, чем-то вроде русского Сирано де Бержерака. Кстати, если Сирано отличался слишком длинным носом, то Давыдов – слишком коротким,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Гусарская
пирушка.
Иллюстрация
из «Сочинений
Д. В. Давыдова».
1840 год

курносым, «пуговкой», как писали мемуаристы, и остроумнее других шутил над собственной внешностью. Несомненно, это с его слов Пушкин и Вяземский записали знаменитый анекдот про «неприятеля на носу»: «Если на вашем, – якобы сказал Давыдову Багратион, – так он близко. А коли на моем – то мы успеем еще отобедать».

В Белорусском полку Давыдов свел дружбу с легендарным Бурцовым – а может, сам и сделал его легендарным, воспев в стихах: историки утверждают, что в послужном списке Бурцова не числилось никаких замечаний по поводу пьянства и буйства. Да и пьянство самого Давыдова было, скорее, литературным, ритуальным – в быту это был, по свидетельству современников, довольно мало пьющий человек.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Денис Давыдов –
эстандарт-юнкер
Кавалергард-
ского полка.
Из «Сборника
биографий
кавалергардов».
1906 год

УРОК СОРВАНЦАМ

В это время в Европе уже началась война, однако полк, где служил Денис Давыдов, не принимал в ней участия в отличие от гвардейских полков. Давыдов рвался в столицу. В июле 1806 года он наконец перевелся в лейб-гвардии Гусарский полк. Но он еще так и не нюхал пороху, а товарищи уже побывали под Аустерлицем. Там же, под Аустерлицем, был тяжело ранен и взят в плен его брат Евдоким. Денис решил, что его место – на фронте. Он так настойчиво пытался туда попасть, что даже забрался в четыре утра в номер гостиницы к фельдмаршалу графу Каменскому, чтобы напроситься к нему в адъютанты. Каменский даже пообещал ему это, но из-за ничего не вышло: государь не одобрил кандидатуру. Безумный поступок сделал Дениса Давыдова героем всех салонных разговоров; фаворитка императора Мария Нарышкина, которая приходилась сестрой полковому командиру Давыдова Борису Четвертинскому, предложила ходатайствовать о нем. В результате молодой гусар стал адъютантом князя Багратиона, назначенного командовать авангардом действующей армии. Уже в первом бою, при Вольфсдорфе, Давыдов решил непременно совершить подвиг: сначала – взять в плен французского офицера, потом – с небольшой группой казаков и егерей атаковать авангард противника. В результате лишился коня, едва не попал в плен сам – выручили подоспевшие казаки. Вместо наказания за самоуправство он был пожалован орденом Святого Владимира 4-й степени: увлекшись погоней за ним, французы не заметили появления русских гусар. В следующих боях Давыдов уже не самовольничал, выполнял приказы командующего. Следующим боем оказалось сражение под Прейсиш-Эйлау. Затем, рассказывает биограф поэта Александр Бондаренко, «наш герой дрался и под Гутштадтом, и 28 мая под Гейльсбергом, за что был награжден орденом Святой

Анны 2-й степени, под Фридландом – 2 июня, за что получил Золотую саблю с надписью «За храбрость». Еще за ту кампанию Давыдов был награжден золотым Прейсиш-Эйлауским крестом и прусским орденом «За заслуги». В Тильзите, где Наполеон встречался с Александром I, Давыдову довелось видеть их обоих. Об этой встрече он оставил подробные воспоминания. Следующей кампанией Давыдова стала зимняя война со Швецией в 1808 году; за нее – война с турками в Молдавии в 1809-м. Перед началом действий в Молдавии Давыдов испросил отпуск у Багратиона – вернулся на родину и, по собственному свидетельству, доехав до границы, «бросился на родную землю, со слезами долго ее целовал и через две недели возвратился в армию».

В Молдавии Давыдов гостил у своего кузена Александра Давыдова в имении Каменка. Тот был женат на молодой и красивой француженке Аглае де Грамон – женщине кокетливой и очень скучавшей в Каменке. Пылкий Денис влюбился. Посвятил Аглае несколько стихотворений, но не как влюбленный мужчина любимой женщине – нельзя же писать любовные послания жене брата! Так что он укрылся за маской старого дядюшки, пишущего прелестной племяннице.

После молдавской кампании Багратион был в отпуске, поправляя здоровье, адъютант был при нем. Давыдов жил в Москве, влюблялся, печатался в столичных журналах, встречался с литераторами, писал ехидные эпиграммы.

В.В. Мазуровский.
Атака лейб-гвардии
Конного полка
на французских
кирасир
в сражении
под Фридландом
2 июня 1807 года

Ж.-А.-С. Форт.
Битва
Французской
и Русской армий
при Эйлау
8 февраля
1807 года

Рескрипт императора Александра I
лейб-гвардии Гусарского полка
штабс-ротмистру Д.В. Давыдову.
1807 год

ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА

Когда началась Отечественная война, Давыдов попросил у Багратиона разрешения «стать в рядах Ахтырского гусарского полка», в апреле 1812 года получил чин подполковника и прибыл в Луцк, где стоял полк. «Семнадцатого июня началось отступление, – вспоминал Давыдов в «Дневнике партизанских действий 1812 года». – От сего числа до назначения меня партизаном я находился при полку; командовал первым батальоном оного, был в сражениях под Миром, Романовым, Дашковой и во всех аванпостных сшибках, до самой Гжати».

Ахтырский гусарский полк под командованием генерал-майора князя Васильчикова прикрывал отступление армии Багратиона. Перечисленные Давыдовым сражения далеко не полный список столкновений с французской армией. Одним из самых тяжелых был бой у Колоцкого женского монастыря под Москвой: «Нас обдавало градом пули и картечей, ядра рыли колонны наши по всем направлениям», – вспоминал Давыдов. Отступили 10 километров – и тут же сражение у Шевардинского редута. Это уже были родные места Давыдова. В 5 километрах от Шевардинского редута – семейное имение Бородино. В «Дневнике партизанских действий 1812 года»

Давыдов писал: «Дом отеческий одевался дымом биваков; ряды штыков сверкали среди жатвы, покрывавшей поля, и громады войск толпились на родимых холмах и долинах. Там, на пригорке, где некогда я резвился и мечтал, <...> – там закладывали редут Раевского; красивый лесок перед пригорком обращался в засеку и кипел егерями, <...> Все переменилось! Завернутый в бурку и с трубкою в зубах, я лежал под кустом леса за Семеновским, не имея угла не только в собственном доме, но даже и в овинах, занятых начальниками».

Еще при подходе к Бородину Давыдов предложил Багратиону свой план партизанской войны (слово «партизанский» тогда относилось не к народной войне, а к регулярным армейским диверсионным отрядам) – впрочем, уже думал и о том, что появление русских воинов в тылу французов должно превратить войну в народную.

В итоге Давыдову выделили 50 гусар и 80 казаков. Он рассчитывал на немедленную поддержку местного населения, но те принимали гусар за французов из-за схожести формы. В конце концов ему пришлось отпустить бороду и переодеться в «мужичий каftан»; зато не путали с французами.

Пересказывать его дальнейший боевой путь нет смысла: и сам он подробно рассказал о нем в мемуарах, и историки, кажется, изучили каждый день этой войны. В своих воспоминаниях Давыдов честно признается в ошибках, но и с удовольствием рассказывает о победах: взятых в плен французских отрядах, уничтоженных мародерах, освобожденных русских пленных. Пишет, как поднимал крестьян на народную войну и давал им инструкции по борьбе с мародерами, как вооружал их отнятым у неприятеля оружием, как занимался организацией ополчения, как уводил у французов обозы с продовольствием и обмундированием. Как узнал о смерти Багратиона, у которого пять лет прослужил адъютантом – потом

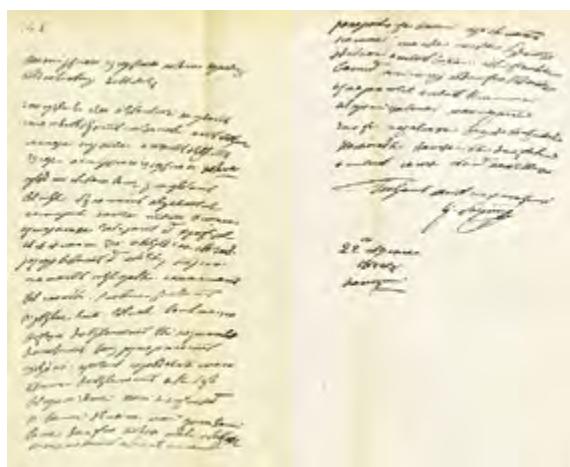
М.А. Костин.
Денис Давыдов
и Багратион.
1962 год

Инструкция
князя
П.И. Багратиона
подполковнику
Д.В. Давыдову
о партизанских
действиях

именно Давыдов добился перевозахоронения праха своего начальника на Бородинском поле. К моменту встречи с русскими частями в селе Красном под Смоленском у него были «расписки на три тысячи пятьсот шестьдесят рядовых и сорок три штаб- и обер-офицера», взятых в плен за неполных два осенних месяца. Там же в Красном его принял Кутузов; долго спрашивал и пригласил к обеду. Давыдов, воспользовавшись случаем, представил к наградам всех офицеров своего отряда. Самого Давыдова никто к орденам не представлял, так что, когда Русская армия перешла границу, он написал Кутузову, что раньше мог думать только о спасении Отечества, а теперь просит «при-

слать мне Владимира 3-й степени и Георгия 4-го класса». Кутузов прислал.

Среди крупных побед «партии» Давыдова – взятие вместе с отрядами Фигнера, Сеславина и Орлова-Денисова 2 тысяч пленных у деревни Ляхово; взятие 900 пленных в Копысе; взятие города Гродно по приказу Кутузова. В декабре 1812 года Давыдов получил приказ соединиться с частями генерала Дохтурова, и его отряд теперь вошел в авангард Русской армии. Впрочем, его довольно скоро подвела привычка самостоятельно принимать решения и действовать сообразно обстоятельствам, а не приказам командования. Кстати, именно так – в соответствии с пониманием истины момента – у Толстого в «Войне и мире» действуют лучшие командиры, в том числе и Василий Денисов, прототипом которого стал Давыдов; некоторые эпизоды воспоминаний Давыдова легли в основу ряда глав романа. Словом, Давыдов отличился тем, что в марте 1813 года безо всякого приказа с пятью сотнями казаков взял Дрезден. Через несколько дней прибыл генерал Винцингероде, обвинил Давыдова в самоуправстве и отправил под суд. Дело рассматривал сам император. Вердикт был короток: «Победителей не судят».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«ВОДИЛ В АТАКУ НАС ДЕНИС»

Давыдова определили в Ахтырский гусарский полк; некоторые источники утверждают, что командиром; документальных подтверждений этому нет – но есть стойкая легенда и куплет в песне полка:

*Отдельным лихим эскадроном,
Иль целым полком «сабли ввысь!»,
Без страха пред тяжким уроном,
Водил нас в атаку Денис.*

Полк отличился в Битве народов под Лейпцигом. Давыдов лично отличился под Краоном, где все генералы второй гусарской дивизии вышли из строя, и он временно исполнял роль командующего. Затем сражение под Фершампенузом и взятие Парижа. И вот наконец военные действия окончены. Давыдов взял отпуск, съездил на родину, где провел почти год, вступил в общество «Арзамас», где получил прозвище Армянин, и написал несколько элегий. Стихи он мог писать только в мирное время. И как бы ни прозвозглашал «Я люблю кровавый бой!» – он не был певцом сечи и кровавого боя. Только певцом плещущей через край витальной радости: молодости, дружбы, вина, готовности к подвигам. И певцом любви, конечно. С окончанием войны связана еще одна легенда Ахтырского полка: гусары готовились к общевойсковому смотру в Верту, однако выглядели прискорбно по причине изношенности мундиров. Полк стоял в Аппасе возле женского капуцинского монастыря, монахини которого носили коричневые рясы. Давыдов велел конфисковать с монастырского склада коричневое сукно и пошить новые мундиры. На смотре гусары выглядели лучше других, после чего император повелел ахтырцам носить мундиры коричневого цвета.

В 1816 году он командовал бригадой, состоящей из Ахтырского и Александрийского полков. После войны он уже тяготился рутиной, жаловался князю Вяземскому на идиотизм службы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

и окружающих, сетовал, что сошел бы с ума, если бы не взял книг. Полк располагался между Вильно и Гродно – глухая провинция, где он скучал и думал о том, чтобы жениться.

Однажды, будучи по делам службы в Киеве, Давыдов по-

Л.И. Киль.
Обер-офицер
Ахтырского
гусарского полка
в 1815 году

Портрет
Дениса
Давыдова
на полях
черновой
рукописи
«Отрывки
из путешествия
Онегина»
А.С. Пушкина.
1825 год

знакомился с молодой польской, генеральской дочерью Лизой Злотницкой. Он посватался, девушка согласилась, ее семья тоже, но только с условием, чтобы он позаботился о своем финансовом благополучии и похлопотал о получении казенного имения. За Давыдова просил Жуковский – учитель наследника-цесаревича. Царь велел списать с Давыдова отцовские долги и дал ему в аренду имение Балты, приносившее 6 тысяч дохода в год. Но пока Давыдов хлопотал, невеста вышла замуж за красавца князя Голицына, известного кутежами и карточными долгами.

Служебные дела тоже не ладились. В 1818 году его назначили начальником штаба 7-го пехотного корпуса. Через год перевели в 3-й пехотный корпус на ту же должность, которая угнетала его, он отзывался о своей работе как о «душной тюрьме». Рвался на Кавказ к своему кузену Ермолову, но туда его не пускали. Отдыхал душой он только за чтением. Переводил французских поэтов, писал воспоминания. Гордился тем, что был принят действительным членом в Общество любителей российской словесности. Дружил с Жуковским, Вяземским, Батюшковым, зимой 1818/19 года познакомился с Пушкиным. Они уже были знакомы заочно: Пушкин зачитывался Давыдовым, который показал ему, тогда еще лицейцу, что в поэзии можно идти своим путем. Давыдов зачитывался Пушкиным. Белинский потом писал, что Давыдов – в числе тех поэтов, которые совершенно по-разному писали до Пушкина и после Пушкина: сначала они влияли на его становление, затем он – на их развитие.

С Пушкиным Давыдов долго состоял в переписке – и переписка эта счастливая, смешливая и радостная. Давыдов называет Пушкина, который на полтора десятка лет его моложе, «парнасским отцом и командиром» и своим «единственным, родным душой моим поэтом».

ЗАЛОЖНИК РАЗГУЛЬНОЙ СЛАВЫ

Друзья, беспокоившиеся за душевное состояние Давыдова после расставания со Злотницкой, познакомили его с 24-летней Софьей Чирковой. Софья ему понравилась, он попросил ее руки, – однако ее мать испугалась, что жених – пьяница и гуляка, и едва не отказала ему. Пришлось друзьям объяснять, что пьяница и гуляка он только в стихах. Сын Давыдова Василий вспоминал, что разгул тогда был в моде: «Очень натурально, что отец мой, шедший с общим потоком, в стихах своих увлекался жаждою разгульной славы, так же как и боевой, но удовольствовался ею только в стихах. В душе своей, в домашнем быту, он был весьма скромный и тихий семьянин, весьма строгий относительно самого себя».

В семейной жизни он был счастлив. Вяземскому писал: «Люблю жену всякий день более и более». Детей в браке родилось восемь: Василий, Николай, Денис, Ахилл, Вадим, Юлия, Екатерина и Софья. Он по-прежнему оставался влюбчив и даже признавался друзьям, что для стихов ему нужна «юбка-вдохновительница». Но никогда он не ставил эти романы выше отношений с женой, к которой был искренне привязан.

В 1823 году он вышел в отставку и окончательно предался литературному труду и управлению имением. Несколько месяцев военной жизни по плотности событий занимают целые страницы, а годы мирной жизни – лишь несколько строк. Но это были счастливые годы, за которые он не растерял ни остроумия, ни глубины мысли и чувств.

В его военных воспоминаниях немало юмора, метких характеристик. В своей прозе он честен, иногда безжалостен к себе, иногда – к другим, но всегда – прям и благороден, всегда полон достоинства. И всегда говорит что думает.

Сонечка
Чиркова.
Портретная
миниатюра

СНОВА В СТРОЮ

Он снова вернулся в строй в 1826 году – сам попросился на службу, но ехал с тяжелым сердцем: оставлял беременную жену и детей, которых нежно любил. Свое участие в кавказской кампании он описывал так: «Со вступлением на престол императора Николая Давыдов снова оплечается знаками военной службы и опоясывается саблею. Персияне вторгаются в Грузию. Государь император удостоивает его избранием в действующие лица на ту единственную пограничную черту России, которая не звучала еще под копытами коня Давыдова. <...> в десять дней Давыдов за Кавказом. Еще несколько дней – и он с отрядом своим за громадою Безобдала в погоне за неприятелем, отступающим от него по Бамбакской долине. Наконец еще одни сутки – и он у подошвы заоблачного Алагеза поражает четырехтысячный отряд известного Гассан-хана и принуждает его бежать к Эриванской крепости, куда спешит и сам Сардар Эриванский с войсками своими от озера Гечки». После короткого участия в кавказской кампании он, заболевший лихорадкой, возвращается домой. Главная причина – он узнал, что болен старший сын. В письме Ермолову он честно признался, что ради славы пожертвовался,

Вот как он описал свое отношение к восстанию декабристов: «Находясь всегда в весьма коротких сношениях со всеми участниками заговора 14 декабря, я не был, однако, никогда посвящен в тайны этих господ, невзирая на неоднократные покушения двоюродного брата моего Василия Львовича Давыдова. Он зашел ко мне однажды перед событием 14 декабря и оставил записку, которую приглашал меня вступить в Tagendbund, на что я тут же приписал: «Что ты мне толкуешь о немецком бунте? Укажи мне на русский бунт, и я пойду его усмирять».

Д.В. Давыдов.
Опыт теории
партизанского
действия
(М., 1821).
Обложка

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

П.З. Захаров. Портрет А.П. Ермолова.
1843 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

С.Г. Шукаев. Военный лагерь на Кавказе. Первая половина XIX века

вал бы своим имуществом, «но чтобы жертвовать детьми, я не римлянин. Нет славы на свете, и самая Наполеоновская слава недостаточна, чтобы заставить меня предпочесть ее моему семейству».

Тем временем Ермолова отправили в отставку и на его место назначили Паскевича; служить под началом Паскевича Давыдов, близкий родственник Ермолова, не мог, даже если бы и захотел. Просил начальство отпустить его к семье. Он снова поселился в деревне и снова писал стихи: «Бородинское поле», «Душеньку» и другие.

В 1831 году его снова призвали – теперь на усмирение польского мятежа. Как истинный служака, он нисколько не сочувствует польским мятежникам. В эту кампанию он тоже воюет с отменной храбростью и мужеством и получает чин генерал-лейтенанта. Это была его последняя кампания.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Он перебрался из подмосковной деревни в симбирскую, Верхнюю Мазу, где предавался радостям охоты и лелеял свой винокуренный заводик. Влюбился в соседскую девушку Евгению Золотареву, посвятил ей несколько прелестных стихотворений и написал полсотни возвышенных писем. Но, публикуя стихи, беспокоился, как бы жена не догадалась, что это любовные стихи к другой женщине.

Когда дети подросли и должны были учиться как следует, Давыдов переехал с семейством в Москву, где поселился в доме на Пречистенке.

Смерть Пушкина совершило его подкосила. «Я много терял друзей подобною смертию на полях сражений, но тогда я сам разделял с ними ту же опасность, тогда я сам ждал такой же смерти, что многое облегчает, а это Бог знает какое несчастье!» – писал он Вяземскому. Может быть, другой на его месте запил бы от тоски – но он отличался завидным душевным здоровьем и стойкостью. Может

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

К.К. Гампельн.
Портрет Дениса
Васильевича
Давыдова.
Около 1825 года

быть, опыт войны научил его переносить потери. Или, может быть, удивительное умение в самой безнадежной ситуации иронизировать над самим собой, смотреть на мир насмешливыми глазами не дало погрузиться в депрессию.

От тоски его спасали и хлопоты о детях: он ездил в Петербург, договаривался об устройстве сыновей в училища. Затем занялся подготовкой переноса останков Багратиона на Бородинское поле. И в самом разгаре этих хлопот – ранним майским утром 1839 года – умер от инсульта, не дожив до 55 лет.

Кажется, лучшую эпитафию он сам себе придумал еще при жизни, завершив ею свой анонимный «Очерк» о себе же самом: «Мир и спокойствие – и о Давыдове нет слуха; его как бы нет на свете; но повеет войною – и он уже тут, – торчит среди битв, как казачья пика. Снова мир, и Давыдов опять в стенах своих, опять гражданин, семьянин, пахарь, ловчий, стихотворец, поклонник красоты во всех ее отраслях, – в юной деве ли, в произведениях художеств, в подвигах ли военном или гражданском, в словесности ли – везде слуга ее, везде раб ее, поэт ее; вот Давыдов!»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Дом Д.В. Давыдова в Москве на Пречистенке. С конца XIX века в доме располагалась привилегированная городская гимназия Софии Арсеньевой

«ЭТОТ ДНЕВНИК НЕ УДОВЛЕТВОРИТ НИКОГО»

АВТОР

МАРИНА ЯРДАЕВА

КТО-ТО ДОЛЖЕН БЫЛ ТАК НАПИСАТЬ О РОССИИ. В ЕЕ ТАКОЕ СТРАННОЕ, СЛОЖНОЕ, ПОЛНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ ВРЕМЯ. КТО-ТО ДОЛЖЕН БЫЛ ПРИЕХАТЬ СЮДА СОВСЕМ ИЗДАЛЕКА. ПРИЕХАТЬ С КАКОГО-НИБУДЬ ДИКОГО ЗАПАДА НА ЭТУ «ДИКИЙ» ВОСТОК – СССР. КТО-ТО ИРОНИЧНЫЙ И ДОБРЫЙ – К ЭТИМ СЕРЬЕЗНЫМ, СТРОЯЩИМ НОВЫЙ МИР ЛЮДЯМ. ПРИЕХАТЬ, ЧТОБЫ ЭТИХ ЛЮДЕЙ ПОДДЕРЖАТЬ, ЧТОБЫ ИМ УЛЫБНУТЬСЯ. ЭТО СДЕЛАЛ В 1940-Е ГОДЫ ДЖОН СТЕЙНБЕК.

С

ТЕЙНБЕК И СССР?

Конечно, это вполне гармоничное сочетание! Так мог бы заключить каждый, кто знаком с наследием американского писателя даже в общих чертах. Самый известный в России роман Стейнбека, «Гроздья гнева», породил прочный стереотип, что главной темой писателя было разоблачение социальной несправедливости и неправды капитализма. Для советских читателей этот американец стал кем-то вроде чеховского человека с молоточком, который должен стоять за дверью каждого довольного жизнью и напоминать своим стуком, что есть несчастные. Но все обстоит, конечно, сложнее. Стейнбек разный – всю свою жизнь он всматривался в самые разные явления, искал новое и возвращался к прежнему, потом опять поворачивал, менял темы, жанры, манеру письма, менялся сам.

ИСТОКИ И ВЛИЯНИЯ

Можно ли полно описать биографию Джона Стейнбека в нескольких абзацах, если самому ему для осмыслиения только некоторого влияния на его личность среды и семьи потребовалось написать огромный и сложный роман «К востоку от Эдема»? Можно ли просто и убедительно объяснить зигзаги его судьбы и кажущиеся противоречия мировоззрения, если каждый жизненный этап отражен в отдельном произведении? Думается, надо читать сами произведения. И все же позволю себе набросать некоторый пунктиир, расставлю основные флагочки, не более.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Джон Стейнбек родился в 1902 году в городе Салинасе, в Калифорнии. Калифорния, этот рай на земле с ее плодородными землями, с красотой и буйством природы, – место действия многих произведений писателя, а порой, кажется, что и само действующее лицо. Здесь ищет спасения от нищеты лишившаяся всего семья Джоуд («Гроздья гнева»), здесь планируют разбогатеть на сезонных работах бродяги Джордж и Ленни («О мышах и людях»), здесь мечтает разбить райский сад Адам Траск («К востоку от Эдема»). И здесь же обосновались в XIX веке деды писателя, в чьих жилах текла немецкая и ирландская кровь. Родители будущего писателя были уже людьми городскими. Отец, Джон Эрнст Стейнбек, работал бухгалтером, мать, Оливия Гамильтон, – учительницей. От матери Джону передалась любовь к чтению; от отца – некоторый рационализм, уважение к материальному; от дедов – почтение к земле: школьные каникулы будущий писатель проводил на их обширных ранчо.

В 1919 году Джон Стейнбек поступил в Стэнфордский университет, учился с перерывами, но в конце концов в 1925-м бросил, не получив диплома. В это время он уже пробует себя в качестве автора рассказов и по-

вестей. Его не печатают, и он перебивается случайными заработками: трудится то чернорабочим, то сторожем на рыболовном заводе, то гидом, иногда во время поездок в Нью-Йорк что-то публикует как журналист.

В 1930 году Стейнбек женится на Кэролл Хеннинг. Отец писателя отдает молодоженам коттедж в Пасифик-Гроув, а сына еще и снабжает бесплатно бумагой для рукописей. С 1932 года печатаются короткие рассказы Стейнбека, в 1935-м выходит сборник «Квартал Тортилья-Флэт». Дальше – больше. Вторая половина 1930-х – взлет Стейнбека. Однако писатель оказался к нему не готов, обнаружив себя

Город Салинас в Калифорнии. Открытика начала XX века

заложником определенного образа. После публикации «И проиграли бой», «О мышах и людях» и «Гроздьев гнева» на него навесили ярлык острого социального писателя и отныне ждали именно этого. Для Стейнбека это означало, что «надо начать сначала», он не хотел оправдывать ничьи ожидания.

С начала 1940-х на первый план выходят публицистика и документалистика. Его интересует и биология с экологией («Море Кортеса», «Заброшенная деревня»), и, разумеется, военная тема («Бомбы вниз!»). В это же время Стейнбек сотрудничает с телевидением и кинематографом: пишет сценарии передач и фильмов о войне. Он экспериментирует, отчаянно ищет нового. Причем не только в работе. Стейнбек женится во второй раз. Но ничего по-настоящему не удовлетворяет писателя. И новый брак, с Гвин Конгер, нельзя назвать удачным. И творческие поиски затягиваются. Работа над новым романом, «Заблудившийся автобус», идет мучительно. Ведь заблудился и сам его автор.

1946–1947 годы – пик кризиса писателя. Переплелось в клубок неразрешимых противоречий творческое, личное и даже общественно-политическое. Издерганный подозрениями в неверности супруги, невозможностью ясно выражить новые творческие замыслы, Стейнбек, как многие запутавшиеся мужчины, обвиняет весь мир, политиков и правительства, саму эпоху. Эпоха, впрочем, давала повод: началась странная холодная война с СССР.

«Наши лидеры, похоже, чокнулись, – пишет Стейнбек в это время. – Когда-нибудь они перетащат страну через край безумия и погубят ее. Да поможет нам Бог! Наше время становится более сложным. Дошло уже до того, что человек не может проанализировать свою собственную жизнь, не то что распоряжаться ею».

Где же выход? Что делать? Куда себя девать? Поехать в СССР!

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Гроздья гнева. Обложка первого, 1939 года издания

В РОССИЮ ИЗ ДЕПРЕССИИ

Эта блестящая идея посетила писателя в марте 1947 года в баре отеля Bedford на 40-й улице Нью-Йорка, где он глушил хандру коктейлями и думал, что делать дальше. Размышления писателя прервало появление его товарища – фотокорреспондента Роберта Капы. Тот тоже был изрядно потрепан экзистенциальной тоской по неведомому, и потому оба стали думать о будущем сообща. Думали, чередуя коктейли с обсуждением мировых новостей. А в газетах тогда каждый божий день обсуждалась Россия: что задумал Сталин? Каковы планы Генштаба? К чему приведут эксперименты с атомным оружием и управляемыми ракетами? Стейнбек с Капой быстро договорились до того, что обо всем этом писали люди, которые в СССР не бывали и чьи источники информации были небезупречны. И тут... Нет, товарищи не загорелись идеей утереть нос всем политическим аналитикам, их пронзило внезапное открытие. «Тут до нас дошло, что о некоторых сторонах российской жизни вообще никто не писал <...> – объяснил Стейнбек во вступлении к «Русскому дневнику». – Как там люди одеваются? Чем ужинают? Устраивают ли вечеринки? Какая там вообще еда? Как они любят и как умирают? О чем говорят? Что они танцуют, о чем поют, на чем играют?»

Разглядеть за политикой, за масштабом истории обычного человека, описать его скромную жизнь – эта задача, может быть, не представляется грандиозной, но стремление эту задачу разрешить, без сомнения, очень человеческое. И если уж через что и пытаешься разобраться с собственной жизнью, то вернее всего это получается сделать через жизнь другого.

Стейнбек уже посещал Советский Союз, в 1937 году. Но он был проездом, совсем недолго и, конечно, не успел разобраться, как живут обычные русские. Теперь же это было интерес-

Фотокорреспондент Роберт Капа (1913–1954)

Очередь в Мавзолей В.И. Ленина на Красной площади. Москва. 1947 год

но особенно. Россия пережила большую разрушительную войну, и Россией, как страшным агрессором, вовсю пугали Америку. Это должно было как-то отразиться в житейских мелочах, в личной жизни людей. Должна ведь быть у русских личная жизнь?

Эти вопросы понравились Стейнбеку, понравились Капе, понравились бармену, подливавшему им Suissessee, понравились они и Джорджу Корнишу – главному редактору New York Herald Tribune. Вскоре Стейнбек и Капа получили визы. И уже в июле за барной стойкой в Bedford они, счастливые и довольные, отмечали отъезд.

ПОД БДИТЕЛЬНЫМ ОКОМ СТАЛИНА

В Москве двух известных американцев никто не встретил. Это было как минимум неожиданно. Перед отлетом Стейнбека и Капу пугали, что их сразу схватят, сразу отправят в тюрьму, а потом в Сибирь или вообще расстреляют. Дабы избежать неприятностей, путешественники заручились поддержкой представителей Herald Tribune в Москве. Но череда мелких непредвиденныхностей, вроде задержек рейсов и телеграмм, привела к тому, что в аэропорту Стейнбек с Капой оказались одни – без знания языка и русских денег. Выручил американцев случай-

АНДРОНИК ГАРАНИН / РИА НОВОСТИ

АНАТОЛИЙ ГАРАНИН / РИА НОВОСТИ

Празднование 800-летия основания Москвы у гостиницы «Москва» на Манежной площади. 7 сентября 1947 года

но повстречавшийся им дипкүрьер французского посольства. Он отвез их в «Метрополь».

«Мы не знали, какой у нас статус, — вспоминал писатель. — У нас не было уверенности в том, что мы попали сюда так, как положено». Он еще не знал, что в СССР, несмотря на всю бюрократизированность госаппарата, любовь чиновничества к протоколу, представление о том, «как положено» весьма размытое, а если оно и существовало, то часто разбивалось о неведомые обстоятельства непреодолимой силы. Даже в «Метрополе» первыми окружили Стейнбека и Капу работающие в Москве американские корреспонденты, они же приютили коллег в своих номерах. И только потом писателя и фотографа встретили представители Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), перевезли их в «Савой» и провели что-то вроде собеседования.

Стейнбек как мог объяснил представителю ВОКС, литературоведу Александру Караганову, свой незамысловатый план: никакой политики, просто очень хочется посмотреть, как живут русские, хочется пообщаться с рабочими и крестьянами. Караганов устало вздохнул, заметил, что несколько американцев уже приезжали, говорили о своих задумках то же самое, а потом возвращались в США и писали совсем другое. Но пообещал поддержку.

Первые дни американцы провели в ресторанах гостиниц и в прогулках по городу. Стейнбек отмечал, что за десять лет город стал чище, построилось много новых величественных зданий, но люди при этом казались ему грустными и уставшими. Особенно это бросалось в глаза на фоне предпраздничной атмосферы: Москва готовилась к 800-летию основания и 30-й годовщине Октябрьской революции. Капа же преимущественно брюзжал: он мучился от того, что не может снимать без специального разрешения.

Первые впечатления были яркие, но сумбурные. Все было странным: нелепый американо-русский джаз в холлах гостиниц, плавающий курс русских денег (он был официальным и неофициальным), сочетание разных видов торговли (государственной, комиссионной и спекуля-

тивной), такси, работающее по принципу, который больше напоминал работу трамваев, сакральное отношение русских к музеям, суровая серьезность советских девушек.

Об образе мыслей женщин СССР Стейнбеку многое рассказала переводчица Светлана Литвинова. Ее взгляды показались писателю радикальными. Она уверяла, что приличные девушки не ходят вочные клубы, не курят и не пьют, не красят губы и ногти, что они осмотрительно ведут себя с парнями. Стейнбек иронично заметил, что подобное наблюдалось и в американских провинциальных городках лет двадцать-тридцать назад, но потом их девушки все же одумались и поняли, что мужчинам они нравятся с маникюром, макияжем и в красивых легкомысленных платьях.

Впрочем, решение женского вопроса в СССР давало повод не только для шуток. Тяжесть морального бремени советских людей вообще и женщин в частности порой шокировала. За те несколько дней, что Стейнбек с Капой провели в столице в ожидании разрешения выезда в регионы, они узнали, что двух москвичек приговорили к десяти годам исправительных работ за кражу полутонна килограммов картошки из чужих огородов.

В этом свете особенно грозными виделись американцам развесанные повсюду портреты Сталина чудовищных размеров. Странным было отношение к этому простых людей: кто-то объяснял обилие изображений Сталина традицией поклонения иконам, кто-то уверял, что это выражение народной любви. Для американского сознания, с его страхом и ненавистью к делегированию власти одному человеку, это было немыслимо.

Москва вызывала у американцев смешанные чувства, хотелось большей цельности, свободы, особости, поэтому когда разрешение было получено, Стейнбек с Капой не медля отправились в Киев.

АНАТОЛИЙ ГАРАНИН / РИА НОВОСТИ

«УСТРОИЛИ ДЛЯ НАС ШОУ»

Киев предстал перед американцами не в лучшем виде: он был разгромлен немцами. Но даже в руинах город был очень красив, и оттого смотреть на него было особенно больно. «Библиотеки, театры, даже цирк – все было разрушено огнем и взрывами, – со-крупался Стейнбек. – Сожжен университет, лежат в руинах школы. Это было не сражение, а безрассудное уничтожение всех культурных заведений города и почти всех красивых зданий, которые строились в течение веков. <...> И одним из немногих проявлений справедливости в мире является то, что теперь немецкие военнопленные помогают расчищать руины, в которых город лежит по их вине».

На фоне окружающей разрухи особенно поразили Джона Стейнбека люди. Они совершенно не выглядели усталыми, хотя многие заново отстраивали свои дома, вновь налаживали быт. На-против, они много улыбались и были чрезвычайно доброжела-тельны. Хотя и здесь американцам тоже рассказали о том, что журналисты из США уже быва-ли у них и потом тоже написали какую-то ерунду. Рассказывали об этом, впрочем, не предос-тregaюще – дескать, уж вы-то смо-трите, не подведите, – а с заливи-стым хохотом.

А еще в Киеве стало решитель-но непонятно, кто чью жизнь изучает. Представители местного ВОКС организовали для гостей множество встреч, вот только на каждой больше расспраши-вали украинцы, нежели амери-канские журналисты. Спраши-вали об уровне жизни в США, о заработной плате, о том, как живет трудящийся человек. Ин-тересовались, есть ли у простых людей машины. Ходят ли дети америка-нцев в школы и в какие. И вот Стейнбек столкнулся с не-ожиданным: «Тут мы начали по-нимать, что Америка – это очень сложная страна для простых объ-ясне-ний. Начать с того, что в ней есть много такого, чего мы сами не понимаем». Конечно, стало очевидно, что то же самое ха-

Вид на Днепр и Владимирский спуск. Фото старого Киева. 1947 год

рактерно и для России, и, может быть, даже в большей степени! Но украинцы не унимались. И, конечно, речь почти всегда заходила и о возможной войне. «Могут ли США напасть на нас? – спрашивали повсюду люди. – Отправите ли вы свои бомбардировщики, чтобы уничтожить нас? Неужели нашему по-колению придется снова защищать свою страну? Ваши газеты постоянно пишут о нападении на Россию». Писатель старался успокоить, говорил, что не всем американским газетам можно верить, что простые американцы не хотят ни с кем воевать. Но тут уж украинцы совсем диви-лись. Газеты врут? Почему пра-вительство не возьмет их под контроль? И Стейнбек долго и терпеливо объяснял, как устроена работа СМИ в США.

Также выяснилось, что амери-канцы и русские не только вза-имно друг друга боятся, но и вза-

имно друг над другом смеются. Занятный случай произошел в Киевском цирке. В одном из но-меров клоуны изображали бо-гатую даму из Чикаго. Как толь-ко эта дама в красных шелковых чулках и уморительной шляпе появилась на сцене, все внима-ние приковалось к американцам. «Зрители хотели увидеть, не рас-сердимся ли мы на такую сати-ру, – отмечал Стейнбек, – но это было действительно смешно. Как некоторые наши клоуны цепля-ют на себя длинные черные бороды и берут в руки бомбы, изо-брожая русских, так и русские клоуны представляют американ-цев весьма оригинально».

Это может показаться удивитель-ным, но советский цирк понрав-ился Стейнбеку больше, чем советский театр. Причем понрав-ился именно своей искренней незатейливостью. Все эти поучи-тельные сцены о личной жизни трактористов откровенно вгоня-ли в тоску. Спектакль, где жен-щина бросается в реку из-за того, что «всего лишь разрешила моло-дому человеку поцеловать кончики пальцев» (*«Гроза»*), вызвал удивление. Преследовавшие по-всюду вопросы о пьесе Симоно-ва *«Русский вопрос»*, в которой довольно карикатурно описана американская действительность, вызывали у Стейнбека усталость и раздражение. В этом смысле он, понятно, серьезно разочаро-

Улица Боженко. Фото старого Киева. 1947 год

вал советскую читающую публику, от автора «Грозьев гнева» они ожидали большего сочувствия к социалистическому искусству. А он, серьезный, казалось бы, писатель, предпочел цирк!

Зато настоящим сочувствием Стейнбек проникся к русским фермерам. Конечно, ему, выросшему на ранчо в Калифорнии, было искренне интересно, как и чем живут в СССР крестьяне. За картинами сельского быта он отправился с Капой в колхоз имени Шевченко.

До появления немцев в хозяйстве колхоза было 700 голов крупного рогатого скота, 40 лошадей, 2 грузовика, 3 трактора, 2 молотилки, после войны остались две сотни животных, молотилка, 4 лошади... и ни одного собственного трактора. Но самое главное, хозяйство лишилось сильных рабочих рук: в село не вернулось более полусотни мужчин, еще столько же стали калеками.

В полях работали женщины и дети. Появление американцев стало для них настоящей сенсацией. Сначала крестьянки дружно обрушились с руганью на Капу и его устрашающие объективы. Но потом разобрались что к чему, начали поправлять платья и с увлечением позировать – женщины есть женщины. Одну Капа даже позвал замуж. Бойкая работница только расхохоталась в ответ.

Свадьбой дело не кончилось, но застолье для гостей все равно устроили знатное. Пироги, борщ,

колбасы, мед, фрукты, вино, водка, песни и танцы, под сотню человек в хате. Когда Стейнбек рассказывал об этом на родине, его соотечественники не верили в искренность такого радушного приема, убеждали писателя, что ему устроили показуху. Но Стейнбек над этим ворчанием лишь посмеивался: «Согласен: эти люди действительно устроили для нас шоу, как устроил бы шоу для гостей любой фермер из Канзаса. Они действительно ради нас расстарались. Придя с поля в пыли, они надели лучшую одежду, а женщины достали из сундуков чистые свежие платки. Девочки собрали цветы и принесли их в светлую гостиную. Какой-то человек принес бутылку грузинского шампанского, которую он припас бог знает для какого грандиозного события. <...> Люди, с которыми мы здесь встретились, показались нам самыми гостеприимными, самыми добрыми и щедрыми».

Роберт Капа
с кинокамерой
«Фильмо»
во время
гражданской
войны
в Испании.
Май 1937 года

«ТАКОЕ ЛИЦО ЗАПОМНИТСЯ НАДОЛГО»

В главе, посвященной Сталинграду, исчезает характерная для Стейнбека ирония. И неудивительно: даже самая добрая улыбка становится невозможной, когда видишь вокруг такую трагедию. Каждый день из окон «Интуриста» писатель с фотографом наблюдали ни на что не похожие картины. Каждое утро из-под развалин бывших много квартирных домов выбирались люди. Опрятно и чисто одетые, причесанные, они выходили из подвалов и шли по своим делам. До войны эти люди жили в этих домах, в квартирах – теперь под землей.

Почему они не нашли себе других временных пристанищ? Наверное, по той же причине, по какой жители Сталинграда отказались заново строить город в другом месте. Это было бы проще и дешевле, как объяснил писателю один из архитекторов, работавший над проектом восстановления города, но это было бы неправильно. К тому же из центра города многим людям было проще добираться до работы, ведь транспортная система в городе тоже еще работала с перебоями.

Впрочем, из окон своего номера американцы видели не только гордых людей, сумевших возвыситься над разрушенным бытом. Перед гостиницей также находилась небольшая помойка. Неподалеку от нее виднелся небольшой холмик с дырой, похожей на вход в нору дикого зверя. И каждый день рано утром из этой норы выползала девочка. «У нее были длинные босые ноги, тонкие жилистые руки и спутанные грязные волосы, – описывал увиденное Стейнбек. – Но когда эта девочка поднимала голову... У нее было самое красивое лицо из всех, которые мы когда-либо видели. В кошмаре сражений с ней что-то произошло, и она нашла покой в забытьи. Сидя на корточках, она подъедала арбузные корки и обсасывала кости из чужих супов».

Восстановление
Сталинграда
через несколько
месяцев после
окончания
(в феврале
1943 года)
Сталинградской
битвы.
Женщины
работают
на улицах
разрушенного
города, разбирай
руины жилых
домов. Июнь
1943 года

Читать такое ужасно больно. А читая такое сегодня, еще и невольно ждешь удара. Кто-то должен быть непременно заклеймен: политический режим, общество, которое допустило... Надо отдать должное Стейнбеку, он не впадает в истерику, он понимает: виновата война. «Мы подумали о том, сколько же еще существует на свете подобных созданий, жизнь которых в двадцатом веке стала невыносимой и которые удалились не в горы, а в горные выси человеческого прошлого, в древние дебри боли, наслаждения и самосохранения. Такое лицо запомнится надолго».

Были и другие лица. Например, лицо мальчика, пришедшего к обелиску на братской могиле. «Что ты здесь делаешь?» – обратился к мальчику переводчик по просьбе Стейнбека. «Я к папке пришел. Я каждый вечер к нему прихожу». И в голосе его не было ни пафоса, ни сентиментальности. Неподалеку на скамейке сидела мама мальчика. Увидев незнакомцев, беседующих с ее сыном, она кивнула им и улыбнулась...

А еще были лица рабочих Сталинградского тракторного завода – серьезные, гордые лица людей, отстоявших свой город. Во время войны эти люди собирали на заводе танки. И продолжали их собирать даже тогда, когда бои шли совсем рядом. Когда немцы подобрались совсем близко, люди отложили инструменты и пошли защищать завод, а потом выжившие вернулись к работе. После войны завод работал примерно так же: часть рабочих трудилась на сборочной линии, а часть – восстанавливала стены и крышу.

И вот после всего этого американцам предложили посмотреть на подарки сталинградцам от представителей правительства со всего мира. Среди них был пергаментный свиток с высокопарными словами, подписанный Франклном Д. Рузвельтом, металлическая мемориальная доска от Шарля де Голля и меч, подаренный английским королем.

Джон Стейнбек.
1951 год

АНДРЕЙ ГАРНИН /РИА НОВОСТИ

Вид на завод
«Красный
Октябрь»,
разрушенный
немецко-
фашистскими
захватчиками.
Сталинград.
Март 1943 года

Тут Стейнбека охватило чувство горечи и стыда: «Когда нас попросили написать что-нибудь в книгу отзывов, нам просто нечего было сказать. Нам в эту минуту вспомнились железные лица сталеваров на тракторном заводе. Вспомнились девушки, выходящие из подземных нор и поправляющие волосы, да маленький мальчик, который каждый вечер приходил к отцу на

братскую могилу. Это были не пустые и аллегорические фигуры. Это были простые люди, на которых напали и которые смогли себя защитить. Абсурдность средневекового меча и золотого щита только подчеркивали скучность воображения тех, кто их подарил. Мир награждал Сталинград фальшивыми медальками, а ему было нужно несколько бульдозеров».

АЛЕКСАНДР КРАСАВИН /РИА НОВОСТИ

НЕСЕРЬЕЗНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

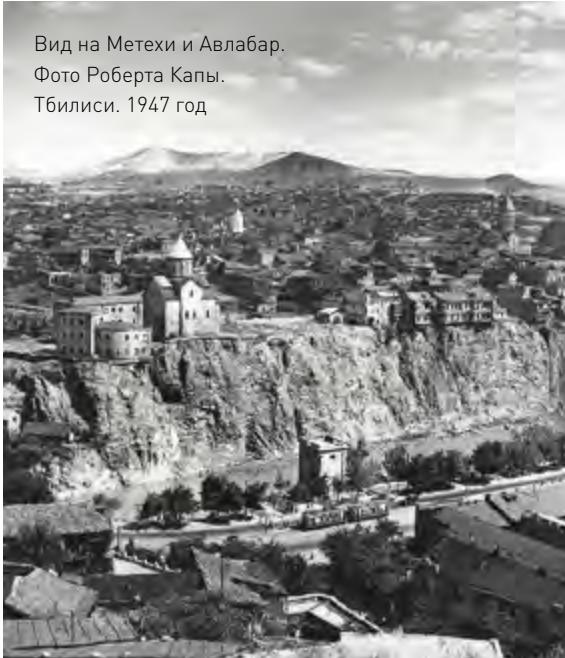
Души американцев истосковались по празднику. А куда за праздником обычно ехали советские люди? Правильно, на Черноморское побережье, на Кавказ. Новые перемещения по Советскому Союзу Стейнбек анонсировал так: «Где бы мы ни были в России – в Москве, на Украине, в Сталинграде, – магическое слово «Грузия» звучало постоянно».

В Тбилиси гостей пригласили на прием в Союз писателей. Стейнбека и Капу это напугало. Они уже вполне убедились, что советские писатели – люди очень серьезные, а про грузин уже были наслышаны, что они придают литературе и поэзии какое-то сакральное значение. И опасения их подтвердились. Принимающая сторона начала встречу с «краткого обзора» грузинской литературы. Что такое краткий обзор грузинской литературы, легко можно себе представить, если вспомнить, сколько времени произносятся грузинские тосты. После доклада стали читать стихи. А затем на изможденных американцев обрушились с интеллектуальными разговорами. Грузины были очень разочарованы, узнав, что в Америке общество не испытывает священного трепета перед писателями, что никому бы и в голову не пришло назвать их «инженерами человеческих душ», что писателей там вообще еле терпят. Стейнбек объяснил, что хороший писатель в Америке это, скорее, сторожевой пес общества, его задача – высмеивать глупость и обличать несправедливость.

Потом последовала культурная программа: осмотр исторических окрестностей, посещение музеев, фестивали, поездки на чайные плантации, экскурсии в батумские санатории. Но везде самые яркие впечатления были связаны с людьми. Так, экскурсовод одного из музеев в Тбилиси не рассказывал, а играл: отчаянно жестикули-

Вид на Метехи и Авлабар.

Фото Роберта Капы.
Тбилиси. 1947 год

ровал, принимал разные позы, кричал, рыдал, громко смеялся. Смотрильница храма в Мцхете, казалось, сама являлась героиней древних легенд и преданий. Водитель джипа, на котором передвигались американцы, и вовсе напоминал лихого ковбоя.

И, конечно, шокированы были гости грузинскими застольями. Они постоянно попадали

Лауреат
Нобелевской
премии
1962 года
писатель
Джон Стейнбек
с женой Элейн.
1963 год

в ситуации, когда их зазывали перекусить «чем бог послал», «сущими крохами», а потом обнаруживали себя участниками огромных пиршеств. «У русских (в широком смысле) есть секретное оружие, действующее, по крайней мере, на гостей, и это оружие – еда, – писал Стейнбек. – Если мы не ели, нас заставляли, а если мы ели, то нам мгновенно подкладывали новые порции. Над столом летали графины с вином».

Глава о Грузии – предпоследняя глава «Русского дневника». Последняя повествует о возвращении в Москву и прощании с Россией. И в финале нет никаких обобщений, выводов, глубокомысленных сентенций. «Как-то слишком уж легкомысленно, – скажет иной читатель, – как-то уж очень сбивчиво и сумбурно: суровые ставары и беспечные грузины, колхозы и джаз, московские высокоморальные барышни и веселый цирк». Стейнбек предвидел такое прочтение: «Этот дневник не удовлетворит никого – ни истых левых, ни вульгарных правых. Первые скажут, что он антирусский, вторые – что он прорусский. Конечно, этот дневник несколько поверхностен. Но разве он мог быть другим?» И действительно, разве мог он быть другим? Будь он другим, разве был бы он так хорош?

Этот дневник стал честным, но все же добрым зеркалом для русских людей и новойступенью в творчестве Стейнбека. Ведь после этой поездки он написал грандиозную сагу с библейским подтекстом «К востоку от Эдема», а позже и вновь остроСоциальный, но уже куда более сложный и противоречивый роман «Зима тревоги нашей». В 1962 году, за шесть лет до смерти, Стейнбеку была присуждена Нобелевская премия. Кто знает, может быть, достичь новых высот в прозе американскому писателю помогло и его «несерьезное» путешествие по России. ■

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

РУССКИЙ РОК стучится в сердца

автор

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

В НОВОМ МУЗЕЕ ПОЭТА АЛЕКСАНДРА БАШЛАЧЁВА В ЕГО РОДНОМ ЧЕРЕПОВЦЕ ПОСЕЩЕНИЯ НАЗЫВАЮТ «СЕАНСАМИ». ПРИХОЖЕЙ В МУЗЕЕ, РАСПОЛОЖИВШЕМСЯ В ЗДАНИИ ФИЛАРМОНИЧЕСКОГО СОБРАНИЯ, НЕТ. ПОСЕТИТЕЛИ, ШАГНУВ ИЗ БАШЛАЧЁВСКОГО ЗАЛА ПРЯМИКОМ НА ГЛАВНЫЙ, СОВЕТСКИЙ ПРОСПЕКТ, ЩУРЯТСЯ НА ЯРКИЙ СВЕТ И МОРЩАТСЯ ОТ ГОРОДСКОГО ШУМА. ПОЛТОРА ЧАСА ОНИ ПРОВЕЛИ В КОМНАТЕ С ЗАДРАПИРОВАННЫМИ ОКНАМИ, В КОТОРОЙ СМОТРЕЛИ ЗАПИСИ КОНЦЕРТОВ БАШЛАЧЁВА, СЛУШАЛИ ИНТЕРВЬЮ, ВГЛЯДЫВАЛИСЬ В РУКОПИСИ И ФОТОГРАФИРОВАЛИ «ТУ САМУЮ» БАШЛАЧЁВСКУЮ ГИТАРУ.

Бюст Александра Башлачёва открыли в центре Череповца несколько лет назад

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

НЕСМОТРЯ НА КОРОНА-вирусный год, на который пришлось 60-летие Александра Башлачёва, новый музей, по мнению его создателей, стал прорывом поэта в общественное сознание – к новой аудитории. Постспособствует этому и появившийся в Интернете сайт, на котором разместили ранее нигде не публиковавшиеся материалы из архива сестры Башлачёва и мультиплексионный клип.

Поклонники поэта уже назвали эти события «цифровизацией Башлачёва», а в Череповецком музейном объединении, реализующем мультимедийные проекты на бюджетные и грантовые средства, не скрывают цели перемен: увлечь молодое поколение творчеством одного из ведущих поэтов русского рока. Семья Александра Башлачёва, рок-музыканты и специалисты одобрили такое начинание.

БАШЛАЧЁВ В ЦВЕТЕ

В последнее время современные цифровые технологии активно осваивают старый добрый русский рок. Фильмы о Викторе Цое снимаются для большого экрана. Прошлой осенью ныне здравствующие музыканты группы «Кино» готовились организовать тур со стадионными концертами, на которых обещали «оживить» Цоя с помощью визуальных проекций. Выступления перенесли из-за эпидемии коронавирусной инфекции.

Группа «ДДТ» в минувшем году отреставрировала видеоклип на свою самую популярную песню –

мена Башлачёва была плохая, она делалась на далеко не самые совершенные устройства, качество было соответствующим. Мне нужно было найти звучание, которое бы подчеркивало смысл стихов Башлачёва и не мешало его подаче. Это было самое сложное – поймать его звук. Нужно было четко понимать одновременную трагичность и лиричность песен Башлачёва. Хочу верить, что это удалось».

В МОЛОДЕЖНОМ ФОРМАТЕ

Новый музей Александра Башлачёва – не из тех, в которые забежишь мимоходом погреться или спрятаться от дождя. Посетители попадают внутрь перформанса – аудиовизуального спектакля или большой презентации жизни и творчества поэта. С помощью лазерных проекций и других мультимедийных эффектов на музейных стенах предстают фрагменты биографии и этапы творческого пути Александра Башлачёва, звучат записи выступлений и интервью с поэтом. Также о нем рассказывают родные и друзья.

Экспонаты в классическом понимании в музее тоже есть. Например, можно увидеть гитару, на которой Башлачёв играл в последние годы жизни, и его рукописи. Их передали в музей родные поэта. Его родители и сестра и сегодня живут в Череповце. В последние два десятка лет в городе дважды предпринимались попытки создания музея Башлачёва на общественных началах. Оба музея размещались в городских библиотеках и в итоге сошли на нет. В одном из них, например, была воссоздана комната Александра Башлачёва, посидеть за столом поэта приходили Борис Гребенщиков, Юрий Шевчук и другие известные рок-музыканты. «Мы начинали с выставки в 2000 году, но, конечно, давно хотели музей», – рассказала «Русскому миру.ru» сестра поэта Елена Башлачёва. – В библиотеке музей был, так сказать, народный, и туда мы отдавали какие-то вещи. Но там не было охраны, поэтому вещами, представляю-

«Осень», и теперь картинка не «разваливается» при демонстрации на самых популярных интернет-платформах. В период эпидемии стали вновь востребованы «рок-квартирники», на которые с помощью Всемирной сети без всякой тесноты и толкотни могут попасть не 20 человек, а десятки тысяч зрителей.

Теперь пришла очередь и Башлачёва: цветной мультиликационный клип на песню «Как ветра осенние...» уже можно увидеть в Интернете на сайте музея. Главное в нем – качественный звук. По мнению создателей клипа, это может стать своеобразным прорывом для творческого наследия рок-поэта: прежде молодых слушателей и зрителей вряд ли могла заинтересовать плохая аудиозапись с помехами и непрофессиональное, «прыгающее» видео. Столь низкое качество мешало услышать и увидеть мощную творческую суть Башлачёва, которую слышали и видели их родители.

К проекту, возникшему на родине Александра Башлачёва, была привлечена творческая команда художников, дизайнеров, звуко-режиссеров, музыкантов и музейщиков из Санкт-Петербурга, Уфы и Череповца. Разработчики 3D-моделей оживили рисунки уфимского художника Алексея

Мотовина, гитарная мелодия была восстановлена известным петербургским исполнителем Михаилом Башаковым, запись голоса Башлачёва была аккуратно отреставрирована.

Создатели музыкального мультифильма, главным героем которого стал сам рок-музыкант, не скрывают, что создание ролика стало попыткой вывести Александра Башлачёва из круга исполнителей-маргиналов, приблизить его к современной аудитории. Зрители проголосуют лайками и репостами.

«Работалось очень тяжело, потому что была большая ответственность», – говорит Михаил Башаков. – Для меня имя Александра Башлачёва в определенном смысле священно, каждая его песня для меня как трактат. Теперь о работе. Запись во вре-

Музей рассказывает, что Башлачёв-поэт и исполнитель вырос из слушателя и читателя

Рукописи и рисунки Александра Башлачёва передала в музей семья поэта

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

МУЗЕИ

МУЗЕЙ АЛЕКСАНДРА БАШЛАЧЁВА

щими ценность для семьи, мы поделиться не могли. Но теперь время пришло».

Обращение к современным технологиям при создании нового музея поэта было в какой-то степени вынужденным решением. По словам череповецких музейщиков, относительно небольшое помещение не позволяло развернуть серьезную экспозицию. Семья поэта поддержала идею аудиовизуальных представлений и внедрения цифровых технологий. «Эта работа ориентирована на молодежь, им ближе этот формат», – говорит сестра поэта.

В 2020 году открылся и виртуальный музей Александра Башлачёва. Он появился весьма кстати: поклонники поэта из разных уголков России и мира получили возможность увидеть множество экспонатов и материалов, прежде не публиковавшихся, и услышать воспоминания друзей Башлачёва. Именно эта наполненность ресурса подобными материалами дала создателям право назвать его виртуальным музеем, а не сайтом.

В работе над музеем приняла активное участие семья поэта. В частности, отсканирован архив сестры Александра Башлачёва, которая еще школьницей начала собирать газетные публикации о брате, его пластинки, сборники, черновики, кассеты в середине 1980-х годов. «Я поначалу не думала об архиве, – говорит Елена. – Собирала как память о брате. Знал ли он? Наверное, но не вникал в это».

По ее словам, цель виртуального музея – расширить знания об Александре Башлачёве. По большому счету, «экспонаты» говорят лишь о трех последних годах жизни поэта, которые стали для него самым ярким, но и самым трагичным периодом: одиночество, бесприютность, сложности с продвижением своего творчества и созданием новых произведений.

«Хотелось показать его как человека, как личность, – говорит Елена. – Многим ничего не известно о его детстве и юности. Как рос, что читал и слушал, как учился».

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Музей получился небольшим, но емким. Экспонаты дополняются интерактивом и современными технологиями

Пищущая машинка наряду с гитарой, пожалуй, самые ценные экспонаты музея. С их помощью поэт творил

«САША БЫ УДИВИЛСЯ»

На открытие музея были приглашены мэтры рок-движения 1980-х годов. Создателям было важно получить одобрение хранителей традиций русского рока того формата, который был выбран для увековечивания памяти Александра Башлачёва. И те единодушно признали: современные технологии не только можно, но и нужно использовать.

Среди первых посетителей музея Александра Башлачёва оказался Олег Коврига, известный всем, кто интересовался внутренней кухней русского рока. Про записи и современные технологии этот невысокий улыбчивый человек с седой бородой может говорить часами, ведь именно благодаря ему делались, выпускались и распространялись по всему Советскому Союзу записи

ведущих творцов жанра. Также он известен как организатор великого множества концертов-квартирников, которые позволяли будущим мэтрам доносить свое творчество до публики, а иногда и банально выживать.

Себя Олег Коврига скромно называет издателем, в «Википедии» он обозначен как музыкальный деятель, а музыканты величали его в интервью «добрый гном» или «домовой». Про домового – в самую точку. Если когда-нибудь музей русского рока будет открыт, то лучшего директора и экскурсовода не найти. Почти все яркие события в истории этого культурного явления в России Олег Коврига либо организовывал, либо наблюдал за ними с самого близкого расстояния.

«Башлачёв – великий поэт, и парень был хороший, – говорит Олег Коврига. – Может быть, даже чересчур добрый, что для него же было не всегда хорошо. Помню, как на какой-то встрече один наш общий с Башлачёвым знакомый спросил: «Саша, можно я тебе спою твою песню?» Я знал, как этот знакомый поет, и стал его отговаривать: мол, не позорься. А Башлачёв говорит: «Ты что? Человек хочет мне спеть мою песню, это же прекрасно». Спел этот товарищ ужасно, а Саша очень хвалил».

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Мнение Олега Ковриги о записях и их распространении следующее: музыка в цифровом виде – великая вещь, поскольку позволяет шире и быстрее распространять ее. Но по-настоящему музыка сохраняется лишь на физических носителях. По мнению Ковриги, дух русского рока спасет горстка «дискоболов», то есть коллекционеров виниловых пластинок со стажем.

Олег Коврига признался, что очень доволен необычностью музея Александра Башлачёва. «Я боялся увидеть обычный музей – витрины, экспозиции... Такая, в общем, дрёма. А тут не дрёма, я по-хорошему удивлен», – сказал он. Цифровые проекты, связанные с Башлачёвым, Коврига тоже поддержал. «Говорить с молодежью на ее языке? Я за любое движение, но считаю, что с молодыми не нужно сюсюкать, – сказал он. – С молодежью нужно говорить на ее языке, тогда лучше поймет. Что бы сказал Саша, прия в свой музей? Удивился бы, это точно». Экс-музыкант группы «Звуки Му» кураторолог Александр Липницкий считает, что место для башлачёвского музея выбрали правильно. Много лет экспозиция мыкалась по окраинам и наконец осела в центре. «Он же был центровой парень, – говорит Липницкий. – Он ведь поэту му и в Москве, и в Питере сразу оказался в центровой тусовке. Что касается цифровых и виртуальных проектов, связанных с Башлачёвым, считаю, что это правильно. Новое время, новые технологии. Думаю, Саша был бы рад, что молодежь знакомится с его творчеством через новые технологии, которые тесно связаны с жизнью молодых».

МИФЫ РУССКОГО РОКА

Нередко случается так, что музыка, которую родители считали культовой, совершенно отвергается их детьми, но в нее влюбляются их внуки. Петербургский писатель и биограф Александра Башлачёва Лев Наумов, написавший о поэте несколько книг,

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

объясняет этот феномен тем, что старые кумиры, казалось бы, потерявшие актуальность, обретают легендарность и свое место в мифологии.

«Русский рок как социокультурный феномен, на мой взгляд, закончился, – говорит Лев Наумов. – Да, еще существуют апологеты. Например, Юрий Шевчук продолжает жить и творить, исходя из тех же принципов, что и в 1980-е. Это поражает меня в нем, это фантастика. Гребенщикова, наоборот, пытается постоянно быть новым – это другая стратегия. Повторюсь, социокультурный феномен остался в прошлом, но сейчас мы видим ренессанс ретроспективного интереса к нему как к легендарной эпохе, наполненной сверхсобытиями. Современные люди воспринимают тех рок-музыкантов как мифологических личностей, сверхлюдей, которые играли особую роль

Одним из первых посетителей нового музея стал кураторолог, музыкант и друг Башлачёва Александр Липницкий

в жизни общества и были способны на что-то большее. Заметьте, их песни до сих пор становятся гимнами».

Лев Наумов считает, что Александр Башлачёв выделяется из рок-пантеона тем, что его протест – не социальный, политический или поколенческий, а антологический. И это делает его мировоззрение близким молодым людям во все времена. «Важным маркером настоящего поэта является то, что в каждом новом поколении находятся люди, которые им увлекаются, – говорит Лев Наумов. – К Башлачёву интерес не падает. Он не становится гиперпопулярным, но и отрицательной динамики с годами не наблюдается».

Открытие музеев, выход фильмов и клипов, организация концертов памяти рок-кумиров и установка им памятников – свидетельство того, что страна не забыла о русском роке и ищет формы по егоувековечению. Но воздавать должное рокерам, в свое время взорвавшим официоз, традиционными методами, наверное, неправильно. По мнению Льва Наумова, провинция в этом поиске форм и средств осмыслиения русского рока едва ли не на передовой. Он уверен, открытие музея Александра Башлачёва в контексте эпидемии коронавируса весьма символично. «На мой взгляд, в 2020 году мир изменился кардинально, а когда в материальном мире происходит глобальная катастрофа, люди вспоминают о культуре, – считает он. – Открытие в этот период музеев Башлачёва, мультимедийного и виртуального, можно воспринимать как совпадение, а можно – как реакцию на эти события. И то, что память о Башлачёве как о в какой-то степени архаичном в художественном отношении авторе была востребована одной из первых, символично и симптоматично. И говорит о том, что Башлачёв является актуальным и ультрасовременным автором».

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

СИБИРСКАЯ ИППОКРЕНА

ABTOP

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

КНИЖНОЕ ДЕЛО В СИБИРИ НАЧАЛОСЬ С МИСТИФИКАЦИИ. В 1782 ГОДУ ФРИДРИХ ШИЛЛЕР ИЗДАЛ ПОЭТИЧЕСКУЮ «АНТОЛОГИЮ», НА КОТОРОЙ ТОБОЛЬСК ЗНАЧИЛСЯ В КАЧЕСТВЕ МЕСТА ПЕЧАТИ КНИГИ. ВЕЛИКИЙ НЕМЕЦКИЙ ПОЭТ И НЕ ДОГАДЫВАЛСЯ, ЧТО В ТОТ МОМЕНТ В СТОЛИЦЕ СИБИРИ НЕ БЫЛО ЕЩЕ НИ ОДНОЙ ТИПОГРАФИИ.

ЕДИНСТВЕННЫЙ МУ-
зей печатного дела в
Сибири создал хозяин
частной тобольской ти-
пографии Сергей Владимиро-
вич Жмуров вместе с супругой
Ириной Юрьевной. В здании
типографии музей и расположил-
ся. Поднимаясь по лест-
нице на третий этаж, то и дело
встречаешь арт-творения оча-

рованных чтением создателей музея: на окне – вырезанный из газеты силуэт старинной библиотеки, деревянная лавочка из букв «Читай», склеенный из газет, одетый в газеты, с газетой в руках читатель под газетной передовицей 1920 года: «Без печатного слова невозможно развитие культуры. Товарищ, уважай печатное слово!»

НАРОДНЫЙ МУЗЕЙ

Руководитель музея Елена Прокопьевна Швецова собрала экспозицию почти в одиночку. Опыт музейного дела у нее большой: восемнадцать лет работы научным сотрудником Тобольского музея-заповедника, создание Художественного музея.

— После увольнения из музея-заповедника у меня осталось много нереализованных идей, — рассказывает Елена Прокопьевна. — Но создавать музей печати с нуля частным образом... Поначалу думала: когда еще создать серьезную экспозицию получится? Полагала, что почти все экспонаты будут в копиях. Но проект поддержали горожане, они приносили из закромов оригинальные предметы, книги, газеты — музей у нас поистине народный.

В поисках экспонатов я посещала собрания коллекционеров – оттуда, например, стеклянные фотографии самоедских погребений, отснятые в конце XIX века академиком Варпаховским. Редчайшие литеры, которыми печатали в типографии позапрошлого века, пожертвовал священник

Фотопластина XIX века.
Снимок погребений самоедов

и коллекционер Виталий Веденников. Коллекционер из Москвы, друг музея, подариł крохотную серебряную верстакту 1876 года, подписанную «А. Степанова». Верстакта – главный инструмент наборщика, куда он вкладывает литеры. Этот экземпляр по своим размерам уникален – он хоть и сделан как брелок, но в пригодном для работы виде. Написали в газету объявление: музею нужен канцелярский стол, письменные принадлежности. Горожане приносили в дар или за небольшие деньги уникальные предметы XIX века – чернильницу каслинского литья, карандашницу... А потом мы получили стол,

за которым сидел Николай II! В 1917–1918 годах предмет находился в «Доме свободы» – как раз тогда там содержалась семья последнего российского императора. Впоследствии в доме располагалась районная администрация. При смене мебели старинный стол отправили истопнику на сжигание. Он этого не сделал и спас раритет, перевезя домой. Оттуда стол и попал к нам.

СТАНОК КОРНИЛЬЕВЫХ

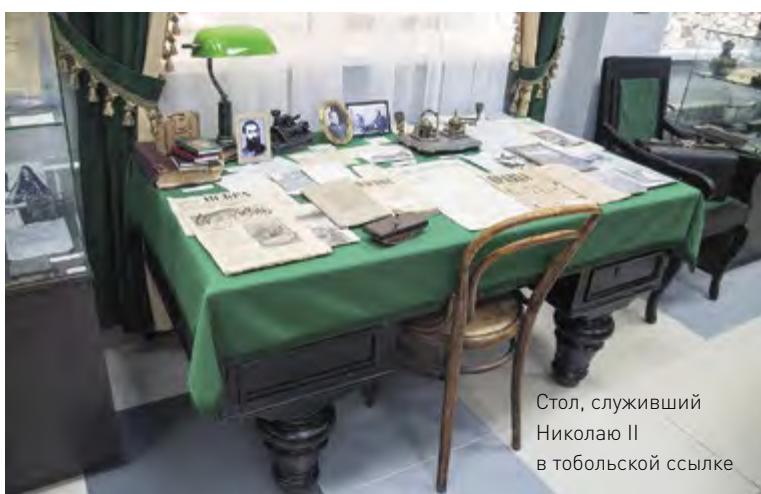
В 1783 году Екатерина II своим указом разрешила создание вольных типографий. А в 1787 году в Тобольск прибыл новый губернатор, Александр Васильевич Алябьев – просвещенный человек, отец композитора Александра Алябьева. Губернатор открыл Главное народное училище и предложил завести в городе типографию. За печат-

Елена Швецова
набирает
страницу
для печати
на модели станка
Гутенберга

ное дело взялись купцы Корнильевы, которые стали и владельцами бумажного завода. Корнильевы купили два типографских станка в Москве – это были деревянные печатные машины, не меняющиеся со времен Ивана Федорова.

В музее выставлен глиняный макет тех корнильевских станков – его сделала тобольский мастер Галина Седина. История сохранила и фамилию крепостного Мухина, стоявшего за этой печатной машиной. Как ни

Стол, служивший
Николаю II
в тобольской ссылке

Антология на 1782 год, изданная Фридрихом Шиллером, как указано, в «Тобольске»

странно, имена других наборщиков типографии неизвестны вплоть до начала XX века.

Первый печатный станок еще во многом напоминал изобретение Гутенberга. Кстати, деревянная, в самом что ни на есть рабочем виде модель станка европейского первопечатника стоит посреди музея. Конструкция нехитрая: отлитые из металла литеры, рамка под размер страницы, типографская краска и пресс. Елена периодически устраивает мастер-классы, демонстрируя, как работает печатный станок Гутенberга.

Первый оттиск в тобольской типографии был сделан в 1789 году. Фридрих Шиллер, указав Тобольск местом печати своей «Антологии» в 1782 году, был уверен, что в губернском центре должна быть типография. Шиллер тогда переживал разлад с герцогом Швабским, поэтому его стихотворения проигнорировали в швабском сборнике «Альманах муз». В ответ великий немецкий поэт сам издал свои произведения и стихи нескольких своих друзей в «Антологии». Указание на Сибирь было намеком, что автор находится в опале.

Макет плоско-печатного типографского станка, использовавшегося в Тобольске в XIX веке

СВЯЩЕННЫЙ ИСТОЧНИК И «УЧИЛИЩЕ ЛЮБВИ»

Первыми реальными изданиями тобольской типографии стали губернские указы и ежемесячный журнал «Иртыш, превращающийся в Иппокрену». В древнегреческой мифологии Иппокрена – священный источ-

ник на вершине горы Геликон, забивший от удара копыта Пегаса и служивший музам источником вдохновения. Авторы журнала, видимо, мечтали о том, что культурный бум в Тобольске захлестнет берега Иртыша литературным творчеством.

– Редакцию первого сибирского журнала составили преподаватели Народного училища, – рассказывает Елена Швецова. – Фактическим главным редактором издания являлся Панкратий Платонович Сумароков – внуичатый племянник поэта и драматурга Александра Сумарокова. Панкратий Платонович отбывал в Тобольске двадцатилетнюю ссылку за подделку денежной ассигнации. Фальшивомонетчиком он, конечно, не был – попался по глупости. Молодой корнет Преображенского полка хорошо рисовал. Сослуживцы над ним посмеивались: зачем, мол, попросту время тратишь, деньги все равно не сможешь рисовать. Панкратий, дабы утереть нос критикам, нарисовал бумажную ассигнацию в 50 рублей. Приятель проверил ее качество – купил лисий хвост и расплатился этой ассигнацией. Гвардейская бравада обернулась для Сумарокова лишением

Обложка первого сибирского журнала

всех прав состояния и ссылкой. Добровольно вслед за Панкратием в Тобольск отправилась его сестра Наталья Платоновна Сумарокова. Она же стала первой журналисткой Сибири. Писала в «Иртыш» стихи, прозу, басни; переводила европейские новеллы. В журнале отметился и писатель Александр Радищев, отбывавший тобольскую ссылку в 1790–1791 годах.

Первой сибирской книгой стало «Училище любви» – повесть немецкого писателя И.-Г.-Б. Пфейля, в Европе она была больше известна по французскому переводу Луи-Себастьяна Мерсье. Этот вариант мыльной оперы XVIII века, казалось, будет восребован в российской провинции. Перевод французского варианта сделал Панкратий Сумароков, подписавшийся инициалами П.С. Удивительно, что книгу весьма фривольного содержания одобрили к печати как государственные цензоры, так и духовная консистория. Единственный в России экземпляр «Училища любви» хранится в Библиотеке Академии наук РФ – в музее представлена копия.

С 1793 года в Тобольске выходил еще один журнал – «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная. В пользу

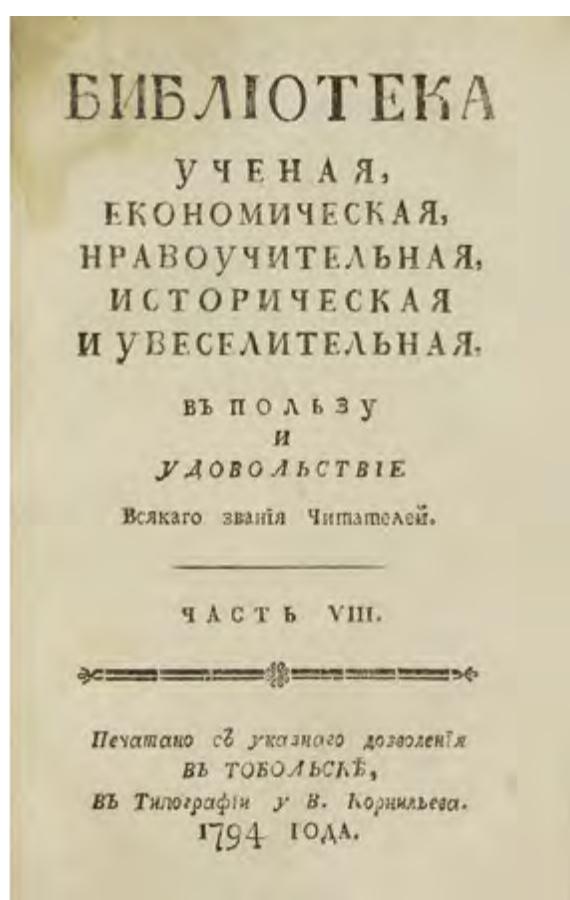
и удовольствие всякого звания Читателей». Образец журнала, представленный в экспозиции, раскрыт на «Рецепте хороших чернил». Готовили их на белом вине с добавлением пережженного купороса и смолы «гумми-арабикум», то есть на гуммиарабике.

Фотографии единственного экземпляра «Училища любви»
Второй журнал Тобольска – познавательный

В ГИМНАЗИИ И КРЕМЛЕ

– Типография размещалась на территории усадьбы Корнильевых, – продолжает Елена Прокопьевна. – В главном здании усадьбы впоследствии располагались Народное училище и Тобольская гимназия. Примечательно, что там в одно время сошлись самые известные люди Тобольска. Первопечатники Василий Яковлевич и Дмитрий Васильевич Корнильевы – прадедушка и дедушка Дмитрия Ивановича Менделеева; новорожденный Александр Алябьев спасался там от городского пожара – отец-губернатор принес его, завернув в шубу. В дальнейшем директором гимназии служил отец Менделеева Иван Павлович, здесь учился, а потом работал писатель Петр Ершов – у него учился уже сам Дмитрий Иванович. В советское время там располагалась поликлиника – внутри все было перестроено, только лестница сохранилась. Надеемся, что в наше время в здании гимназии все-таки будет открыт музей.

Ну а век корнильевского печатного станка был недолог. В 1796 году Екатерина II запретила работу частных типографий, испугавшись, видимо, разгула вольнодумства. Историю тобольской печати продолжила в начале XIX века Губернская типография. Разместилась она

Дмитрий Васильевич Корнильев,
сибирский первопечатник

В здании
у костела
располагалась
типография
Корнильевых

в небольшом одноэтажном здании в кремле рядом с домом наместника. И пребывала там почти двести лет. В 2007 году городскую типографию перевели в другое помещение, а через девять лет ликвидировали. Первые полвека типография выпускала лишь служебные бумаги. С 1857 года выходила га-

«Тобольские губернские ведомости», первая сибирская газета

зета «Тобольские губернские ведомости», во второй половине века начали издаваться научный журнал «Ежегодник Тобольского губернского музея» и газета «Тобольские епархиальные ведомости», входившая в пятер-

ку лучших церковных изданий страны.

Во второй половине XIX века цензура контролировала печать жестко. Сохранилась карикатура художника и краеведа Михаила Знаменского, на которой измотанный цензурой редактор растягивает «сказание о погоде» на шесть номеров.

Редактор закрывает подцензурные дыры «сказанием о погоде»

Кстати, первым цензором «Тобольских губернских ведомостей» был Петр Павлович Ершов. Свои произведения он часто издавал под другим именем – к тому обязывало его положение государственного чиновника. Ершов ведь написал не только сказку «Конек-Горбунок» – в его творчестве немало произведений, связанных с историей и жизнью Тобольска. Например, поэма «Сузге», цикл рассказов «Осенние вечера»... Открывая рассказ «Панин бугор», например, знакомишься с главным героем по имени Александр... Сталин! Не оттуда ли «вождь народов» взял псевдоним? А что, вполне могла попасть в руки ссылочному Кобе потрепанная книжка Ершова.

ПЕРВЫЙ «ЛИСТОК»

В 1890 году появилась первая частная газета, «Сибирский листок». Взялся ее издавать и редактировать купец Александр Сыромятников. Он придерживался народнических взглядов, так что власти разрешили Сыромятникову публиковать статьи только на торговые и финансовые темы. Газета несколько раз меняла хозяев, пока в 1900 году не оказалась в руках Марии Костюриной – народницы, которая смогла добиться позволения освещать общественную жизнь. Вплоть до закрытия «Листка» в 1919 году газета была весьма популярна, ее выписывали во всех крупных городах Сибири, а также в Москве. В газету писали авторы со всей страны – от Петербурга до Яку-

тии. Среди них был и писатель Дмитрий Мамин-Сибиряк. Печаталась газета в Типографии епархиального братства. Изначально созданная для церковных нужд типография бралась за любые заказы – в том числе печатала театральные и киноафиши.

В музее сохранились номера «Листка» за 1905 год. При беглом взгляде на пожелтевшие страницы видно, что в эти годы издателю приходилось нелегко. Революционные волнения и русско-японская война ужесточили цензуру. Вместо статей на треть страницы – реклама «нескользящая резиновая галоши «Колумб». Или вот еще интересное объявление: «Ищу попутчики до Тюмени». Чем не современный «Бла-бла-кар»?

Николай Лукич Скалозубов издавал приложение к «Тобольским губернским ведомостям» под заглавием «Отдел сельского хозяйства и кустарной промышленности». Он служил главным агрономом и всей душой радел за развитие села, применение современных технологий. Скалозубов сам писал статьи о новых сортах пшеницы, эффективных сепараторах, маслоделии, устраивал губернские съезды, основал сельскохозяйственную школу. Благодаря его труду маслоделие приобрело невиданные масштабы: экспорт масла за границу вырос в 25 раз, достигнув 100 тысяч пудов в год. Сибирское масло стало твердой валютой в Европе, которое даже подделывали.

Газета
«Сибирский
листок»
за 1905 год,
где реклама
галоши занимает
самое видное
место

Николай Скалозубов, так много
сделавший для сибирского села

РЕВОЛЮЦИЯ ИЗ-ЗА ЗАПЯТОЙ

Бесстрашная Мария Костюрина за свои материалы подвергалась аресту и при царской власти, и с приходом большевиков. Сохранившиеся материалы следствия говорят о том, что тоболяки за нее стояли горой в любые времена.

Кстати, одним из запалов, взорвавших революцию 1905 года, стал печатный станок. Крупнейший книгоиздатель России Иван Сытин отказался оплачивать наборщикам знаки препинания. Что было, конечно, несправедливо: поставить в нужное место запятую – это такой же труд, как и поставить букву. Тем более труд этот был тяжелым – от свинцовых литер руки чернели, наборщики страдали болезнями кожи, суставов, травились из-за работы со свинцом. Рабочие типографий устроили стачку, переросшую в масштабные волнения. Говорили, что «революция началась из-за сытинской запяты».

– Во время революции 1917 года Мария Костюрина призывала горожан сохранить для истории газеты и книги, – рассказывает Елена Швецова, – не выкидывать, не скидать их. А пожар Гражданской войны в Тобольске горел до 1921 года. По стремительности смены власти город уступал только Одессе: то красные, то белые, то бандиты – всего около десяти таких смен произошло.

С падением царской власти в городе начался печатный бум. Кто только не печатал газеты! Студенты издавали «Взбаламученное болото» и «Татьянин день», эсера – «Листок тобольской группы социалистов-революционеров», профсоюзы – «Тобольский рабочий», земство – «Сибирскую крестьянскую газету», еврейская молодежь – «Наше слово», правитель Белой России Александр Колчак – военно-литературные газеты «Тобольский стрелок» и «Сибирский стрелок». У Колчака была и передвижная типография, которую он всюду возил с собой. У нас есть уникальное фото охраны адмирала Колчака в Тобольске. Среди них Константин Симонов – легендарный человек, чудесным образом избежавший репрессий и живший в Тобольске до 1980-х годов.

Здание
фотоателье
и типографии
Александра
Мурина.
1911 год.
Открытки
с видами
Тобольска
были визитной
карточкой
предприятия
Мурина

Наборщицы
тобольской
типографии
в послевоенный
период

18 ТЫСЯЧ ЗНАКОВ

– В советское время в довоенный период в Тобольске издавались газеты-многотиражки по разным отраслям хозяйства, – продолжает Елена Прокопьевна, – это «Тобольский лесоруб», «Иртышский водник», «Северный рыбак», «Ударник Арктики». Газету «Северный рыбак на путине» издавала так называемая выездная редакция из тобольских журналистов и печатников в низовьях Оби. Были издания на татарском языке – тогда для татарского языка еще использовалась латиница. Писать в газеты надлежало едва ли не всякому, у кого было желание. Согласно планам тех лет, 60 процентов материалов в издания должны были поставлять внештатные корреспонденты. Появились рабкоры, селькоры, комкоры, пикиры. Последние – это «пионерские корреспонденты». Соответственно нагрузка на типографии увеличилась. Наборщики – с середины XX века в ос-

новном это были женщины – по плану набирали 18 тысяч знаков за восьмичасовой рабочий день. Рекорд в период Великой Отечественной войны поставила наборщица Екатерина Экземплярская: 19 тысяч знаков. Рабочее место наборщика из цеха ручного набора последней трети XX века в музее тоже имеется. Елена взяла в руки верстаку, чтобы продемонстрировать, как набирали текст. Правой рукой набираются свинцовые литеры; верстакта – в левой руке, пальцы которой придерживают набранные литеры. Ну, и слова нужно в зеркальном отображении составлять. У наборщиков, видимо, развивался особый навык зеркального чтения – иначе как по 18 тысяч знаков набрать? Верстакта может содержать не одну строку. Елена показывает, как их аккуратно вынимают и обвязывают между марзанами, затем переносят на спускальную доску. Готовый блок набора наборщица несла метранпажу – верстальщику, как сказали бы сейчас. Он компоновал и закреплял набранный материал из нескольких блоков вместе с клише в мощной железной рамке-странице весом, кстати, около 20 килограммов. А после уже переносил на печатный стан. Кажется, это оборудование не такой уж раритет. Но найти его составило немалого труда, и сейчас другого такого в Тобольске нет – в старой типографии все это «железо» сдали на металломолом.

ИЗ ОКОПА

Во время Великой Отечественной войны типографии появились в окопах. В музее собрана коллекция интересных фотографий, показывающих, как работали военные наборщики и мэтранпажи. Приспособливались кто как мог – в окопах, на бочке из-под топлива, на покрышке грузовика, в лесу под деревьями... Резиновую покрышку, видимо, использовали, чтобы гасить детонацию во время бомбёжек – ведь даже от небольшого сотрясения набранные литеры смешивались и разлетались.

– По данным военкомата, я узнала, – делится Елена Прокопьевна, – что директор тобольской типографии Степан Алексеевич Пахомов в годы войны заведовал такой полевой типографией. Удивительно скромный человек: директором он работал до 1976 года, но никогда о своих военных подвигах не рассказывал. Об организации работы типографии Степан Алексеевич знал все и, будучи печатником, мог заменить любого работника – в том числе так нужного механика в цехе машинного набора, где стояли тяжелые линотипы.

Машинный набор в типографии начали применять еще до войны. В дальнейшем все газеты и книги набирались машинным способом. Машины-линотипы позволяли быстро отливать свинцовые строчки. Набор текста делался на клавиатуре, внутренние матрицы литер заливались горячим

свинцом – гартом, как говорили в типографии. Наборщик сразу получал готовые строчки на стол. Такой машинный набор исчез только в середине 1990-х годов с появлением компьютеров. С тех еще недавних времен сохранилось множество артефактов. Плакаты из типографии машинного набора роднят ее с металлургическим заводом: «Будь внимателен в зоне котла!», «Разлившийся свинец засыпайте сухим песком».

ПОСЛЕДНЯЯ ГИЛЬОТИНА

– Большие агрегаты последней тобольской типографии не все были сданы на металл, – продолжает Елена Швецова. – Кое-

Резак-
«гильотина»
продолжает
исправно
служить
в современной
типографии

что из городской типографии все-таки попало в нашу – некая преемственность получается. Когда работает «гильотина» в подвале типографии, ее гул слышен здесь на третьем этаже...

Мы спустились в подвал посмотреть на это наследство. Монструозные советские агрегаты сразу бросаются в глаза. «Гильотиной» типографские работники прозвали большой резак. В самом деле, сходство конструкции наблюдается... и голову под нож можно просунуть. Советский плакат также на месте: «Вынимай обрезанную продукцию после остановки ножа». По мне, так еще страшнее трещит проволокошвейная машина. Впрочем, некоторые работники типографии пришли сюда из кремля вместе с этими агрегатами – им все это привычно.

На столе лежала последняя, прошедшая «через зубы советских агрегатов» книжка, изданная к 100-летию тобольского комсомола.

– Сколько интересного узнаешь, изучая городскую печать, – говорит Елена, показывая газетные вырезки в книге. – Вот, например, история лыжного перехода Тобольск – Москва, начавшегося в канун нового, 1936 года. Семь парней – разных национальностей, «лучшие ударники рыболовных заводов» – прошли на лыжах 2400 километров за пять недель. Где не было снега, шли пешком, неся лыжи на плече. В Москве они лично доложили наркому пищевой промышленности Анастасу Микояну о своих трудовых успехах. Нарком вручил участникам перехода по ружью, самовару и выделил деньги на строительство стадиона в Тобольске. А следующей зимой Москва устроила «алаверды»: десять работниц Московского электрокомбината преодолели на лыжах путь из Москвы до Тобольска. Женщинам выдали по пистолету, которые им пришлось применять против волков... Что ни говори, сибирская печать – это многогликий мир, и нас, судя по всему, ждет еще немало интересных открытий. ●

СЛЫШАЩИЕ СЕРДЦЕМ

АВТОР

МАРИЯ БАШМАКОВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

«ЖЕСТЫ – ЭТО МЫШЕЧНАЯ ПАМЯТЬ», –
ВТОЛКОВЫВАЕТ НА РЕПЕТИЦИИ
В ПЕТЕРБУРГСКОЙ ШКОЛЕ-ИНТЕРНАТЕ №33
ДЛЯ СЛАБОСЛЫШАЩИХ ДЕТЕЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ
ДИРЕКТОРА ПО ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ
ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА ФЕДОСЕЕВА. С ДЕТЬМИ,
ИМЕЮЩИМИ НАРУШЕНИЯ СЛУХА, ОНА РАБОТАЕТ
26 ЛЕТ. СТОЛЬКО ЖЕ СУЩЕСТВУЕТ КОЛЛЕКТИВ
«СЛЫШИМ СЕРДЦЕМ», В КОТОРОМ УЧЕНИКИ
10–18 ЛЕТ ЗАНИМАЮТСЯ ЖЕСТОВЫМ ПЕНИЕМ,
ИНСЦЕНИРОВКАМИ И ТАНЦАМИ.

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА барабанит по столу, если кто-то фальшивит в интонации, эмоции или жесте. Говорит, что музыкального слуха у нее нет, а вот ритм и интонации воспринимает тонко.

Лиля разучивает стихотворение Марка Лисянского «Я себя не мыслю без России».

– Как ты думаешь, что ты испортила? – резюмирует Татьяна Николаевна.

– Тараторила.

– Еще?

– Забыла, где нужна интонация, – догадывается девочка.

– А еще делай мягче окончания. И найди в Интернете, кто такие комиссары и кто такой Икар.

Жест дополняет образ, который пытается увидеть и пере-

дать говорящий. Иногда отсутствие образа или диссонанс приводит к курьезам. К примеру, слово «работник» в сознании неслышащих подростков сцепляется с эпитетом «офисный».

Маша и Лиза репетируют басню Крылова. На слове «белка» девочки спотыкаются. Маша пытается освоить артикуляцию слова «барин» – получается певуче, с двумя ударениями. Падежи и склонения слабослышащим даются непросто.

– Барин – очень богатый человек, который купил белку, новый русский, – втолковывает педагог, поясняя, что барин «не зверек», как они решили.

В коллективе «Слышиш сердцем» работает сильная команда педагогов. Татьяна Федосеева, как руководитель, придумывает идеи, еще есть хореограф, видеомонтажер, педагог сценического движения. На постановку номера уходит от одного дня до года. Хореограф Мария Анатольевна абсолютно глухая и ставит потрясающие танцы. Яков Васильевич – ученик Татьяны Николаевны, слабослышащий. Он занимается жестовым пением с малышами и монтирует видео. Ирина Владимировна тоже хореограф

и педагог музыки. Она, как и Татьяна Федосеева, нормально слышит. Поначалу очень переживала, так как не могла понять менталитет неслышащих детей.

– Мы любой текст начинаем с разбора: о чем это? – говорит Татьяна Федосеева. – Вникаем в каждую строчку.

Когда Татьяна Федосеева начала работать в школе, ее ученики пели соло или дуэтом. Она попробовала ставить детей в трио, квартет. Дошли до 20 человек на сцене: и красиво, и синхронно. Получилось не сразу, признается Федосеева. Когда Татьяна Николаевна начинала работать, Интернета не было, нужно было методики выстраивать самостоятельно. У некоторых юных воспитанниц пальцы кажутся гибкими как лоза. Татьяна Николаевна смеется: «Это сейчас. Вы бы видели, что было раньше!» На занятиях сначала изучают темп, ритм, заучивают слова, отрабатывают звуки. В жестовом пении главное – четко и синхронно петь с исполнителем.

– Язык жестов отличается – в каждой стране свой. Более того, в разных регионах России жестовый язык различается.

Руки Татьяны Федосеевой – чуткий инструмент: объяснит, покажет. Поймут все

ДОЧЬ «НЕМЦЕВ»

Татьяне Николаевне 51 год. Она родилась в семье неслышащих родителей в Ярославле. Ее родители учились в школе города Шуи. После школы разъехались по разным городам, но папа маму нашел. Мать работала швеей. А отец был полировщиком на Ярославском заводе холодильных машин.

Татьяна училась в общеобразовательной школе, в классе – 35 детей. Глухие родители были только у Татьяны, и ее травили как дочь глухих. На родительские собрания отец и мать не ходили по понятным причинам: учителя сами их навещали и писали замечания.

– Было очень неприятно: люди вместе работают на одном заводе, при этом родителей называли «немцами», то есть «немыми», а по аналогии – «фашистами». Люди часто не видят разницы между немотой и глухотой. А проблемы с речью у родителей есть. Унижения было много. Родителям я об этом не говорила, – вспоминает Татьяна Федосеева.

Языку жестов родители начали обучать дочку в полтора года, к трем годам она отлично его освоила. Когда родилась младшая сестра, Светлана, Татьяна стала помощницей матери – связующим звеном между слышащими и глухими. Например, будила мать, чтобы та подошла к младенцу.

В старших классах школьная травля закончилась. Как-то раз в школе готовились к какому-то мероприятию, нужно было сшить костюмы, и только ее мама могла помочь. Одноклассников пришлось пригласить домой. Татьяна переживала из-за того, как друзья воспримут недуг ее близких. А знакомство прошло настолько удачно, что потом решили собираться только у «папы Коли», как ласково называли отца Татьяны Николаевны.

Родители Татьяны Федосеевой из семей слышащих, но оба в детстве перенесли менингит и потеряли слух. Папа – в 6 лет, мама – в 9 месяцев. И эта раз-

ница обусловила их владение речью: отец хорошо говорит, успел научиться, мама – плохо. Ее родители отлично читают по губам. Отец общителен и открыт, мама – весьма проницательна. Говорит она значительно хуже. Когда Татьяна познакомилась с будущим мужем, то боялась сказать ему о недуге родителей, опасалась, что любимый человек отвернется. Зря боялась.

«КТО ВАМ СКАЗАЛ, ЧТО ВЫ ИНВАЛИДЫ?»

Мама отговаривала Татьяну Федосееву от работы с глухими, полагая, что той будет трудно «терпеть их менталитет».

– Порой глухие занимают такую позицию: «Государство нам должно! Мне все должны помогать!» – объясняет Федосеева. – Часто им свойственны обидчивость, раздражение, если ты не смог помочь. Я всегда говорю и родителям, и детям: «Кто вам сказал, что вы инвалиды? У вас есть руки, глаза, чувство ритма, талант!»

Родители детей поддерживают ее. Проблемы, травмы и психологию неслышащих людей педагог знает хорошо, может сочувствовать, но не терпит специуляций на недуге.

– У меня есть сосед, он глухой. У него менталитет глухого человека, – рассказывает Татьяна Федосеева. – Он, видимо, не работает, каждое утро стреляет у мужиков во дворе сигареты. Мой отец вел себя иначе: он никогда ни у кого ничего не просил. Если ты не работаешь – брось курить! Муж относится к нему доброжелательно, а я – с презрением. Муж спрашивает, почему я не объясню соседу на языке жестов. Я объяснила: потому что он тогда никогда не отстанет. Так и вышло: сосед стал просить у мужа деньги, дрель, а под конец и машину напрокат...

– Идея толерантности правильная, – продолжает она. – В наше время в детях этого не воспитывали. Сейчас у нашей школы есть партнерство со школой с глубоким изучением японского языка. Там прекрасные

Задача педагогов коллектива «Слышим сердцем» – и номер поставить, и с образом юного артиста не ошибиться

дети, но, когда мы объединяем наших детей и слышащих, видим, что есть барьер. Дети не знают, как себя вести. А у меня в детстве комплекс неполноценности был жуткий. Я начала стесняться своих родителей, боялась поехать с ними в транспорте. Била маму по рукам и требовала прекратить говорить жестами. Оскорблений, когда я была ребенком, говорили не только дети, но и взрослые.

ПАРИКМАХЕР И ПИОНЕРВОЖАТАЯ

В юности Татьяна Николаевна собиралась быть парикмахером. Но когда окончила восемь классов, директор школы не отдала ей документы, за что сегодня Татьяна очень благодарна. Позже девушка потеряла интерес к парикмахерскому делу и поняла, что хочет посвятить жизнь глухим людям. Окончив школу, поступила в Ленинградский восстановительный центр и выучилась на сурдопереводчика. Ее сестра тоже получила эту профессию.

– Слово, артикуляция первичны, жест просто помогает, – говорит Татьяна Николаевна. – Есть глухие, которым лень говорить, они только машут руками, не открывая рта. Я могу понять жесты, если человек не открывает рта, но мои сокурницы-сурдопереводчики не смогли бы понять речь жестов без артикуляции. Когда глухие общаются голосом, то стараются быстро и просто передать факт, ведь интонацию они не слышат, а, используя жест, как бы пропевают высказывание. Жест делает речь глухого человека выразительнее.

После обучения Татьяна вернулась в Ярославль. К ней приходили за помощью в любое время люди с проблемами слуха, она представляла интересы глухих людей в поликлиниках, судах. Как переводчик Татьяна себя реализовала и хотела большего. Отработала в местном Обществе глухих год и поступила в Ленинградскую академию культуры на отделение «педагог досуга» на третий курс. Вышла замуж.

После окончания института свекровь рассказала ей о школе для слабослышащих детей. Татьяна пришла на 2-й Муринский проспект 26 лет назад, да так и осталась. Знакомство с детьми она запомнила на всю жизнь.

Молодой педагог вышла из кабинета директора, видит: дети кучкой собирались, изучают ее.

Хореограф
Мария
Анатольевна
лишена слуха,
при этом ставит
потрясающие
танцы

А директор сказала, что в школе жестовый язык не одобряется. Нужно разговаривать только голосом. Слабослышащие дети должны развивать речь и уметь читать по губам. В школе два отделения: на первом дети относительно неплохо слышат, но есть проблемы с речью. А на втором дети хуже слышат. 30 процентов учеников из семей глухих родителей. Все дети владеют жестовой речью. Дети с интересом на Татьяну Николаевну смотрят и спрашивают: «Вы кто?» – «Пионервожатая. Буду организовывать праздники». Школьники начинают общаться жестами между собой, а она делает вид, что не понимает фраз: «Посмотрим, что она из себя представляет». И тут Татьяна Николаевна начала «говорить» жестами. Этого детей не ожидали!

ВЫБОР ЛЕРЫ

Как-то Татьяне Федосеевой для номера понадобилась маленькая девочка. Худенькая Лера Паршакова была именно такой – хрупкой и маленькой. А еще – целеустремленной и умной. Лере доверили песню Красной Шапочки, а, чтобы дело пошло лучше, Татьяна Николаевна предложила ее маме вместе с дочкой разучить роль, включая и движения. Беременная мама не ослушалась. В итоге все кончилось хорошо: Лера успешно выступила, а мама благополучно родила. Сейчас Валерии 20 лет, она студентка Российской государственной специализированной академии искусств. Жестовым пением занималась с 7 лет. Ее мама Наталья отмечает: дочь стала более откры-

той, улучшила речь. Родители глухих и слабослышащих детей с огорчением говорят о стереотипе в обществе: многие полагают, что глухота и немота неразрывно связаны, а это неверно. Человек с проблемами слуха способен говорить, однако учиться говорить ему гораздо сложнее. Кстати, сами глухие слышащих называют «говорящие»...

– У нас часто на людей, говорящих жестами, косятся, – рассказывает Наталья. – Когда говорила или занималась в автобусе с Лерой фонетической ритмикой, на меня смотрели как на умалишеннную, а на нее – с презрительностью. Я знаю мам, которые в метро детям шапку не снимали, потому что стеснялись, что у детей слуховой аппарат. Бывает, начинают

в метро задавать бестактные вопросы, увидев аппарат у ребенка.

Страх быть отвергнутым или непонятым – серьезная травма глухих. Иногда инаковость сильно ломает характер, а порой – закаляет. Именно это произошло с Валерией. Она пошла в школу не в 8 лет, как большинство слабослышащих детей, а в 6. В детстве мечтала стать космонавтом, но, будучи человеком здравомыслящим, поняла, что это вряд ли получится. А занятия жестовым языком помогли сделать выбор – девушка решила стать актрисой и поступила в московский вуз.

Обычно после школы выпускники могут выучиться на пекаря, эколаборанта, автомеханика, сантехника, дизайнера.

Одноклассницы Леры пошли учиться на мастера по маникюру, кто-то стал визажистом, кто-то занялся фотографией. Лера сделала свой выбор. Семья ее поддержала, хотя мама не скрывает: поняли не все, включая родителей одноклассников дочери. Инвалидность и театр?! Зачем? Говорить о трудоустройстве после вуза не просто – больная тема. В Петербурге есть театр глухих, но он любительский. Наталья отвечала, что уважает выбор дочери и уверена, что Лера всегда сможет найти работу если не актрисой, то педагогом дополнительного образования. Валерия переехала из родного Петербурга в Москву. В 17 лет ей пришлось непросто.

– Одннадцать лет коррекционной школы приравниваются

к девяти годам обычной средней. Поэтому после окончания школы в Петербурге у нее на руках был аттестат о неполном среднем образовании, – объясняет мама Валерии. – К тому же пока она оканчивала одиннадцатый класс, ребята с ее курса уже учились на первом курсе подготовительного отделения. Обучаясь на этом отделении, ребята параллельно учатся в школе, оканчивая десятый одиннадцатый класс обычной школы, то есть получают полное среднее образование. При поступлении в вуз требуется именно этот аттестат.

Лере пришлось экстерном проходить программу десятого класса и поступать на второй курс подготовительного отделения. Она самая младшая на курсе. Чтобы поступить в уни-

Жесты Татьяна Николаевна называет «мышцами памяти»

верситет, надо сдать ЕГЭ, соответственно, получить среднее полное. Девушка, как человек с инвалидностью, могла выбрать не ЕГЭ, а упрощенную форму аттестационных проверок, но решила этого не делать. Став студенткой, один раз сорвалась, решив, что все зря, – и вернулась из Москвы в Петербург, но через несколько дней взяла себя в руки. Лера мечтает после окончания вуза вернуться домой и работать здесь. Но сначала хочет год поработать актрисой и задумывается о режиссуре.

«ТЫ ЧТО, ГЛУХАЯ?»

Воспитаннице Татьяны Федосеевой Маше Костометовой, которой так непросто дается слово «барин», 14 лет. Ее мама Вероника рассказывает о том, как изменилась дочь после занятий жестовым пением в коллективе «Слышим сердцем». Девушка занимается здесь три года.

– Татьяна Николаевна никогда не давит, но держит в приятном тонусе, – говорит Вероника. – Летом на Машу накатывает: брошу. Но стоит ей прийти к Татьяне Николаевне в сентябре, втягивается. У нас в коллективе не выделяют луч-

шего, но если у тебя не получается, не тюкают носом. Все ведется к тому, чтобы у ребенка не было боязни сцены, людей. Глухому ребенку страшно подойти на улице к человеку. Нужно привыкнуть к речи того, с кем говоришь. Когда Маша пытается объяснить продавцу в магазине, что ей нужно, теряется и получает реплики: «Ты что, глухая?» Нередко на детской площадке случались неприятные ситуации, когда взрослые, не распознав Машин недуг, оскорбляли ее. После занятий Маша стала меньше бояться выступлений на сцене, у нее очень улучшилась речь.

– Родители не найдут столько правильных слов, сколько Татьяна Николаевна. Я всегда могу ей позвонить, посоветоваться. Иногда она устает и срываются: «Надоело – ухожу!» Но никто на это внимания не обращает. Все понимают, что без занятий ни она, ни дети уже не смогут, – смеется Вероника. Программу к 9 Мая коллектив «Слышим сердцем» готовил онлайн из-за карантина. Татьяне Николаевне отправляли видео, а она поправляла: что не так с эмоциями или руками.

Жестовое пение требует колоссальной работы и от ребенка, и от педагога

Концерт тоже пришлось провести в онлайн-формате. Когда родители показывают друзьям видео с танцем неслышащих детей, те удивляются: «Они не слышат?» Перед пандемией коллективу со своим спектаклем удалось завоевать первое место на конкурсе.

«МЫШЦЫ ПАМЯТИ»

Жесты Татьяна Николаевна называет «мышцами памяти». И поясняет, что для тренировки таких мышц нужны не только говорящие гибкие руки, но и умение видеть образ. И понять жесты должен любой глухой человек. Но «беглости рук» для артистичного пения мало, без выразительных, живых глаз ничего не получится.

Татьяна Николаевна днями пропадает на работе. Муж поначалу сильно огорчался, зато сын гордится матерью. У нее самой неоднократно опускались руки, особенно когда дети бросают коллектив. Жестовое пение требует колоссальной работы от ребенка. Обычно «Слышим сердцем» выпускает по 28 номеров в год, что с учетом специфики здоровья детей очень много. Ни одному ребенку Татьяна Николаевна не отказывала в участии в коллективе.

– Большая беда детей в том, что, окончив школу, они не могут продолжить общение и выступления на том уровне, к которому привыкли, – скрушаются Татьяна Федосеева. – Все идут в Дом культуры глухих, но бывают разочарованы. И по сути, их умения никому не нужны. Ты работаешь со старшеклассниками – и получаешь такое удовольствие! Потом они уходят – и ты так рыдаешь! Тебе себя, бедную, несчастную, которая из ничего не умеющих детей сделала таких артистов, жалко. И вот они уходят – и снова надо начинать с нуля. А потом втягиваешься. Мне хочется доказать всему миру, что наши дети такие же, как и все. Они должны поверить в себя. ♦

РОДНАЯ КРАСОТА

АВТОР

ЗИНАИДА КУРБАТОВА

ФОТО

ЛЕОНИДА АРОНЧИКОВА

ВЯТСКАЯ ГУБЕРНИЯ, КАК ИЗВЕСТНО, РОДИНА СРАЗУ ТРЕХ ХУДОЖНИКОВ ВАСНЕЦОВЫХ. ДВОЕ ИЗ НИХ БЫЛИ РОДНЫМИ БРАТЬЯМИ: АВТОР ЭПИЧЕСКИХ ПЕЙЗАЖЕЙ АПОЛЛИНАРИЙ И ВИКТОР, КОТОРЫЙ ОБРАЩАЛСЯ В СВОЕМ ТВОРЧЕСТВЕ К СКАЗКАМ И БЫЛИНАМ. РЕПРОДУКЦИИ «БОГАТЫРЕЙ» И «АЛЕНУШКИ» НЕСКОЛЬКО ПОКОЛЕНИЙ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ ВИДЕЛИ В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ. БЫЛ И ТРЕТИЙ ВАСНЕЦОВ: ЮРИЙ – ОДНОФАМИЛЕЦ ИЛИ, ВОЗМОЖНО, ДАЛЬНИЙ РОДСТВЕННИК ЗНАМЕНИТЫХ ЖИВОПИСЦЕВ.

ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ из Вятки перебрался в Петроград, занимался живописью, иллюстрировал сказки. Его котов, лисичку со скалочкой, Петю-петуха, конечно, каждый узнает. Юрий Васнецов родился в Вятке, но каждое лето проводил у бабушки с дедушкой в Ухтыме. Ехали туда, по его воспоминаниям, как цыгане – на телегах. Целое большое путешествие. А у дедушки – домик ря-

дом с церковью, сад, гуси, утки. Красивые места, сказочный лес. В этом году внучка Юрия Васнецова Мария Захаренко решила поехать на родину предков, увидеть своими глазами Ухтым. Отчасти повлиял на это решение и сайт, созданный местным жителем Петром Балабановым. Каждый день Петр выставляет на сайт свои репортажи о Богородском районе. У него есть любительская камера и компьютер, купленный на собранные нерав-

нодушными людьми деньги. Петр – мужичок вполне хваткий, по окрестностям даже зимой колесит на велосипеде, все новости узнает первым. Репортажи написаны иронично, достается порой и администрации, и соседям. Иногда это просто ролики с комментариями: «Дорогие земляки, предлагаю вашему вниманию небольшую видеозарисовку. Это не заморские дивные дали, а своя родная красота».

УХТЫМ

По зимнику добираться из Кирова в село Ухтым проще, но все равно это целое приключение: 130 километров дороги, по обеим сторонам которой часовыми стоят высокие заснеженные ели. Рейсовая маршрутка идет до поселка Богородское – это райцентр. А оттуда в Ухтым уже только на попутке. Туристов здесь не бывает. Хотя бы потому, что негде остановиться. Единственное место в Богородском, где можно переночевать приезжим, – это комната для гостей в райпо, рядом с районной администрацией. Зимой рано темнеет, на ули-

Мария Захаренко, внучка знаменитого иллюстратора детских книг Юрия Васнецова, приехала в Ухтым этой зимой неслучайно: эта ветвь Васнецовых происходит как раз из Ухтыма

цах ни души, только светятся окошки одноэтажных домиков. Утром из Богоявленского мы поехали в Ухтым на машине. В сельской школе давно ждали Марию Захаренко. Для Ухтыма, где живет всего 217 человек, это огромное событие. Рассказ Марии о семье Васнецовых слушали ученики школы и местная интел-

лигенция. После было много вопросов. Почему, например, в 1930-х годах Васнецова называли формалистом, как в семье отмечали праздники, какие придумывали розыгрыши и шутки, с кем из знаменитых вятичей дружил Юрий Васнецов? Потом Марии и нам рассказали о школе, которой в Ухтыме очень гордятся. Сейчас здесь всего шесть учеников. Обычно в таких случаях школу закрывают, детей направляют учиться в более крупное село, а это значит, что ребята вынуждены жить в интернате, в семье про-

Владимир Зашихин, заслуженный учитель России, преподаватель немецкого, директор местной школы. Именно его стараниями школу в Ухтыме удалось сохранить

Главная достопримечательность Ухтыма, храм Покрова Пресвятой Богородицы, поражает своими размерами. Он был построен в середине XIX века на деньги прихожан

водить только выходные. Но в Ухтыме придумали способ сохранить школу: перевели ее в областное ведение, новый статус помог укрепить позиции и улучшить финансирование.

Учителей здесь пятеро. В одном классе за маленькой партой сидит единственная первоклашка, учительница объясняет ей счет на палочках, тут же два пятиклассника пишут сочинение.

Каждый педагог ведет по два-три предмета. Легенда школы – директор, преподаватель немецкого, глава династии школьных учителей Владимир Александрович Зашихин. Он в старомодном черном костюме со значком «Заслуженный учитель России». Кажется строгим, но быстро понимаешь, что это впечатление обманчиво. Мы побывали на уроке, который он вел для Даши Вычугжаниной. За окном метет метель, силует сельской церкви едва пропадает в снежной завесе, а Владимир Александрович рассказывает о 16 федеральных землях Германии, указка скользит по цветной карте, директор безукоризненно произносит: Freistaat Sachsen, Magdeburg, Land Sachsen-Anhalt... Даша прилежно повторяет. Владимир Александрович смеется: «Я теперь мобильный учитель. Это такой новый термин. Мобильный – это значит, что в 6 утра я сажусь в школьный автобус и еду преподавать – в Ухтым, потом в деревню Таранки, потом в Хоршевскую».

А еще в школе есть музей, где в центре экспозиции красуется макет Покровской церкви села Ухтым, выполненный учениками под руководством учителя

труда, в прошлом главы района, знатного охотника на лосей и медведей Василия Ситникова. До храма Покрова Пресвятой Богородицы от школы метров триста. Высокий храм, 65 метров, поражает величием и свидетельствует, что когда-то Ухтым был богатым и многолюдным селом. Есть сведения, что до революции здесь проживало около 7 тысяч человек. В 1895 году император Николай II распорядился начать строительство Пермь-Котласской железной дороги. Ухтым предполагалось сделать станцией с депо, забрезжила возможность стать городком, однако этого так и не произошло.

На храм потрачены были немалые средства, собранные всем миром. Освятили храм в 1867 году. Архитектор, имя которого история не сохранила, явно подражал России: стройные портики с колоннами, чистота и строгость форм. Руководил стройкой ухтымский священник Гавриил Вылегжанин. Особой гордостью сельчан стал колокол в 311 пудов. В 1930-е годы храм закрыли, многоярусная колокольня была разрушена. Так и стоял храм разоренный, пока летом 2017 года не проехал мимо молодой иерей Василий Ижик. Он задумался о восстановлении Покровской церкви. Небольшую сумму выделил московский меценат. Удалось покрыть храм крышей, установить на куполе крест. Но предстоит сделать еще очень много...

Отец Василий с радостью согласился показать нам храм. Пока здесь очень холодно, промозгло. На стенах сохранились росписи, но большая их часть осыпалась. У алтарной части видны жернова и даже зерно – остатки хозяйственной деятельности колхоза имени Котовского. Отец Василий организовал уже 27 субботников: жителям Ухтыма удалось расчистить пространство внутри, привести в порядок территорию вокруг храма и бывшего дома настоятелей неподалеку. Каждый субботник снимает на камеру Петр Балабанов – это летопись воссоздания Покровского храма.

Эта дрезина перевозила начальство, эксплуатировалась на узкоколейке Басыновского торфопредприятия в Свердловской области. В 2018-м ее выкупил и отреставрировал Музей железной дороги в Кирово-Чепецке

КИРОВО-ЧЕПЕЦК И КАРИНТОРФ

Всегда интересны причины, по которым люди решаются покинуть большой город и переехать в глубинку. Чаще всего такие семьи начинают заниматься фермерством. Многие говорят, что устали от шума и плохой экологии мегаполиса, что хотят растиль детей подальше от городских соблазнов, что любят землю и хотят ни от кого не зависеть. Это понятно. А вот экономист Евгений Стерлин с супругой переехали из Москвы в Кирово-Чепецк, который славится плохой экологией. А все из-за того, что однажды Евгений путешествовал на машине и путь ему преградил шлагбаум

узкоколейки. Когда мимо на небольшой скорости прополз почти игрушечный тепловоз, Евгений понял, что вскоре изменит свою жизнь. Сначала они с женой Ксенией объездили почти все узкоколейки Европы, все взвешивали, думали о том, будет ли такое развлечение в России привлекать туристов. Затем выкупили узкоколейку в Кировской области. Вместе с ней супруги приобрели за небольшие деньги и паровозное депо со старой техникой. А дальше началась тяжелая работа по восстановлению депо и созданию Музея железной дороги. Для того чтобы увидеть этот музей, мы из Кирова сначала добрались до Кирово-Чепецка, затем по зимнику в микрорайон, а точнее, городок Каринторф. Вечером в Каринторфе было пустынно, фонари освещали каменные домики, выстроенные после войны пленными немцами. Прохожие подсказали, как добраться до музея – местной достопримечательности. Депо – это конечная станция узкоколейки. При нас сюда пришел тепловозик, украшенный светящимися гирляндами, за ним тащились два вагона. Следующим утром мы уже ждали на платформе в Кирово-Чепецке миниатюрный состав. В вагоне топилась дровами печка, было

Евгений Стерлин, московский экономист, перебрался из столицы в Кирово-Чепецк. Все из-за любви к миниатюрным паровозам

Поселок Каринторф отрезан от Кирово-Чепецка весной и летом, когда разливается река. Жители поселка добираются до города только по узкоколейке

тепло и уютно. Состав прошел по городу со скоростью 20 километров в час, а дальше переехал по железнодорожному мосту через реку Чепцу и оказался в Каринторфе. Автомобильного моста через Чепцу нет, река разливается весной и летом, четыре месяца в году Каринторф становится островом. Узкоколейка – единственная артерия, которая связывает этот микрорайон с Кирово-Чепецком. В Каринторфе нет сетевых магазинов и поликлиник, нет больниц. По узкоколейке возят абсолютно все, ездят абсолютно все – школьники в школу, взрослые на работу. При нас пожилые люди вели в Каринторф цистерны с питьевой водой (см.: «Русский мир.ru» №9

за 2018 год, статья «Узкая колея». – Прим. ред.).

Каринторф построили для тех, кто добывал торф и обслуживал местную ТЭЦ. Это сейчас от узкоколейки осталось 14 километров, раньше ее длина превышала 200 километров. Такие миниатюрные железные дороги в СССР строили охотно: они были дешевыми, монтировали их без специального оборудования. Прокладывали чаще всего в лесных массивах. Однако обслуживать узкоколейки было не просто, и постепенно от них стали отказываться. Отказалось и Каринское торфопредприятие от своей дороги, построенной в 1940-х годах. «Сюда во время Великой Отечественной было эвакуировано множество заводов из центральной части страны, – объясняет Евгений, – возник дефицит электричества, не было нефти и газа тогда, зато был торф

Узкоколейка в стране все меньше. Одна из них принадлежала Каринскому торфопредприятию. Когда торф перестали добывать, предприятие прошло узкоколейку с депо Евгению Стерлину

в междуречье Вятки и Чепцы. Начали торф добывать, построили электростанцию и для перевозки проложили узкоколейку. Построили капитальный мост – его длина более 100 метров. Это самый большой в России узкоколейный мост. До 2012 года постоянно ходили поезда с торфом и пассажирские поезда. В поселке Каринторф в лучшие времена жило 5 тысяч жителей, сейчас – полторы тысячи». Евгений и Ксения не содержат узкоколейку полностью, продажа билетов не окупает ее содержания, поэтому здесь помогает муниципалитет, все-таки это социальный проект. А вот музей – это уже забота семьи Стерлиных. Внутри депо кипит работа, реставрируют тепловозы. «Мы знаем все узкоколейки в стране, следим за ними. Если где-то разбирают дорогу, нам надо опередить металломонщиков, – рассказывает Евгений. – Как правило, из двух-трех тепловозов получается один. Остальные будут донорами. Наша задача, чтобы вся техника была на ходу. Недавно мы получили президентский грант, на эти деньги приводим в порядок тепловоз, который купили в Челябинске на детской железной дороге». Вся техника стоит в депо, но для туристов ее выводят на рельсы. Здесь одних только дрезин три экземпляра, причем все разные. Есть, например, дрезина для начальства: кабина от грузовика ГАЗ, легендарной полуторки, фары от паровоза. Есть простейшая дрезина, которую называют «бешеной табуреткой», соскакивать с нее сложно. В будущем Евгений собирается восстановить вагон-ресторан, именно в таком работала Тося Кислицына, героиня фильма «Девчата».

В музее и на узкоколейке трудятся два машиниста и сорок рабочих. Зимой здесь много работы – идет реставрация старинных паровозов. Как правило, из трех экземпляров собирают один. И он будет обязательно на ходу

СОВЕТСК, БЫВШАЯ КУКАРКА

От Кирова до городка Советска, бывшей слободы Кукарка, 140 километров. Центральная часть городка неплохо сохранилась, здесь есть и симпатичные деревянные дома с резными ставнями и воротами, и каменные купеческие особняки. Скромный домик, обшитый сайдингом, отмечен небольшой мемориальной доской: здесь родился Вячеслав Скрябин – будущий министр иностранных дел СССР, председатель Совета Народных Комиссаров Вячеслав Молотов. Дом-музей Молотова в свое время открыли в соседнем Нолинске, где позже жила семья Скрябина.

Местные любят сравнивать свой городок с Петербургом: многие дома здесь, почти как в Северной столице, украшены львами. Правда, звери из дерева и камня напоминают львов только гриевой – кукарские ваятели явно руководствовались собственными представлениями о царе животных.

Главная улица до революции называлась Казанской – через Кукарск шла дорога на Казань. Сейчас улица носит имя Ленина. Тротуары здесь на 2 метра ниже мостовой. Все потому, что под улицей был когда-то проложен подземный ход, по нему кукарские купцы возили свои товары. То ли от любопытных глаз прятали свое богатство, то ли контрабандой не брезговали.

Среди хорошо отреставрированных достопримечательностей – кирпичная пожарная каланча, возведенная по проекту вятского архитектора Ивана Чарушина. Сын архитектора Евгений Ивано-

Одна из достопримечательностей городка Советска, бывшей Кукарки, пожарная каланча. Недавно ее отреставрировали. Строил ее архитектор Иван Чарушин

вич уехал учиться в Петроград, стал знаменитым писателем и художником-анималистом. Всю жизнь дружил с Юрием Васнецовым. Советск – очень приятный чистый городок с неплохими гостиницами и кафе. Одна беда, пожаловался нам глава района Сергей Галкин, весной разливается река Немда, вода отрезает один район города от центра. Тогда деревянный мост приходится разбирать, а летом отстраивать снова. Это обходится в 3 миллиона рублей каждый год. На возведение же железобетонного моста потребовалось бы 100 миллионов. Зимой на льду Немды сидят на своих ящиках вооруженные коловоротами и удочками хватские ребята – рыбаки с ярко-красными от мороза лицами.

Купеческая Кукарка была славна ремеслами.

Сейчас здесь работают фабрики валенок, кондитерская и перчаточная.

Но главный

Центральная улица Советска носит имя Ленина. До революции она называлась Казанской. Здесь самые богатые купеческие особняки, обильно украшенные лепниной

бренд – кружевоплетение. По легенде, первой кружевницей городка была голландка, жена плотника, высланного при Петре I за какую-то провинность в вятскую глушь. А 1 августа 1893 года в Кукарке открылась школа кружевниц под попечительством жены земского врача Анастасии Григорьевны Афанасьевой. В 1946-м здесь основали профессиональное училище. А в 1958 году артель кружевниц превратилась в фабрику. Так получилось, что в стране больше знают вологодское кружево, но кукарское по красоте ему не уступает. Отличает его другое построение композиций, сочетание разноцветных нитей, такие элементы, как «вятская петля», «фестоны», «крыжовник». В 1999 году фабрика закрылась, промысел мог бы остаться в прошлом, если бы не мастерица Любовь Анцыгина. Она не только сохранила артель, в которой сейчас работает пять человек, но и сумела получить помещение в Техникуме промышленности и народных промыслов. В маленькой комнатке еле умещаются три рабочих места, остальные кружевницы работают дома. Воротники и шали поставляют в Москву, продают в Интернете. А еще передают секреты ремесла ученицам коррекционных классов

В селе
Завертная стоит
знаменитая
Никольская
церковь

Церковь Николая Чудотворца нам показал настоятель – протоиерей Петр Ковальский. Небольшого роста, с круглым добреющим лицом, он говорит, как будто немного смущаясь, быстро проговаривая слова.

«Этот храм в 1930-х хотели взорвать, но вступил председатель сельсовета, за что был изгнан из партии и должности лишился, – говорит отец Петр. – Когда началась война, то мимо церкви шли местные парни, которые отправлялись на фронт. Зашли в церковь, батюшка их благословил. Хотите верьте, хотите нет, но все они в 1945 году вернулись домой. А в хрущевские времена храм снова решили взорвать. Настоятелем тогда был отец Михаил Кокорин. Так он заперся в храме и никому не открывал. Они часовую поставили. Думают, сейчас он оголодает и выйдет. А тут же были запасы святой воды и мука для просфор, как и положено в храме. Вот отец Михаил питался этой мукой. А часовую-то был местный. Он постоял на посту неделю и ушел. Так спасен был храм».

У Михаила Кокорина яркая биография. Он служил в Красной армии, о чем потом всегда напоминал притеснявшим его представителям власти. В первый раз был арестован как антисоветский элемент и отбывал срок в Дмитровлаге, работал грузчиком, дворником, лесосплавщиком. После войны был назначен дьяконом в церковь села Прокопьевское Шабалинского района, через год возведен в сан иерея, был настоятелем храма в селе Пиксур. В 1951 году его снова арестовали, он отсидел, вышел, служил в Покровской церкви Советска, затем в Завертной. Характер у батюшки был деятельный, он обладал мощным голосом, его проповеди пользовались популярностью. В Завертную потянулись верующие. В своем маленьком домишке по соседству с церковью священник устроил небольшую богадельню, где сам ухаживал за больными. Он умер в 1983 году, его могила на кладбище в Завертной всегда ухожена и украшена цветами.❶

СПАСЕННАЯ ЦЕРКОВЬ

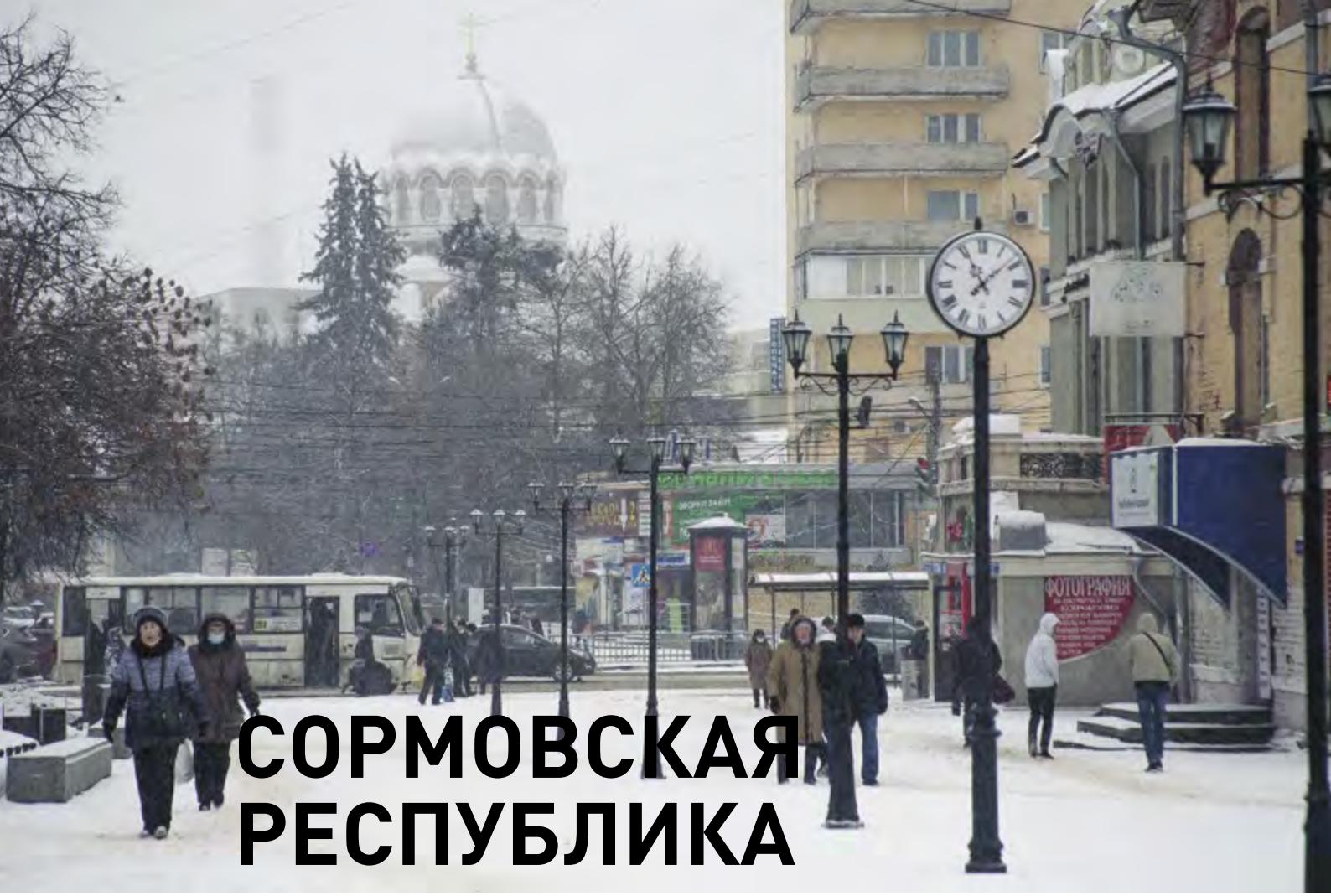
В Советске нам посоветовали обязательно съездить в село Завертная и посмотреть Никольскую церковь. Ее очень любят местные – со всей округи едут сюда венчаться и крестить детей. Храм стоит на пригорке, хорошо виден с дороги. Ему более 100 лет, но он ни разу не был поруган и осквернен, все историческое убранство здесь сохранилось, что для нашей страны редкость.

Протоиерей Петр Ковальский, настоятель церкви Николая Чудотворца в селе Завертная, охотно рассказывает о своем предшественнике, отце Михаиле Кокорине, благодаря которому храм не закрыли в хрущевские времена

техникума. В классной комнате склонились над валиками 15 девчонок, коклюшки ритмично постукивают. Сrepidukции знаменитой картины Тропинина смотрит на учениц кружевница. «У профессиональных кружевниц коклюшки в руках так и лежат. Не уследить за ними, – говорит Любовь Анцыгина. – Иногда у нас бывают хорошие заказы на какую-нибудь большую роскошную шаль. Но это редко. В этом году труднее заработать, а раньше к нам даже иностранные туристы приезжали. Помню, один раз были японцы, так они в очередь выстроились, все наши изделия купили. У них очень ценится ручная работа».

В техникуме помимо кружевоплетения учат деревообработке. Директор Андрей Тихомиров собрал хороший коллектив учителей. Многие из учеников – детдомовцы, с такими ребятами особенно сложно. Тихомиров придумал создать военно-патриотический клуб со спортзалом. Ходят сюда не только ученики, но и ребята, живущие по соседству. Клуб носит имя маршала Победы, командующего Ленинградским фронтом Леонида Говорова, уроженца этих мест. Есть в техникуме и музей, где на видном месте представлены целые композиции из кружев.

СОРМОВСКАЯ РЕСПУБЛИКА

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

НАРОДНАЯ ВОЛЯ ПОБЕЖДАЛА ЗДЕСЬ СО ВРЕМЕН СРЕДНЕВЕКОВЬЯ. СКРОМНАЯ ДЕРЕВУШКА В ДВА ДВОРА НА БЕРЕГУ ВОЛГИ ВПЕРВЫЕ ЗАЯВИЛА О СЕБЕ В 1542 ГОДУ, КОГДА КРЕСТЬЯНЕ НАПИСАЛИ ЧЕЛОБИТНУЮ ЦАРЮ ИВАНУ ГРОЗНОМУ С ЖАЛОБОЙ НА ПРИТЕСНЕНИЯ СОСЕДА-ПОМЕЩИКА. И ВЫИГРАЛИ ДЕЛО.

ЦАРЬ РАССУДИЛ, КАЖЕТСЯ, СПРАВЕДЛИВО. Терешка и Назарка Шуменевы занимались бортничеством и пахали землю. В 1542 году они взялись расширять угодья. Расчистили от леса «починок» – так называли новую землю под поселение. Живший по соседству боярский сын Копос Хабарщиков Шуменевых прогнал, заселив починок своими крестьянами. Долгое разбирательство закончилось указом из Москвы: царь распорядился восстановить справедливость и «Копоса из этого починка выгнать вон». В документах указано и прозвище Терешки Шуменева – «Сором». Такое название и закрепилось за его деревней.

УЛИЦА РЕЗНЫХ ИЗБ

В нынешнем Сормовском районе Нижнего Новгорода, или просто Сормове, как его именуют горожане, топонимы средневековой истории сохранились: на севере – поселок Копосово, на юге – Починки. Чего не скажешь о названии улиц. Вышел я из машины в центре Копосова на улице КИМа. Иногда пишут просто – «Кима». То, что улица названа по аббревиатуре Коммунистического интернационала молодежи, сейчас не знает, полагаю, добрая половина местных жителей. Вид улицы не соотносится с нынешним названием: два ряда бревенчатых изб, многие – по-запрошлого века. Резные укра-

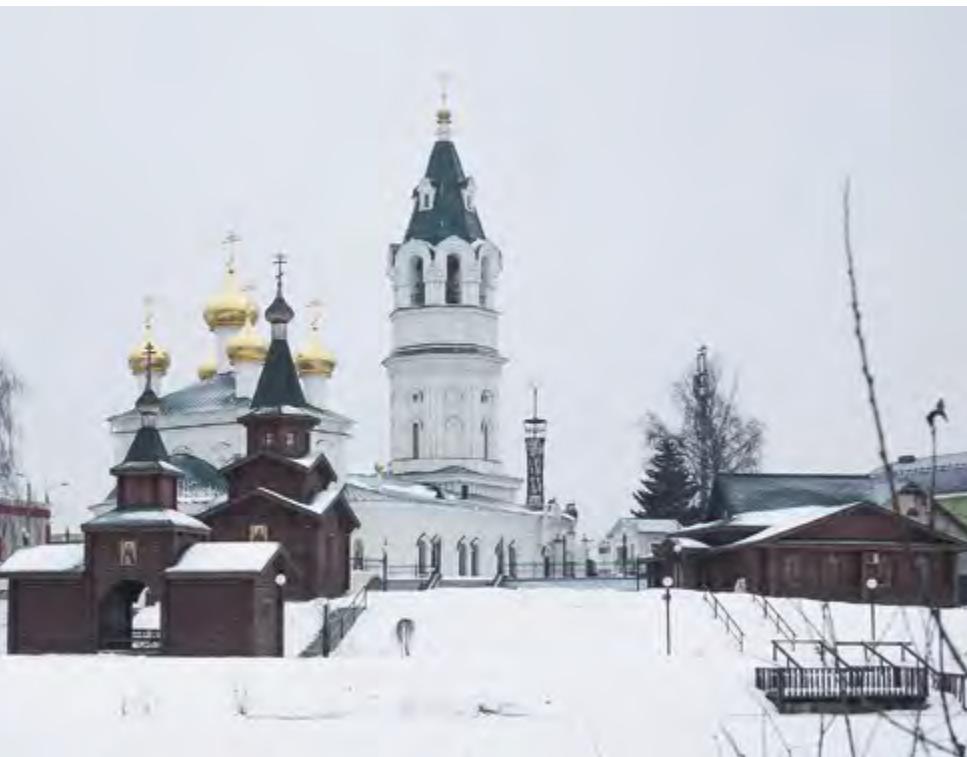
шения впечатляют: цветы и виноградные лозы вьются по фронтонам и подкрышным свесам, резные наличники на фасадных и слуховых окнах, мезонине. Вырезаны и года постройки: 1819-й, 1849-й, 1852-й... Словом, живой музей деревянного зодчества под открытым небом. Скрыть под сайдингом полуторавековые бревна здесь додумались немногие. Улица тянется 3 километра – походить и насмотреться на разнообразие старинных изб можно вдоволь. Сюда же затесалась Шуховская башня конца XIX века. Не столь высокая, как в Москве на Шаболовке, всего 23 метра. Зато оригинальной формы: напоминает песочные часы из металлических балок и обручей-стяжек. Изначально башня строилась для пожарной бригады, на ее вершине располагалась цистерна для воды и обзорная площадка. Сейчас она стоит за бетонным забором на территории автосервиса. В России осталось всего семь подобных башен. Примечательно, что впервые свою башенную конструкцию Владимир Шухов продемонстрировал публике на Всероссийской промышленно-

«ЛАСТОЧКА» И «ПЕРЕВОРОТ»

С середины XIX века тихое предместье Нижнего Новгорода начало меняться. В 1849 году «Компания Нижегородской машинной фабрики и Волжского буксирного и завозного пароходства» приступила к постройке судостроительного завода в Сормове. На берегу Волги вырубили вековой лес, построили цеха, мастерские, верфи. Один из учредителей компании, российский промышленник греческого происхождения Дмитрий Егорович Бенардаки, впоследствии стал единовластным хозяином предприятия. Он же дал новое имя деревне. Дело в том, что «Сорбомово» – как деревню именовали по имени основателя – к тому времени ассоциировалось с чем-то постыдным: «сором» на старорусском означает «срим, срамота». В этом до сих пор загадка для краеведов, ведь Терентий Шуменев в истории остался как личность достойная. Вероятно, в XVI веке слово «сором» использовалось в другом значении – например, «стыдливый», отмечено в словаре Владимира Даля. Или произошло от татарского «сорма» – «перекат», «отмель на реке». Предполагается, что отмель возле Сормова служила переправой для татарской конницы. И в русском обиходе закрепился, например, «соромный багор» для ловли на мелководье.

В общем, «срамное» по понятиям XIX века название для большого дела не годилось. И Бенардаки переименовал Сорбомово в Сормово.

Завод бурно развивался. В 1850 году был спущен на воду первый, деревянный волжский пароход – «Ласточка». В 1852 году – первый пароход с металлическим корпусом. Материалы для производства сначала привозили издалека: железо – с Демидовских заводов на Урале, детали котлов – из Англии, лес сплавляли с реки Унжи в Костромской губернии.

художественной выставке, проходившей в Нижнем Новгороде в 1896 году.

На крутом повороте улицы КИМа стоит самое старое здание Сормовского района – Троицкая церковь. Легенда гласит, что в 1365 году на этом месте преподобный Сергий Радонежский освятил источник для лечения заболевших чумой. Нынешняя каменная церковь была построена в 1803-м. Оригинальное белоснежное стро-

ение, видное с улицы отчетливо, со стороны леса сливаются с заснеженными деревьями. За храмом – тот самый исторический источник, над которым поставлена деревянная шатровая церковь. Между церквями из снежного сугроба выглядывает большая гранитная плита. Можно подумать, что надгробная. Ах нет. Современное творчество. На плите улыбающееся солнышко раскрыло свиток с молитвой «Отче наш».

Троицкая церковь, святой источник,
Троицкий пруд...
За колокольней видна Шуховская башня

Глухая корабельная резьба на избах улицы КИМа

Гранитный камень – часть некой композиции, скрытой под снегом

Инструменты и оборудование покупались и на Нижегородской ярмарке.

Вскоре Сормовский завод стал одним из ведущих судостроительных предприятий России, производил как военные, так и гражданские суда, стал родоначальником технического флота: в конце 1850-х годов в России начали строить землечерпалки и земснаряды. Всего до 1917 года здесь было выпущено 489 судов.

Здравствует завод и поныне – под советским названием «Красное Сормово». Музей завода занимает отдельное здание, пять его залов посвящено истории предприятия.

«Первые двадцать лет Сормово строило только однопалубные суда, – рассказывает заместитель директора музея Маргарита Геннадьевна Финюкова. – Долгое время считалось, что двухпалубные пароходы крайне неустойчивы, при сильной волне будут переворачиваться. В 1872 году с сормовской верфи сошел первый речной двухпалубный грузопассажирский пароход, «Переворот». Название многозначное: для инженеров – переворот в судостроении, для речников – «переворот», которого все так боялись. Власти увидели в названии политический подтекст. Пароход переименовали в «Ориноко», затем в «Колорадо». Не менее странные названия, видимо, связанны с американским типом расположения гребных колес».

Здесь, у главной проходной завода, в разное время стояли дома рабочих, памятник Сталину, бюст Жданова...

Маргарита Финюкова рассказывает о сормовских героях романа Горького «Мать»

МАРТЕНОВСКАЯ ПЕЧЬ И «ГОНЧАЯ МАЛАХОВСКОГО»

«Дмитрий Бенардаки думал о развитии завода, – продолжает Маргарита Геннадьевна. – В 1869 году, в связи с активным строительством железных дорог в стране, взялся за сталеплавильное производство. Благодаря ему в России появилась первая мартеновская печь. Построил ее молодой инженер Александр Износков. До 1867 года Износков работал на Златоустовских заводах на Урале. В тот год он посетил Всемирную выставку в Париже, где был впечатлен сталеплавильной печью системы Сименса–Мартена. На Урале его идею внедрения новейших технологий отвергли. Так же как в Москве и Петербурге. Понимание он нашел через два года поисков – у Бенардаки. В марте 1870 года в Сормове была запущена первая мартеновская печь. Качество сормовской стали было удостоено Большой золотой медали на

Московской политехнической выставке 1872 года. Николай Путилов – хозяин известных заводов в Петербурге – отечественным инженерам не доверял. Для постройки своей мартеновской печи он пригласил иностранца, который сделал «козла», как говорят металлурги. Кирпич, металл, шлак – всё там спеклось одним комом, застыло так, что пришлось конструкцию срубать под корень. Путилов обратился в Сормово с просьбой командировать ему для работы Износкова. Так в 1874 году на Путиловском заводе появилась вторая в России мартеновская печь. На столетие события ленинградские металлурги подарили нам «Узел дружбы» – завязали стальной прут вечным узлом».

До промышленного кризиса 1875 года завод был одним из крупнейших предприятий страны, здесь работало 11 отделений: машиностроительное, судостроительное, сталелитейное, железопрокатное... К началу невзгод Дмитрия Бенардаки

Модель знаменитого «Переворота»

Памятник-паровоз среди панельных многоэтажек смотрится колоритно

уже не было в живых, его наследники справиться со спадом производства не смогли. Император Александр II назначил заводу опекунов, что позволило спасти его от разорения.

К концу XIX века в Сормове работало около 20 тысяч рабочих. Завод стал одним из основных производителей железнодорожных вагонов в России. Помимо обычных пассажирских и товарных вагонов впервые в стране былипущены на рельсы цистерны для нефти, вагоны для перевозки пива, вагоны-ледники. В музее представлена фотография и первого двухэтажного пассажирского вагона – внешне он очень похож на нынешние «двуэтажки» РЖД.

В 1910 году инженер Бронислав Малаховский сконструировал паровоз серии С (то есть «Сормовский»), прозванный «Гончая Малаховского». Локомотив развивал скорость до 125 километров в час. Не знал себе равных и по экономичности – долгое время этот паровоз и его модификации считались лучшими в России.

Среди рабочих талантов тоже хватало. Например, самоучка-слесарь железнодорожного цеха Тихон Третьяков то и дело находил способы усовершенствовать станки и станы, приводя в замешательство цехового инженера.

«ГЛУХАРИ», «ВАНДАЛ» И «МЕТАМОРФОЗА»

«Многочисленные железнодорожные мосты тоже делали в Сормове. – Маргарита Геннадьевна демонстрирует кусок стали с большими шишками. – Вот образец клепанной конструкции, какие производили на заводе, их транспортировали к месту строительства и монтировали на месте. Клепальщиков называли «глухарями». Во время работы стоял такой грохот молотков, что через два-три года рабочие глохли. Многие мосты Транссиба – наших рук дело. Для сборки мостов рабочие уезжали в Сибирь и на Дальний Восток с семьями, жили там кто месяцами, кто годами...».

В Сормове создали мощнейшую паровую машину для бронепа-

лубного крейсера «Очаков» 1902 года постройки. Изначально предполагалось заказать супермощный двигатель на 20 тысяч лошадиных сил за границей, но желающих взяться за него так и не нашлось. Выручили сормовские инженеры и рабочие.

В 1903 году с верфей Сормова сошел первый в мире теплоход. Для «Товарищества братьев Нобель» было построено нефтеплавильное судно «Вандал», работавшее на дизельном двигателе с электрической передачей. Свообразный такой танкер, у которого еще и паруса на всякий случай предусмотрены. Кстати, сормовские кораблестроители термин «теплоход» не любили ни тогда, ни сейчас: по-прежнему все суда и на паровой машине, и на дизеле называют пароходами.

От периода Первой мировой войны в музее сохранился сувенирный миллионный снаряд и ноу-хау того времени – первые бронешиты, прообраз современных бронежилетов. Щиты делали из легкой и пуленепробиваемой стали, весили они 8 килограммов, использовались и в качестве укрытия во время стрельбы – для ствола в щите имелось отверстие. До массового производства бронешитов дело не дошло, ни одного экземпляра не сохранилось – только письма офицеров с просьбой изготовить щиты и выслать их на фронт.

В музее имеется большой зал, посвященный быту сормовичей XIX–XX веков. Традиционная льняная рубаха, овчинный тулул, женские платки из набивного ситца, посуда, безмен в виде булавы – все местное. Некоторые предметы быта типа колунов и ухватов производил сам завод. В закромах сормовичей сохранилось даже мыло с той самой Всероссийской промышленно-художественной выставки 1896 года. «Метаморфоза», как значится название мыла на упаковке, должна была уберечь лицо от веснушек и загара – для пущей убедительности на упаковке помещен портрет барышни с белоснежной кожей.

КОРАБЕЛЬНАЯ РЕЗЬБА И КАПУСТА

К судостроению Сормово имело отношение и до Бенардаки. Резные украшения изб здесь до сих пор называют глухой корабельной резьбой. В старину местные жители подобным образом украшали деревянные суда. Глухая резьба – это украшения в виде барельефа, орнаменты не прорезают доски насквозь. По характеру резных украшений невооруженным глазом можно определить возраст дома: если глухая резьба – это середина XIX века, если сквозная – дом рубежа XIX–XX веков.

О стилях резных украшений, смыслах, мастерах-резчиках былых времен сейчас поговорить не с кем: корабельная резьба канула в Лету вместе с деревянными судами. В народе бытует лишь одно предание о судоходных успехах праотцев. По причине бедности местной почвы искони в Сормове хорошо росла только капуста. Нагрузив лодки кочанами, сормовичи спускались по Волге до Астрахани, где за капусту давали хорошие деньги. Сбор урожая происходил осенью, так что обратный путь из Астрахани был труден: тащили лодки против течения волоком, под дождем и мокрым снегом. От того ноги у сормовичей, как известует предание, были больные. Поверить в такую одиссею ради капусты довольно сложно: до Астрахани вообще-то 2300 километров... Старинные резные избы стоят не только на улице КИМа – они встречаются по всему Сормову, что придает особый колорит этому району миллионаового мегаполиса. Стоит пойти в сторону от старой Большой дороги (сейчас это улицы Коминтерна, Свободы и Хальзозвская), миновать ряд советских четырехэтажек, как окунешься в деревянную старину. Впрочем, в избах есть газ, вода, канализация; внутренняя отделка мало отличается от обычной квартиры. Так, во всяком случае, рассказывали жители таких домов на улице Коминтерна. На этой улице особенно деревенский вид в той части, что ближе к берегу Волги – точнее, к заводу, занимающему весь этот берег. Последние лет семьдесят сормовичи живут со-

Обилие
старинных изб –
архитектурный
эксклюзив этого
района Нижнего
Новгорода

Памятный
миллионный
снаряд времен
Первой мировой
войны

всем не на Волге, как поется в «Сормовской лирической»: «На Волге широкой, на стрелке далкой...» Место слияния Оки и Волги – знаменитая стрелка – находится в непосредственной близости к сормовичам – там, конечно, можно выйти к воде. В старом же Сормове ни одна улица не выходит к реке: весь берег Волги перегородил разросшийся завод. В былые времена главная дорога к сормовской пристани шла по Александро-Невской улице (ныне улица Барrikад). Сейчас к берегу можно выйти по грунтовке через Копосовскую дубраву – сохранившийся островок реликтового приволжского леса.

ЗА РАБОЧИХ ИЛИ ПРОТИВ?

В конце XIX века Сормово во многом жило за счет госзаказов. За высокое качество продукции завод получил право изображать государственный герб. Ставили его даже на чугунные люки – один такой экземпляр не так давно был найден в металлургическом цеху. В то же время многотысячная армия рабочих славилась револю-

ционными настроениями. Массовые выступления, протесты, забастовки, стачки здесь были обычным явлением. Многие семьи работали на заводе не одно поколение, стремление управлять жизнью в поселке и заводом передавалось от родителей к детям – заводской анклав называли «Сормовской республикой».

В 1899 году рабочие, недовольные задержкой зарплаты и снижением расценок за работу, подняли настоящий бунт. Разогнали полицию, громили завод и магазины, машины электростанции засыпали песком. Директор завода Федор Фосс едва успел убежать по Волге на моторной лодке. После восстановления порядка требования рабочих были удовлетворены.

Одним из самых рьяных революционеров был потомственный судостроитель Петр Заломов, ставший прототипом Павла Власова в романе Максима Горького «Мать». Кстати, сам Горький в детские годы жил в Сормове недалеко от главной проходной заво-

«Вандал» –
первый теплоход
в мире

Памятник Дмитрию Бенардаки. В 2011 году останки промышленника были перезахоронены в некрополе Александро-Невской лавры в Петербурге

да – там, где сейчас стоит здание ЦКБ «Лазурит». В романе писатель изображает жизнь сормовских рабочих исключительно трагично и явно необъективен. Завод обеспечивал работников бесплатной медициной, строил для них дома, предоставляя ипотеку под 4 процента. Школа в Сормове считалась одной из лучших в регионе. Первая церковно-приходская школа была открыта в 1885 году в здании новой Александро-Невской церкви. Затем школа получила еще два отдельных деревянных строения, а в 1903 году переехала в роскошное каменное здание в четыре этажа. Другой каменной четырехэтажной церковно-приходской школы в России не было. В сущности, это был прообраз профессионально-технического училища. Помимо Закона Божьего и общей грамоты в школе преподавались прикладная геометрия, алгебра, физика, техническое рисование и черчение. Мальчики изучали слесарное и столярное дело, девочки – рукоделие

и основы педагогики. Правда, проработавший на заводе сорок лет Тихон Третьяков в своих мемуарах жаловался, что «пожертвования» на строительство Александро-Невской церкви были принудительные: с каждого рубля зарплаты отчислялась одна копейка. Школу поначалу также содержали рабочие. И даже добровольные пожертвования на возведение Спасо-Преображенского собора были устроены так, что от них нельзя было отказаться. Как бы там ни было, сормовичи воспринимали храмы как часть своей «республики», качали права и здесь – требовали, например, служить панихиды по рабочим, расстрелянным во время Кровавого воскресенья в Петербурге.

В «Школе баррикад» сейчас располагается лицей №82

ХРАМ ВИЗАНТИЙСКИЙ И «КОПЕЕЧНЫЙ»

43-метровый собор виден с Большой дороги. Выполнен в стиле Святой Софии в Константинополе. Насколько главный купол получился парящим, как в знаменитой византийской святыне, посмотреть не удалось: верхний храм оказался закрыт. Храм впечатляет величием. Недаром очертания Спасо-Преображенского собора помещены на герб района.

Отдали наконец должное и основателю Сормовского завода Дмитрию Бенардаки. Бронзовый памятник промышленнику с моделью парохода на рабочем столе поставили в 2019 году неподалеку от собора, в самом центре Сормова. В советское время его если и вспоминали, то как «акулу капитализма». Дмитрий Бенардаки был одним из самых успешных предпринимателей в России. До 23 лет он и не думал о бизнесе, служил в Ахтырском гусарском полку. Но после смерти отца должен был заняться делами семьи. И так занялся, что стал одним из первых миллионеров в стране, создателем «Империи Бенардаки». Дружил с Гоголем, помогал ему финансами. Во втором томе «Мертвых душ» Николай Васильевич изобразил Бенардаки как образцового и благотворительного хозяина – Костанжогло.

Колокольня Александро-Невской церкви возвышается над цепью заводских зданий недалеко от главной проходной. Рабочие раньше называли церковь «копеечной» – в память о копеечных отчислениях. Храм был возрожден только

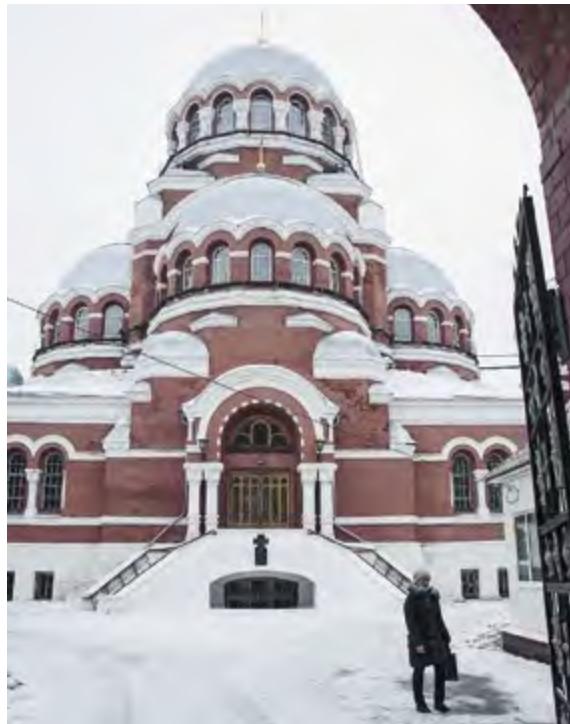
в 2003 году и до сих пор сияет новизной: полированный гранитный пол, мраморный иконостас, росписи. 10 белых колонн только с виду новенькие – отлиты они на заводе из чугуна в 1882 году.

«ШКОЛА БАРРИКАД»

Историческое здание известной сормовской школы стоит в 200 метрах от Александро-Невской церкви, на Большой дороге. Оригинальный куб красного цвета с арочными элементами и украшениями в стиле модерн. Козырьки над входами сделаны брутально – весят на цепях. До революции над южным фасадом школы возвышался большой каменный крест – там на верхнем этаже располагался храм в честь преподобного Сергия Радонежского. Службы здесь проходили только в субботу и воскресенье. В остальные дни иконостас драпировали занавесом, храм превращался в четыре классные комнаты – его перегораживали деревянными щитами и ставили парты.

Спасо-Преображенский собор, здание школы, Клуб инженеров Сормовского завода, жилой трехэтажный дом служащих завода – автором многих зданий Сормова является нижегородский архитектор Павел Петрович Малиновский. В советское время ему удалось сделать неплохую карьеру в Москве, но ничего более значимого он не спроектировал.

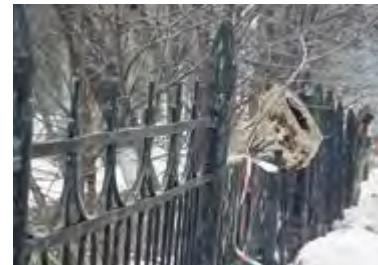
Со стороны жилых домов школа огорожена интересным забором: столбы – из корпусов снарядов «катюш», в качестве украшений использованы кольцеобразные элементы танковой передачи. Старожилы вспоминают, как в детстве катали эти «кольца» на проволоке – игрушку такую делали. А жилые дома украшены изящнее – оградой 1916 года. Художественное чугунное литье было выполнено на Сормовском заводе. Вскоре после революции заказчик потерялся, ограда долго лежала на складе. А в 1927 году было закончено строительство двух «красных» многоквартирных до-

Просторная и очень светлая Александро-Невская церковь

С открытием Александро-Невской церкви в 1882 году Сормово приобрело статус села

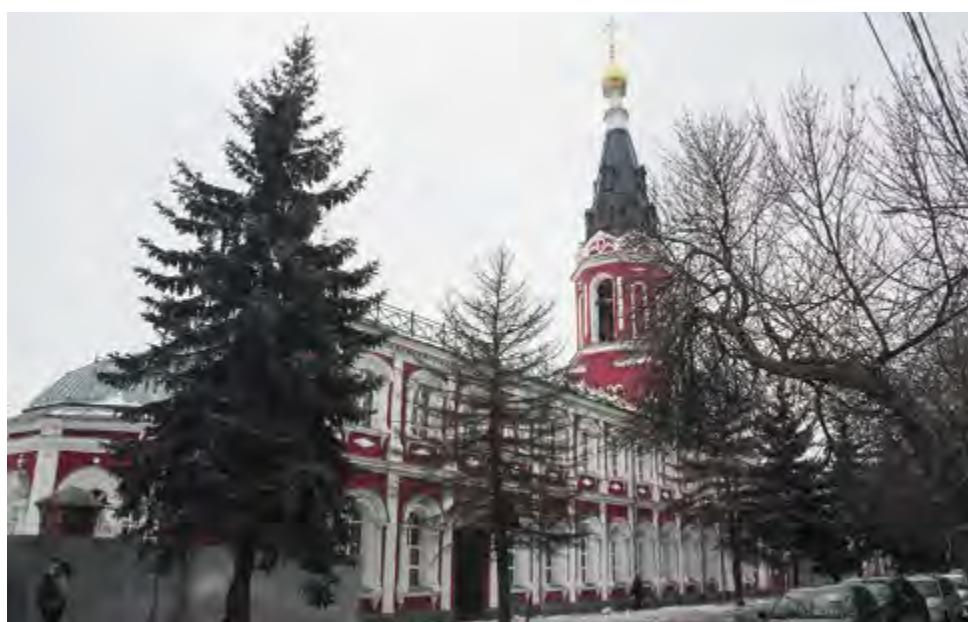
мов, двор которых и решили украсить чугунным кружевом. Теперь вместо креста на южном углу школы стоит скульптура – «Памяти героев революции 1905 года». Колыбель народного образования Сормова стала центром вооруженного восстания рабочих в 1905 году. К осени того года революционеры фактически взяли завод в свои руки, в цехах делали самодельное оружие. В Нижнем Новгороде ходили слухи, что сормовские бунтари идут на город, богатые нижегородцы

Забор из корпусов снарядов «катюш» и элементов танковой передачи

покидали свои дома. 12 декабря восставшие соорудили баррикады возле школы, перекрыли путь к Александро-Невской церкви и заводу. В самой школе располагались штаб и боевая дружины, в окне была установлена самодельная пушка. За два дня боев полиция и казачьи отряды восстание подавили. Но революционный настрой сормовичей разгорался. А школа, официально носившая имя императора Александра III, стала известна как «Школа баррикад». Так горожане называют ее и сейчас.

Сормово стало отдельным городом в 1922 году. Впрочем, не надолго. В советских реалиях Сормово было доверенным ревнителем боевых и технических инноваций самого разного рода. В этой заводской стране, откуда до выхода в Мировой океан более 2 тысяч километров, делали даже атомные подводные лодки. Только мало кто об этом знал. 📸

Подписывайтесь на журнал

РусскийМир.RU

**Во всех почтовых
отделениях России:**
по каталогу агентства
«Книга-Сервис» –
«Объединенный каталог.
Пресса России.
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

**В почтовых отделениях
стран СНГ:**
по каталогам
«Российская Пресса»
ОАО «Агентство
по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:
электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

За рубежом:
электронный каталог агентства
«ИНФОРМАУКА» на сайте
www.informnauka.com

**Корпоративная подписка
по Москве (доставка курьером):**
электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@russkiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru